A decorative border with a repeating floral and vine pattern in black and white surrounds the central text area.

Е.П. Мыськов

**Политическая
история
Золотой Орды
(1236—1313 гг.)**

Научное издание

Мыськов Евгений Павлович

**Политическая история Золотой Орды
(1236—1313 гг.)**

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *О.В. Изотова*
Технический редактор *А.В. Лепишкина*
Художник *Н.Н. Захарова*

Подписано в печать 15.05.03. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л 10,3.
Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 250 экз. Заказ *114* . «С» 61.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф., чл.-кор. АН РТ, заведующий кафедрой
этнографии и археологии
Казанского государственного университета
А.Г. Мухамедьян;
д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой археологии,
древней и средневековой истории
Волгоградского государственного университета
А.С. Суханкин

Рекомендовано к печати
ученым советом историко-экономического факультета ВГПУ
(протокол № 11 от 03.10.2002 г.)

М95 Мыслюк Е.П.
Политическая история Золотой Орды (1236—1313 гг.). — Вол-
гоград: Изд-во Волгоградского государственного университе-
та, 2003. — 178 с.

ISBN 5-85534-807-5

Монография посвящена анализу наиболее значимых событий по-
литической истории Золотой Орды второй половины XIII — начала XIV в.
Охарактеризованы основные направления внешней и внутрен-
ней политики золотоордынских ханов. Рассмотрены вопросы админи-
стративно-territориального устройства Золотой Орды, представляла
новая хронология правления первых золотоордынских ханов, а также
предложена реконструкция системы престолонаследия, существовавшей
в Золотой Орде.

Предназначено для историков, археологов, всех, кто интересу-
ется вопросами средневековой истории.

ISBN 5-85534-807-5

© Е.П. Мыслюк, 2003
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 2003

Введение

Золотая Орда — одно из крупнейших государственных образований средневековья — на протяжении длительного времени играла ведущую роль в жизни целого ряда народов и наложила заметный отпечаток на общий ход исторического развития многих государств Евразии. Именно поэтому наиболее важные события политической жизни Золотой Орды привлекали к себе самое пристальное внимание современников и, как правило, находили отражение на страницах летописей, хроник, исторических сочинений, официальных документов.

Особая роль Золотой Орды в системе международных отношений XIII—XIV вв. объясняет тот факт, что уже почти 200 лет вопросы образования, развития и распада этого огромного государства находятся в центре внимания специалистов. Ни у кого из современных исследователей не вызывает сомнения то, что углубленное изучение истории многих государств Европы и Азии невозможно до тех пор, пока не будет детально разработана история самой Золотой Орды. Однако вплоть до настоящего времени отдельные ее аспекты освещены в научной литературе явно недостаточно. Обобщающих научных трудов, специально посвященных политической истории Золотой Орды, относительно немного, причем большинство из них было опубликовано несколько десятилетий назад или еще ранее.

Обычно в исторических работах, посвященных изучению вопросов политической истории Золотой Орды, основное внимание уделяется анализу событий XIV столетия, что в первую

очередь следует объяснять тематической направленностью исследований, а также особенностями и состоянием источников. Это, конечно, не означает, что события XIII в. вообще не привлекали к себе внимания историков. Многие важные вопросы этого периода изучены достаточно полно и обстоятельно. Тем не менее некоторые ключевые проблемы ранней истории Золотой Орды еще далеки от своего окончательного решения и продолжают оставаться дискуссионными.

Уже в XVIII—XIX вв. отдельные вопросы политической жизни Золотой Орды в той или иной мере интересовали отечественных историков. В это время основными видами источников по истории Золотой Орды были русские летописи и отдельные произведения житийной литературы. Именно поэтому в большинстве научных работ внимание уделялось лишь тем политическим событиям, которые имели непосредственное отношение к истории Руси: завоевательным походам Бату, поездкам князей к Бату, Сартуку, Улагчи и Берке, роли Ногая в борьбе сыновей Александра Невского за великокняжеский стол, карательным экспедициям Неврюк, Тудана и т. д. [Иловыйский, 1996; Карамзин, 1992; Костомаров, 1997; Татишев, 1996]. Хотя уже в середине XIX в. появились работы по истории Золотой Орды, в которых кроме русских летописей использовались некоторые сведения восточных авторов и материалы ханских ярлыков [Березин, 1864].

В начале 70-х гг. XIX в. К.Н. Паткановым были переведены и опубликованы средневековые сочинения некоторых армянских авторов [Патканов, 1871; 1874]. Огромное значение для успешного решения целого ряда ключевых проблем золотоордынской истории имело издание в 1884 г. «Сборника материалов», относящихся к истории Золотой Орды», составленного В.Г. Тизенгаузеном на основе рукописей многих средневековых египетских авторов. Кроме того, В.Г. Тизенгаузеном были подготовлены к изданию извлечения из сочинений средневековых персидских авторов [Тизенгаузен, 1884; 1941]. Не меньшее значение имело издание в 1911 г. сочинений Платона Карпини и Гильома Рубрука в переводе А.П. Малеина.

После этого в изучении политической истории Золотой Орды начался новый этап, характеризующийся углубленным разбором конкретных исторических проблем и всесторонним

анализом деятельности наиболее известных политических лидеров [Веселовский, 1922; Насонов, 1996]. В 40-х — начале 60-х гг. XX в. выходит в свет целая серия больших обобщающих трудов, в которых в хронологической последовательности рассматривались наиболее важные события политической истории Золотой Орды с момента ее образования до окончательного распада [Треков, Якубовский, 1950; Сафаргалиев, 1996; Spuler, 1943]. В это же время публикуются сочинения Рашид ад-Дина, Марко Поло и серия армянских источников о монголах [Галстат, 1962; Марко Поло, 1955; Рашид ад-Дин, 1960].

С 60-х гг. XX в. в связи с началом широкомаштабных работ Поволжской археологической экспедиции наблюдаются определенные изменения в тематической направленности исследований, посвященных изучению Золотой Орды. В это время большое внимание уделяется проблемам взаимодействия кочевой и городской культур, исторической географии Золотой Орды, особенностей ее общественного строя, систематизации археологических и нумизматических материалов. Тем не менее в этих специальных работах исследователи уделяли большое внимание вопросам политической истории Золотой Орды и ее роли в системе международных отношений XIII—XIV вв. [Егоров, 1985; Закиров, 1966; Мухамедиев, 1983; Трепавлов, 1993; Федоров-Давыдов, 1973].

К настоящему времени выявлен целый комплекс ключевых вопросов ранней истории Золотой Орды, которые в том или ином контексте рассматривались в работах большинства отечественных и зарубежных специалистов. Среди них следует, прежде всего, выделить проблемы, связанные с завоевательными походами Бату и образованием государства Золотая Орда, политической деятельностью ханов Берке, Менгу-Тимура и правителя правого крыла Золотой Орды Ногая, а также проблемы правящего престолонаследия и хронологии правлений первых золотоордынских ханов.

Большое внимание исследователи всегда уделяли вопросам, связанным с завоевательными походами Бату против народов Восточной и Центральной Европы, а также основным причинам возвращения монгольских туменов в причерноморские и прикаспийские степи в начале 1243 г. По этому поводу высказан очень широкий спектр мнений.

Большинство советских историков придерживались мнения о том, что при покорении Волжской Болгарии, Руси и поволжских степей монголы понесли огромные потери, и поэтому для дальнейшего успешного наступления у них уже не было сил. Не меньшую роль сыграла освободительная борьба покоренных народов в тылу монгольской армии, которая в связи с этим была вынуждена повернуть на восток, не доводя до конца начатый завоевательный поход [Греков, Якубовский, 1950, с. 58—59; Каргалов, 1966, с. 94; Майский, 1962, с. 77; Пашуто, 1977, с. 212—215; Рамм, 1959, с. 144; Тихвинский, 1977, с. 8].

Неоднократно высказывалась мысль о том, что основными причинами отступления туменов Бату были серьезные разногласия в сфере верховного командования монгольской армии, смерть великого кагана Угедея и стремление большинства царевичей-чингизидов принять участие в работе кууртага по выборам нового правителя Монгольской империи [Гумилев, 1994, с. 167; Егоров, 1985, с. 26—27; Федоров-Давыдов, 1994, с. 7; Эренжэн Хара-Даван, 1991, с. 166]. Некоторые историки не сомневались в том, что монголы покинули Европу, потому что утрастились непобедимой мощи рыцарских армий [Spuler, 1943, p. 20, 22—23]. Весьма противоречиво оцениваются и общие результаты похода Бату. Если одни исследователи полагают, что он завершился «полным провалом», то другие считают возможным говорить о его «блестящем завершении» [Пашуто, 1977, с. 216; Эренжэн Хара-Даван, 1991, с. 166].

В работах многих историков рассматривалась проблема правил наследования верховной власти в Золотой Орде и других улусах Монгольской империи. Одни исследователи полагают, что ханом или каганом обычно становился «достоинейший Чингизид», указанный в завещании предшествующего правителя [Березин, 1864, с. 423]. По мнению других, трон мог овладеть любой представитель правящего рода [Владимирцов, 1934, с. 99]. Третий придерживаются мнения, что ханский престол передавался старшим родственникам умершего монарха [Jасков, 1978, p. 194]. Четвертые считают, что власть передавалась от отца к сыну [Spuler, 1955, p. 255]. Некоторые историки полагают, что в монгольском обществе вообще отсутствовали четкие представления о порядке наследования верховной власти [Бартольд, 1968, с. 147].

Наиболее подробно вопросы престолонаследия разобраны в монографиях В.В. Трепаилова и Г.А. Федорова-Давыдова. По мнению В.В. Трепаилова, в большинстве улусов Монгольской империи на первом этапе наследования власть передавалась от отца к сыну, а потом отдавалась дядям, братьям или племянникам, причем законная передача верховной власти могла произойти только на кууртаге. Трон передавался от одного брата к другому как бы по горизонтали или переходил к племянникам или дядям по диагонали [Трепаилов, 1993, с. 108]. Практически так же система престолонаследия охарактеризована в работе Г.А. Федорова-Давыдова, при этом он особо подчеркнул значимость правила старшинства при наследовании верховной власти [Федоров-Давыдов, 1973, с. 68].

В исторической литературе сведения о политической ситуации, сложившейся в Золотой Орде во второй половине 50-х гг. XIII в., обычно ограничиваются лишь краткими упоминаниями о том, что преемники Бату — Сартак и Улагчи, управлявшие Золотой Ордой по распоряжениям великого кагана Менгу, умерли один за другим в одном и том же году, после чего была казнена Боракчин, а золотоордынский трон захватил Берке [Вернадский, 1997, с. 156; Греков, Якубовский, 1950, с. 74; Мухамадиев, 1983, с. 46; Трепаилов, 1993, с. 82; Spuler, 1943, p. 33—34]. Временные рамки всех этих событий в различных работах очерчиваются по-разному, причем в большинстве статей и монографий даты приводятся без каких-либо специальных комментариев. Дата кончины Бату определяется 1255 г. или 1256 г., время правления Сартака — от 1255 г. до 1257 г., а смерть Улагчи — от 1256 г. до 1258 г. [Бартольд, 1968, с. 496, 499; Босворт, 1971, с. 203; Греков, Якубовский, 1950, с. 72, 74; Кучкин, 1991, прил.; Мухамадиев, 1983, с. 46; Насонов, 1996, с. 225; Похлебкин, 1999, с. 8].

Более подробно события второй половины 50-х гг. XIII в. рассмотрены в одной из глав книги М.Г. Сафаргалиева, но и здесь им посвящено менее одной страницей [Сафаргалиев, 1996, с. 316—317]. Только в специальной статье Г.А. Федорова-Давыдова дан подробный анализ событий этого периода золотоордынской истории и представлена развернутая аргументация по обоснованию датировок смерти Бату, воцарения Сартака, назначения Улагчи и прихода к власти хана Берке. Г.А. Федоров-

Давыдов считает возможным принять такие даты: — смерть Бату, начало ханствования Сартака и Берке примерно одновременно, смерть Сартака и начало правления Улагчи. 1257 г. — смерть Улагчи и начало единовластного правления хана Берке [Федоров-Давыдов, 1992, с. 82].

Среди историков пока нет единого мнения о том, при каких обстоятельствах Берке стал ханом Золотой Орды и было ли это следствием государственного переворота, повелеванием великого кагана, или решением законного курултая золотоордынских аристократов. В.В. Трепаллов считает, что в нашем распоряжении имеется достаточно данных для того, чтобы признать факт соправительства великого кагана Менгу и хана Берке, то есть факт утверждения законности правления последнего на территории Золотой Орды со стороны имперского правительства [Трепаллов, 1993, с. 62—83].

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, в 1256—1257 гг. в Золотой Орде существовало двоевластие. Берке и Сартак, а потом и его сын Улагчи какое-то время правили одновременно, находясь в разных ордах — своих кочевых ставках [Федоров-Давыдов, 1992, с. 81]. Берке захватил власть в Золотой Орде в то время, когда Сартак находился в Каракоруме у великого кагана Менгу, однако окончательную победу ему удалось опережать только после смерти Улагчи, причем в борьбе за трон он опирался на мусульманское купечество и городские верхи, которые были кровно заинтересованы в создании сильной центральной власти [Федоров-Давыдов, 1973, с. 70]. А.Г. Мухамидов высказал точку зрения о том, что Берке после смерти Улагчи, вопреки желанию Менгу, удалось завладеть престолом улусу при помощи поддерживавших его городов Поволжья и кочевников-кипчаков [Мухамидов, 1983, с. 46—47]. По мысли М.Г. Сафаргалиева, Берке, осваивавший власть над Золотой Ордой еще со времени смерти Бату, вступил на престол после убийства Боракчин, и его победа была облегчена поддержкой, которую ему оказали мусульманские купцы и духовенство Хорезма и Болгара [Сафаргалиев, 1996, с. 317].

Пока не удалось установить, когда именно Берке овладел золотоордынским тронном. В одной из глав работы Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского воцарение Берке отнесено к 1256 г., хотя в следующей главе речь идет уже о 1257 г. и, кроме того, здесь

же приведена ссылка на книгу А.Н. Насонова, который считал, что Берке стал ханом Золотой Орды в 1258 г. [Греков, Якубовский, 1950, с. 67, 74]. В.Л. Егоров, А.В. Карташев, А.Г. Мухамидов и Г.А. Федоров-Давыдов придерживались мнения о том, что Берке овладел золотоордынским тронном в 1257 г. [Егоров, 1990, с. 46; Карташев, 1991, с. 282; Мухамидов, 1983, с. 46; 1990, с. 121; Федоров-Давыдов, 1992, с. 82]. Эта же дата приведена в работах К.Э. Босворта, Т. Нагеля и А.Н. Поляка [Босворт, 1971, с. 203; Нагель, 1997, с. 58; Поляк, 1964, с. 38]. В книге В.В. Трепаллова приход Берке к власти отнесен к 1255 г., в монографии С. Закирова — к 1256 г., а в приложении к работе В.А. Кучкина — к 1258 г. [Закиров, 1966, с. 4; Кучкин, 1991, прил.; Трепаллов, 1993, с. 82]. К 1258 г. относят воцарение Берке и А. Астайкин [Астайкин, 1996, с. 542, табл. 2].

В работах многих отечественных и зарубежных историков достаточно подробно разобран вопрос о причинах войны между Берке и Хулагу за спорные территории на Кавказе. Все исследователи единодушно в признании того факта, что противоборство Золотой Орды и Ирана зародилось на почве серьезных экономических и территориальных разногласий [Али-Заде, 1956, с. 118—119; Греков, Якубовский, 1950, с. 76—78; Егоров, 1985, с. 195—197; Закиров, 1966, с. 4—18; Федоров-Давыдов, 1978, с. 25—26; Spuler, 1943, p. 42—43].

По мнению В.Л. Егорова, причины войны заключались во взаимных претензиях по поводу дележа награбленной добычи и захваченных территорий, а не в стремлении Берке отомстить Хулагу за разрушение мусульманских святынь и убийство халифа Мустасима, как это изображали средневековые авторы. Аргументируя эту точку зрения, В.Л. Егоров указал на следующие обстоятельства. Во-первых, Берке лично посылал на помощь Хулагу крупные доинские подразделения, которые принимали участие в разрушении Багдада. Во-вторых, золотоордынский хан никак не отреагировал на убийство халифа и даже не отозвал назад свои войска. В-третьих, Берке довольно долго не принимал предложения египетского султана Бейбарса о союзе в борьбе против Хулагу. В-четвертых, после смерти Берке войну с Ираном продолжали его преемники, которые мусульманами не были [Егоров, 1985, с. 195—196].

И.П. Петрушевский высказал мнение о том, что переход Ширвана и Азербайджана под юрисдикцию Хулагу был обусловлен прежде всего тем, что эти территории были удалены от центральных районов Золотой Орды, и поэтому Джучиды не могли ими эффективно управлять [Петрушевский, 1977а, с. 232].

Почти все исследователи, рассматривая вопросы, связанные с войнами Берке против Хулагу и Абаги, так или иначе, обращались к проблеме формирования дипломатических отношений Золотой Орды и Египта. Большинство историков единодушно признают, что тесные контакты между этими двумя государствами были обусловлены определенными внешнеполитическими задачами — стремлением золотоордынских ханов вырвать у Хулагуидов богатые области Ширвана и Азербайджана, а также желанием мамлюкских султанов оградить свои владения от монгольских вторжений [Вернадский, 1997, с. 169; Греков, Якубовский, 1950, с. 78; Сафаргалиев, 1996, с. 319—320].

История отношений Золотой Орды и Египта наиболее подробно рассмотрена в специальной монографии С. Закирова. На основании тщательной проработки материалов дипломатической переписки и деятельности многочисленных посольств автору удалось убедительно доказать, что связи между правителями Египта и Золотой Орды следует рассматривать как составную часть всей системы международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в XIII—XIV вв. Изменения в международной обстановке самым существенным образом сказывались на характере и интенсивности контактов мамлюкских султанов и ханов Золотой Орды. По мнению С. Закирова, правители Египта были в большей степени заинтересованы в организации союза против Ирана, поэтому инициатива создания антииранской коалиции исходила именно от них. Египетские султаны, с одной стороны, стремились поддерживать дружественные отношения и военный союз с Золотой Ордой против Ирана, а с другой — взаимно ослаблять оба эти государства, натравливая их друг на друга, ибо чрезмерное усиление нового союзника за счет окончательного разгрома Хулагуидов не отвечало интересам Египта [Закиров, 1966, с. 4, 5, 144].

В научной литературе, посвященной вопросам политической истории Золотой Орды последних десятилетий XIII столетия, особое внимание традиционно уделяется деятельности Но-

гая. Практически все исследователи признают, что в это время именно он являлся одним из самых влиятельных людей в Золотой Орде и был инициатором почти всех придворных интриг и переворотов. Неоднократно высказывалась мысль о том, что Ногай являлся суверенным правителем, но подчинялся верховной власти ханов и в государстве в это время фактически существовало двоевластие [Греков, Якубовский, 1950, с. 86; Закиров, 1966, с. 64; Костомаров, 1997, с. 172; Насонов, 1996, с. 123—124].

Несколько иную позицию по этому вопросу занимает В.Л. Егоров. Выводы о двоевластии в Золотой Орде при Ногае он считает неточными. По его мнению, в данном случае речь должна идти только о суверенности власти Ногая и фактическом отделении его улуса от остальной территории государства, хотя никакого юридического оформления обособления владений Ногай не произошло [Егоров, 1974, с. 41; 1985, с. 35].

Дискуссионными пока остаются вопросы, связанные с происхождением Ногая и законностью его притязаний на ведущую роль в Золотой Орде. А.К. Марков не только признавал Ногай полноправным ханом, но и считал возможным говорить об основанной им династии [Марков, 1905, с. 27]. Близкую позицию занимает В.В. Трепавлов, предложивший считать Ногай соправителем сарайских ханов [Трепавлов, 1993, с. 89]. Г.А. Федоров-Давыдов высказал мнение о том, что Ногай являлся правителем правого крыла Золотой Орды и предьявлял права на ханский трон [Федоров-Давыдов, 1973, с. 72—73]. В книге Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского отмечено, что Ногай не принадлежал к роду Чингизхана и поэтому никаких прав на золотоордынский престол не имел [Греков, Якубовский, 1950, с. 86]. И.Б. Греков и Ф.Ф. Шамагонов низводят его до уровня темника [Греков, Шамагонов, 1988, с. 106]. В.Д. Смирнов видел в Ногае только эмира и временщика [Смирнов, 1887, с. 101]. Н.И. Веселовский предполагал, что дед Ногая был побочным, незаконнорожденным отпрыском Джучи и поэтому прав на престол не имел, так как незаконные сыновья у монголов были ограничены в правах и им не давали улусов [Веселовский, 1922, с. 3]. Аналогичной точки зрения придерживался и С. Закиров [Закиров, 1966, с. 63].

Не совсем ясно, когда именно в полной мере проявилось политическое лидерство Ногай. Диапазон мнений по этому вопросу достаточно широк. По мысли Н.М. Карамзина, Ногай уже в начале 60-х гг. XIII в. не повиновался хану [Карамзин, 1992, с. 56]. Неоднократно высказывалась точка зрения о том, что Ногай стал вершителем государственных дел в Золотой Орде в годы правления Менгу-Тимура [Греков, Якубовский, 1950, с. 84; Закиров, 1966, с. 63]. В книгах Н.И. Веселовского, А.Н. Насонова и М.Г. Сафаргалиева образование двух военно-политических лагерей в Золотой Орде отнесено к началу 80-х гг. XIII в. [Веселовский, 1922, с. 22; Насонов, 1996, с. 123; Сафаргалиев, 1996, с. 324]. В.Л. Егоров в одной из своих работ отметил, что открытое вмешательство Ногай в вопросы престолонаследия началось только во время правления Тула-Бути [Егоров, 1985, с. 200].

Наиболее полно политическая деятельность Ногай разобрана в специальной монографии Н.И. Веселовского, который собрал и подробно проанализировал многочисленные сообщения египетских, персидских, византийских, сербских, болгарских, польских и русских летописей, а также рассмотрел вопрос о монетах, якобы чеканенных от имени Ногай. В книге Н.И. Веселовского уделено большое внимание вопросам генеалогии Ногай, причинам его возвышения, характеру взаимоотношений с центральной ханской властью, а также проблемам военно-политической истории Золотой Орды и уточнению датировок походов Ногай, Тула-Бути и Алгун с некоторыми русскими князьями против Польши и Венгрии [Веселовский, 1922, с. 1—58]. Не во всем выводами автора сейчас можно полностью согласиться, тем не менее вплоть до настоящего времени книга Н.И. Веселовского, написанная почти сто лет назад, продолжает оставаться одной из лучших работ о Ногае.

В исторической литературе неоднократно рассматривались особенности административно-территориального устройства Золотой Орды, в том числе и вопросы, связанные с делением всего государства на целый ряд более или менее крупных улусов. Наиболее подробная характеристика улусной системы дана в одной из монографий Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1973, с. 43—68]. В специальной работе В.Л. Егорова большое внимание уделено проблемам государственных границ Золотой Орды, территориям основных улусов, наличию свобод-

разных «буферных зон» в русско-ордынском пограничье [Егоров, 1985, с. 27—46]. Однако пока еще не удалось окончательно установить политический статус некоторых золотоордынских территорий, в частности статус правого крыла Золотой Орды, которым почти 40 лет управлял Ногай.

Некоторые исследователи полагают, что Ногай в начале 60-х гг. XIII в. был просто «направлен» или «послан» на западные границы государства [Греков, Якубовский, 1950, с. 84; Греков, Шахмагонов, 1988, с. 99]. В.Л. Егоров отметил, что в нашем распоряжении нет достоверных данных о принадлежности этой территории Ногаю с начала существования государства, и поэтому предложил довольствоваться признанием того факта, что его утверждение на западных границах произошло после смерти Берке [Егоров, 1985, с. 200]. Г.А. Федоров-Давыдов, признавая факт относительной стабильности крупных, основных золотоордынских улусов, тем не менее, выступил против тезиса о том, что власть над западными землями досталась Ногаю от отца и деда [Федоров-Давыдов, 1973, с. 53]. Определенное распространение имеет мнение о том, что эта обширная территория представляла собой наследственное владение потомком седьмого сына Джучи Бувала [Сафаргалиев, 1996, с. 327; Трепавлов, 1993, с. 89].

Рассматривая события политической истории Золотой Орды начала XIV в., исследователи особое внимание уделяют вопросам, связанным с вступлением на престол хана Узбека. В настоящее время в научной литературе существуют две точки зрения, которые восходят к двум различным версиям воцарения Узбека, изложенным у персидских и египетских авторов. По мнению большинства современных историков, Узбек, обратившийся в ислам еще до своего воцарения, овладел золотоордынским тронном в результате переворота, во время которого был убит Ильбасар — старший сын и наследник хана Токты [Греков, Якубовский, 1950, с. 90; Егоров, 1974, с. 42; Егоров, 1990, с. 52; Насонов, 1996, с. 134, примеч. 37; Сафаргалиев, 1996, с. 332; Федоров-Давыдов, 1973, с. 103—105]. Другие историки считают, что Узбек был законным образом избран ханом Золотой Орды и только после этого жестоко подавил выступление внутренней оппозиции, возглавляемой группой могущественных эмиров [Вернадский, 1997, с. 202; Закиров, 1966,

Таким образом, можно констатировать, что в научной литературе события политической истории Золотой Орды XIII — начала XIV в. изучены довольно неравномерно. Наряду с подробно освещенными и детально разработанными вопросами имеется целая серия проблем, еще весьма далеких от своего окончательного решения.

До сих пор не удалось точно установить, когда именно осуществлялся захват монгольскими войсками половецких степей, какие конечные цели были поставлены перед армией Бату и по чьей инициативе было начато наступление против Польши и Венгрии. Не совсем ясно, почему в 1243 г. тумены Бату вернулись в половецкие степи и было ли это движение на восток поспешным отступлением или бесцельным завершением похода.

Не до конца выяснены некоторые вопросы административно-территориального устройства Золотой Орды и тесно связанная с ними проблема взаимоотношений центральной ханской власти с наиболее влиятельными представителями кочевой аристократии. То же самое можно сказать и об исключительной по важности проблеме правил наследования престола, существовавших в Золотой Орде в XIII — начале XIV в. Хотя в письменных источниках содержится достаточно подробная информация о генеалогии золотоордынских ханов, однако этих данных явно недостаточно для того, чтобы судить о реальных преимуществах и законности притязаний того или иного претендента.

Весьма слабо разработаны вопросы, связанные с политическими событиями, происходившими в Золотой Орде во второй половине 50-х гг. XIII столетия. Это, прежде всего, относится к хронологии правлений первых золотоордынских ханов — Бату, Сартака, Улагчи и Берке. Разнойой в абсолютных датировках создает серьезные трудности для правильной интерпретации многих важных исторических событий, так как даже самые незначительные на первый взгляд хронологические подвохи приводит к диаметрально противоположным выводам. При таком положении очень трудно донять, а тем более аргументированно доказать, при ком из ханов Золотой Орды проводилась первая перепись населения Руси, кто из них ут-

верждал выпуск золотоордынских дирхемов, отчеканенных от имени великого кагана Менгу, по чьей инициативе и когда были посланы на помощь Хулагу тумены Балакана и Тутара, когда и при каких обстоятельствах пришел к власти Берке и почему именно при нем столь резко обострились отношения с Хулагу и Хубилаем.

Еще очень далеки от своего окончательного решения вопросы, связанные с деятельностью Ногай. Не совсем ясно, когда именно в полной мере проявилось его политическое лидерство, мог ли он законным образом претендовать на золотоордынский престол и следует ли полностью доверять сообщениям средневековых авторов о том, что именно он в последние десятилетия XIII в. фактически управлял государством, лишь изредка меняя зависящих от него ханов. В связи с этим особый интерес приобретают проблемы легитимности правлений Тууда-Менгу, Тула-Бути и Токты, а также их роли в политической жизни Золотой Орды.

Политическая ситуация, сложившаяся в Золотой Орде после гибели Ногай, то есть в первые годы XIV в., не привлекала к себе внимания исследователей и подробно не анализировалась. Между тем события этих лет представляют бесспорный интерес не только для понимания характера взаимоотношений ханской власти с наиболее могущественными представителями кочевой аристократии, но и помогают установить причины относительной территориальной стабильности некоторых золотоордынских улусов.

До настоящего времени не удалось окончательно установить, каким образом решался вопрос престолонаследия после смерти хана Токты и при каких обстоятельствах Узбек сумел овладеть золотоордынским тронем. Дискуссионными продолжают оставаться вопросы о времени обращения Узбека в мусульманство и общих результатах политики исламизации населения Золотой Орды.

К сожалению, собственно золотоордынских письменных источников почти не сохранилось. Определенный интерес представляют ханские ярлыки русским князьям и митрополитам, однако в них представлены очень ограниченные сведения о политической истории Золотой Орды XIII — начала XIV в. Основной объем информации по ранней золотоордынской ис-

торни содержится в сочинениях египетских, персидских, армянских авторов, а также в книгах западноевропейских путешественников и миссионеров, посещавших Золотую Орду в середине — второй половине XIII столетия. Не меньший интерес представляют материалы русских летописных сводов и отдельные произведения житийной литературы. Некоторые дополнительные данные по интересующей нас теме можно найти в трудах византийских, турецких, польских и китайских авторов, но в большинстве своем их сведения не отличаются особой оригинальностью. В работе использованы нумизматические и археологические материалы, которые дают дополнительную информацию по некоторым проблемам ранней истории Золотой Орды.

Наиболее подробная информация о политической истории Золотой Орды XIII — начала XIV в. содержится в книгах египетских авторов: Руки ад-Дина Бейбарса, ан-Нувейри, ал-Муфаддала и других. Весьма важно, что они были современниками описываемых событий. Однако далеко не все из этих событий нашли подробное отражение в сочинениях египетских авторов. Первые десятилетия золотоордынской истории в них изложены весьма поверхностно, противоречиво, с серьезными хронологическими ошибками. И это вполне понятно. До начала регулярных дипломатических контактов Золотой Орды и Египта сведения о положении дел в улусе Джучи черпались исключительно из сообщений купцов и путешественников, которые далеко не всегда располагали полной и достоверной информацией. Это признавали и сами составители средневековых хроник и летописей. Так, в сочинении ан-Нувейри после весьма краткого рассказа о Джучи, Бату, Сартаке и Боракчине сказано следующее: «Этим кончается известное нам об этих трех царях, и мы не узнали, что было с каждым из них по части (разных) случаев, войн, сражений и завоеваний, так чтобы могли рассказать все это» [Тизенгаузен, 1884, с. 151].

А.Н. Насонов высказал точку зрения о том, что данные средневековых египетских авторов в большинстве своем тенденциозны. Золотая Орда была союзницей Египта в борьбе против Ирана, и именно поэтому историки обычно следовали официальной версии, стараясь скрыть истинные причины событий, приукрашивая действительность [Насонов, 1996, с. 123,

примеч. 4]. С этим заключением полностью согласиться довольно трудно. Прежде всего необходимо отметить, что далеко не все составители средневековых летописей и хроник были придворными историками египетских султанов. Среди них были и частные лица, которые могли относительно свободно излагать ту или иную версию событий. Кроме того, практически во всех сочинениях имеются пространные рассказы об ожесточенной борьбе за власть, заговорах, массовых репрессиях, гражданских войнах.

Очень большое значение для решения многих ключевых проблем ранней истории Золотой Орды имеют данные русских летописей. Хотя летописные сообщения, как правило, довольно лаконичны, в них подчас содержится очень большой объем информации. Именно русские летописи являются одним из основных источников по тем периодам золотоордынской истории, которые не нашли практически никакого отражения в сочинениях других средневековых авторов. Это в первую очередь относится к событиям, происходившим в Золотой Орде во второй половине 50-х гг. XIII столетия. К сожалению, ни в одном из русских летописных сводов нет целостного изложения событий времени правлений Сартака и Улагчи. Тем не менее можно констатировать, что летописи удачно дополняют одна другую. Несмотря на известное многообразие сообщений, они не только не противоречат друг другу, но и выстраиваются в довольно стройный хронологический ряд. Например, сообщение Густинской летописи о воцарении Улагчи в 6765 г. (1257—1258), хорошо сочетается с данными Никоновской и Лаврентьевской летописей о неоднократных поездках русских князей в его ставку в 1257—1259 гг. и достаточно точно согласуется с данными Рогожского летописца, сообщавшего о кончине Улагчи под 6767 г. (1259—1260) [ПСРЛ, 1843а, с. 342; 1885, с. 141; 1922, стб. 32—33; 1927, стб. 474—475].

В русских летописях содержится ценная информация о политической ситуации, сложившейся в Золотой Орде в последние десятилетия XIII в. Особый интерес в этом отношении представляют подробные рассказы об «Ахматовых слободах» и борьбе сыновей Александра Невского за великое княжение [ПСРЛ, 1885, с. 160—161; 1910а, с. 169—170]. Хотя в этих сообщениях основное внимание уделяется деятельности русских

книзей, общий контекст повествования очень ярко иллюстрирует характер взаимоотношений Ногай со столичной администрацией и борьбу между различными политическими группировками золотоордынской аристократии.

При всем этом необходимо отметить, что некоторые сообщения русских летописей изобилуют фактическими ошибками, хронологическими неточностями и представляют собой довольно поздние, текстовые вставки, по своему содержанию весьма далекие от реальных исторических событий XIII — начала XIV в. Это, прежде всего, относится к летописным рассказам об угорском походе Бату, во время которого он якобы был убит, а также к некоторым сообщениям о походах Ногай и Тула-Бути против Польши и Венгрии [ПСРЛ, 18436, с. 210—213; 1885, с. 135—136; 1910 а, с. 162—163; 1910б, с. 83; 1949, с. 139—141].

Чрезвычайно ценные сведения о ранней истории Золотой Орды содержатся в книгах европейских путешественников и миссионеров, посещавших Монгольскую империю в XIII в. Среди них наибольший интерес, безусловно, представляют сочинения Плано Карпини и Гильома Рубрука. Особое значение этих источников заключается в том, что основной объем содержащейся в них информации базируется на личных наблюдениях авторов — людей очень внимательных и весьма образованных. Лишь очень немногие сообщения написаны ими со слов других лиц, причем в большинстве случаев это специально оговаривается в текстах. Такая четкость в изложении фактического материала объясняется, прежде всего, тем, что основным задачами «духовных миссий», возглавляемых Плано Карпини и Гильомом Рубруком, был сбор достоверной информации о военном потенциале империи и ближайших завоевательных планах монгольского командования. Их книги представляют собой не исторические или литературные сочинения, а подробные отчеты, специально написанные для Римского Папы Иннокентия IV и французского короля Людовика IX. Именно поэтому в них почти нет заведомо недостоверной, вымышленной информации.

Не менее важно и то, что большая часть отчетов Плано Карпини и Гильома Рубрука была написана непосредственно во время их пребывания в Монгольской империи, а не после

возвращения на родину. Об этом свидетельствует очень большое количество географических названий, личных имен и точных дат, запомнить которые было просто невозможно. Это, конечно, не означает, что работа над книгами была полностью закончена одновременно с завершением путешествий. Известно, что Плано Карпини уже после возвращения на родину «поправлял, исправлял и отделал ее (книгу. — Е. М.) в тех частях, где она была неполна», а Гильом Рубрук полностью закончил описание своего путешествия только через год после прибытия в Акру [Путешествия, 1957, с. 9, 17]. Однако эта работа, по-видимому, представляла собой лишь систематизацию путевых записок и их литературную обработку. Все это позволяет считать сочинения Плано Карпини и Гильома Рубрука весьма надежными письменными источниками.

Интересные сведения о подготовке и проведении завоевательного похода Бату имеются в сочинении миссионера Юлиана, который первым поведал европейцам о возможности монгольского нашествия [Алпинский, 1940, с. 83—90]. Некоторая информация о политической истории Золотой Орды XIII в. содержится в книге Марко Поло. Необходимо учитывать, что сам Марко Поло в Золотой Орде никогда не был и писал сообщения о Берке, Ногае и Токте со слов родственников и других лиц. Кроме того, свою книгу великий путешественник проделывал уже после возвращения в Европу [Марко Поло, 1955, с. 18]. Все это заставляет с определенной осторожностью относиться к некоторым сообщениям Марко Поло, в частности к его рассказу о первой битве между Токтой и Ногаем.

В настоящее время изучение политической истории Золотой Орды невозможно без использования сочинений средневековых персидских авторов — Джувейни, Рашид ад-Дина, Казвини, Вассафа и некоторых других. Необходимо отметить, что Золотая Орда на протяжении длительного времени враждовала с Ираном, и на Кавказе постоянно вспыхивали войны и вооруженные конфликты. Многие персидские авторы воспринимали Золотую Орду как враждебное государство и именно поэтому в своих описаниях нередко глумились и красили или представляли отдельные события в слишком мрачных тонах.

Правда, последнее замечание имеет отношение не ко всем персидским источникам. Например, сочинение Джувейни было

полностью закончено за несколько лет до начала вооруженной конфронтации между Золотой Ордой и Ираном. К сожалению, этот замечательный источник, за исключением нескольких небольших отрывков, до сих пор не переведен на русский язык [Juvaini, 1958]. Особое значение книги Джувейни заключается в том, что в ней очень подробно описан завоевательный поход Хулагу, в котором принимал участие и сам автор. Это позволяет считать его сообщения вполне достоверными, тем более что многие из них хорошо согласуются с материалами других источников.

Одним из наиболее информативных письменных источников о политической истории Золотой Орды, безусловно, является «Сборник летописей» Рашид ад-Дина. В нем содержится подробная генеалогия потомков Джучи и приведены достаточно полные сведения о наиболее важных политических событиях второй половины XIII столетия. Книга Рашид ад-Дина, как, впрочем, и большинство других средневековых исторических сочинений, была компилятивной, причем она так и не была окончательно отредактирована. Нужно сказать, что компоновка отрывков из сочинений различных авторов, которыми пользовался Рашид ад-Дин, не всегда удачна и в отдельных случаях порождает неточности и противоречия. Кроме того, на протяжении длительного времени Рашид ад-Дин занимал высокие государственные посты и поэтому в своем сочинении, как правило, излагал только официальные версии событий [Тизенгаузен, 1941, с. 27].

Для решения некоторых важных вопросов ранней истории Золотой Орды большое значение имеют труды средневековых армянских авторов, причем наибольший интерес, безусловно, представляет книга Киракоса. Хотя в этом сочинении освещен весьма непродолжительный период золотоордынской истории, многие его события изложены полно и обстоятельно. Весьма доказательно, что Киракос являлся очевидцем некоторых из описанных им событий, например перехода туменов Балакана и Тугтара через Дербент на соединение с армией Хулагу [Патканов, 1874, с. 88]. Впрочем, некоторые сообщения Киракоса следует признавать тенденциозными. Это в первую очередь относится к необычайно лестной характеристике Сартака, которая не согласуется с материалами других источников, например с данными Гильома Рубрука.

Для уточнения хронологии правлений первых ханов Золотой Орды, а также для правильного понимания отдельных исторических событий XIII — начала XIV в. большое значение имеют данные нумизматики. За последние десятилетия благодаря широкомасштабным и планомерным археологическим исследованиям в золотоордынской нумизматике произошел качественный сдвиг. Во много раз увеличился общий объем материалов, выявлены и всесторонне изучены десятки новых типов монет, значительная часть которых происходит из хорошо документированных закрытых комплексов (кладов, погребений), что значительно повышает их информативность. Особый интерес представляют ранние золотоордынские дирхемы, отчеканенные на монетном дворе Болгара от имен великих каганов Менгу и Ариг-Буги. Хотя эти монеты не датированы, они дают возможность установить характер взаимоотношений между Сараем и Каракорумом в годы правлений первых золотоордынских ханов и помогают понять причины формирования некоторых политических альянсов [Мухамадиев, 1983, с. 43—46]. С другой стороны, анализ наиболее важных событий середины XIII в. позволяет не только уточнить время чеканки отдельных типов недатированных монет, но и связать их выпуск с деятельностью того или иного политического лидера [Мисыков, 1999, с. 52—53]. Весьма важное значение имеют дирхемы Менгу-Тимура датированные 681 г. х. (11 апреля 1282 г. — 31 марта 1283 г.), и монеты, на которых его имя сочетается с титулом кагана. Эти нумизматические материалы позволяют усомниться в достоверности данных о дате смерти Менгу-Тимура, представленных в сочинениях многих средневековых авторов, и дают определенную информацию о времени окончательного обособления Золотой Орды от верховной власти великого кагана Хубилая [Федоров-Давыдов, 1987, с. 165].

Хорошо известно, что археологические материалы, как правило, дают весьма ограниченную информацию о политической жизни древних и средневековых государств. Тем не менее для изучения отдельных аспектов политической истории значение данных археологии трудно переоценить. Это, прежде всего, относится к проблеме исламизации населения Золотой Орды. Хотя в сочинениях средневековых авторов уделено большое внимание распространению ислама в Золотой Орде, одна-

ко почти все эти сообщения страдают явной тенденциозностью и обычно относятся к представителям высших слоев кочевой аристократии, а не к большинству рядового населения. Материалы, полученные при раскопках золотоордынских могильников, имеют массовый характер, отличаются абсолютной объективностью и высокой точностью датировок.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают относительно непродолжительный период — от 1236 г. до 1313 г. Его нижняя граница совпадает с началом широкомащштабных завоевательных походов Бату и образованием государства Золотая Орда. Верхний рубеж достаточно четко определяется временем вступления на престол хана Узбека, в первые годы правления которого произошли кардинальные изменения в политической, экономической, культурной жизни государства, и Золотая Орда вступила в новую стадию своего развития. При Узбеке ушел в прошлое обычай созывать курултай и решать на них наиболее важные государственные проблемы; наследование престола осуществляется по прямой линии — от отца к сыну, все большую роль в политической жизни государства играют не представители кочевой аристократии, а чиновники-эмиры; территория Золотой Орды уже не рассматривается как родовая собственность всех потомков хана Бату; ислам становится государственной религией.

Глава I

Завоевательные походы Бату и образование государства Золотая Орда

Образование государства Золотая Орда было непосредственно связано с завоевательными походами монголов первой половины XIII в. После покорения народов Дальнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Кавказа монгольские войска вторглись в Восточную Европу. Возглавлял армию внук Чингизхана Бату. Наступление на Восточную Европу не было его личной инициативой. Решение о завоевании этой обширной территории было принято в 1235 г. на курултае в Каракоруме. Преемник Чингизхана великий каган Угедей утвердил решение «завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату... Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угедей) назначил (следующих) царевичей: (сыновей Тулуя) Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Каданага и других царевичей: Кульхана, Бури, Байлара, братьев Бату-Хорду и Тангута — и несколько других царевичей, а из знатных эмиров (там) был Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и постыпили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились» [Тизенгаузен, 1941, с. 22—23].

В течение нескольких столетий народам Восточной Европы удавалось сдерживать натиск кочевых орд печенегов, гюзов, торков и половцев. Удивительная для средневековья мобиль-

ность кочевников, все войско которых состояло из конных воинов (а воином был каждый мужчина), хорошее вооружение, постоянное наличие в стаде сменных и выючных животных, способных к тебеневке, своеобразная тактика ведения боя, предполагающая серии неожиданных нападений, ложных отступлений и засад — все это делало степняков очень опасными противниками. Если учесть, что в средневековых битвах решающая роль всегда отводилась коннице, станет ясно, почему победить кочевников было очень трудно [Мавродина, 1983, с. 8].

Хотя непрерывная борьба со степняками требовала огромного напряжения сил и шла с переменным успехом, она в конечном итоге, как правило, завершалась победой. Объединенные кочевники в мощные межплеменные союзы отличались особой военной активностью.

Субатай

Однако такие союзы представляли собой крайне непрочные протогосударственные образования, которые быстро распадались на части после нескольких побед или поражений.

У монголов на рубеже XII—XIII вв. сложилось феодальное государство, основанное на жесткой военно-административной системе. Завоевание соседних стран и народов уже при Чингисхане было положено в основу всей государственной политики. Армия, возглавляемая Бату, представляла собой грозную силу, поскольку была спаяна строжайшей дисциплиной, единством власти, отсутствием в период завоеваний противоборства в среде кочевой аристократии, кровно заинтересованной в захвате новых pastбищ и материальных ценностей [Федоров-Давыдов, 1966а, с. 16].

Можно не сомневаться в том, что монгольское командование располагало достаточно подробной информацией о военном потенциале европейских государств и характере отношений между ними. Некоторые данные поступали от послов, купцов и путешественников, однако основные сведения были получены в 1222—1223 гг. во время похода Джебе и Субатай против алан, волжских болгар и половцев, в союзе с которыми выступили некоторые русские князья. Вероятно, поэтому главным помощником Бату был назначен именно Субатай.

Общая численность монгольских войск, подчиненных Бату, до сих пор точно не установлена. Мнения историков по этому вопросу далеко не однозначны. Например, Н.М. Карамзин считал, что на Русь в 1237 г. вторглась армия, насчитывавшая около 500 тыс. чел. [Карамзин, 1992, с. 182, примеч. 16]. По мнению В.В. Каргалова, в войсках Бату было 120—140 тыс. воинов [Каргалов, 1966, с. 24—25; 1968, с. 75], близкой точки зрения придерживался и Л.В. Черепнин [Черепнин, 1977, с. 192]. По подсчетам И.Б. Грекова и Ф.Ф. Шахмагонова, численность монгольской армии не превышала 40 тыс. чел. [Греков, Шахмагонов, 1988, с. 62]. Другие современные исследователи считают, что под командованием Бату находилось около 55—65 тыс. воинов [Егоров, 1992, с. 387; Кузьмина, 1998, с. 30; Чернышевский, 1989, с. 130]. Наиболее правдоподобными и аргументированными представляются точки зрения, согласно которым численность армии Бату составляла 50—60 тыс. чел., так как в этих расчетах учтены не только мобилизационные возможности Монгольской империи, но также политические, экономические и географические факторы.

В конце 1236 г. монгольская армия сконцентрировалась на границе Волжской Болгарии. Первый удар был нанесен до городу Болгару [История ТАССР, 1973, с. 23]. «Сначала они (шурманцы) силою и штурмом взяли город... который известен был в мире недостаточностью местности и большою населенностью» [Тизенгаузен, 1941, с. 23]. «Изибиша всех от стара и до юна, и до сущаго младенца, и град их сожгоша, и землю их всю поплениша» [ПСРЛ, 1965, с. 87]. Затем были взяты и разрушены города Бидлар, Кернек, Жукотин, Сувар [Черепнин, 1977, с. 191]. После этого монголы переправились в районе Самарской излучины на правый берег Волги и двинулись на запад к Рязань [Егоров, 1985, с. 182]. Получив отказ на предложение о капитуляции, Бату начал наступление. Белгород, Пронск, Ижославец и другие города были сожжены, 21 декабря 1237 г. после шестидневного штурма взята Рязань, все население которой было перебито или пленено, а сам город разрушен до основания.

К марту 1238 г. под власть монголов попали почти все города Владимиро-Суздальской земли. 4 марта 1238 г. на р. Сити были разгромлены русские полки, князь Юрий Всеволодович и его племянник Василий Константинович погибли. 5 марта был взят Торжок. После этого Бату начал движение в сторону Новгорода, но, не добыв до него, резко повернул на юг. Обойдя стороной Смоленск, монголы подошли к Козельску. В течение полутора месяца жители этого небольшого города отражали яростные штурмы. Только после того как к городу подошли тумыны под командованием Кадгана и Бури, он был взят и стерт с лица земли [Каргалов, 1966, с. 60—69]. В начале лета 1238 г. Бату направил свои войска в половецкие степи.

О завоевании монгольскими войсками причерноморских и прикаспийских степей в письменных источниках сохранились краткие, отрывочные и, как правило, недатированные сведения. Единственное исключение — довольно подробный рассказ Джувейни о действиях большого отряда половец под командованием Бачмана, который неоднократно совершал смелые нападения на монгольские войска в нижнем течении Волги. Он «бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уходил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска (монгольские) ни искали следов (его), нигде не находили его... Так

как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их... Менгу-каан велел изготовить 200 судов, и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откопавшего утром стана... Когда узнали наверняка, что Бачман только что откопчал и укрылся на острове... Менгу-каан приказал войску немедленно поспешать (на остров). Раньше чем он (Бачман) узнал, его схватили и уничтожили его войско... Когда Бачмана привели к Менгу-каану... тот приказал брату своему Бучеку зарубить его (Бачмана) на две части» [Тизенгаузен, 1941, с. 24; Juvaani, 1958, p. 553—554].

Из общего контекста этого сообщения ясно, что преследование Бачмана и его сторонников войсками Менгу и Бучека было организовано поздней весной, летом или ранней осенью, то есть в то время, когда Волга не была скована льдом. В сочинении Джувейни «Рассказ о Бачмане» не датирован, однако специально указано, что описанные в нем события происходили уже после завоевания областей «Булгара, асов, Руси и племен кичкакских, аланских и других, (когда) все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления» [Тизенгаузен, 1941, с. 24].

В книге Рашид ад-Дина также приведен рассказ о деятельности отряда Бачмана и о его поголовном истреблении, причем он представляет собой почти дословный пересказ соответствующей главы сочинения Джувейни [Рашид ад-Дин, 1960, с. 38; Тизенгаузен, 1941, с. 35—36]. Тем не менее различия между этими источниками весьма существенны.

Прежде всего, в книге Рашид ад-Дина полностью опущен абзац о том, что преследование Бачмана и его сторонников войсками Менгу и Бучека осуществлялось после того, как территория Волжской Болгарии, Руси, Кичкака, алан и асов были «очищены от смутьянов». Кроме того, Рашид ад-Дин сообщает, что, уничтожив Бачмана, Менгу все лето провел в икхеволжских степях и только после этого, осенью 1237 г., начался поход монгольских войск на Русь. Следовательно, Рашид ад-Дин весьма точно датирует рассматриваемые события весной или началом лета 1237 г. Версия Рашид ад-Дина получила

признание у некоторых исследователей [Майский, 1962, с. 77; Ailseu, 1983, p. 23—24; Juvaani, 1958, p. 554]. Тем не менее се следует признать ошибочной.

Хорошо известно, что именно сочинение Джувейни являлось одним из основных источников для книги Рашид ад-Дина. В «Сборнике летописей» рассказ о Бачмане производит впечатление не очень удачной вставки в текст, взятой из какого-то другого источника, так как противоречит приведенной дате. Действия Бачмана, безусловно, следует расценивать как партизанские. Он постоянно скрывается от монгольских войск в лесах и даже не пытается вступить с ними в открытое противоборство. Такая ситуация могла сложиться в нижневолжских степях только после того, как основные силы половцев уже были уничтожены. Между тем у того же Рашид ад-Дина имеются вполне конкретное указание на то, что только в конце 1237 г. или в первой половине 1238 г. «Берке отправился в поход на кыпчаков и взял (в плен) Арджумака, Куранбаса и Капарана, военачальников Беркутия», причем в этом отрывке ничего не сказано ни о Бачмане, ни о Менгу, ни о Бучеке [Тизенгаузен, 1941, с. 37]. Это дает основание предполагать, что Бачман был захвачен в плен и казнен не ранее весны 1238 г.

С другой стороны, нам известно, что эти события происходили еще до похода монгольских войск в Центральную Европу. По данным Рашид ад-Дина, Менгу по приказу Угедея покинул армию Бату осенью 1239 г. и вернулся в Монголию [Тизенгаузен, 1941, с. 37]. В русских летописях имя Менгу названо среди имен других царевичей-чингизидов, принимавших участие в осаде Киева в 1240 г. [ПСРЛ, 18436, с. 177; 1885, с. 116]. При этом известно, что участия в европейском походе он не принимал. Следовательно, события, описанные в «Расказе о Бачмане и уничтожении его», следует датировать в пределах от весны 1238 г. до осени 1240 г.

По-видимому, в 1240 г. завоевание половецких степей было в основном завершено, главные очаги сопротивления подавлены, а половецкая знать почти поголовно истреблена [Федоров-Давыдов, 19666, с. 247]. Большая орда половцев во главе с ханом Котьяном под натиском монголов осенью 1239 г. отошла на территорию Венгрии, где по договору с королем Белой IV обратилась в католичество и была расселена на западных гра-

ницах государства. Но очень скоро Котьян и его приближенные были предательски убиты в Пеште, а половецкая орда ушла на Балканы [Пашуто, 1977, с. 211].

Зимой 1239 г. «татары... Мордуя князя, и Муром, и Гороховец град» [ПСРЛ, 1963, с. 54]. Князь мохши был вынужден покориться монголам, а предводитель эрзи с какой-то частью верных ему людей ушел на север в район Нижнего Новгорода с намерением продолжать борьбу против захватчиков [Пашуто, 1977, с. 214].

В это же время началось наступление монголов на Южную Русь. Были взяты Переяславль, Чернигов. К концу 1239 г. переловые армии Бату дошли до Крыма [Черепнин, 1977, с. 197]. В 1240 г. предпринято наступление на Киев, который после непродолжительной осады 6 декабря был взят и сожжен. После этого монголы захватили Колодежжю, Каменец, Изяславль, Владимир Волынский и множество других более мелких городов. Только некоторым хорошо укрепленным крепостям Галицко-Волынской земли, таким как Кременец и Дньюлов, удалось избежать погромов. Армия Бату вплотную подошла к границам Польши, Венгрии и Валахии.

В то время, когда основные силы монголов завершали завоевание Галицко-Волынской Руси, тумены Байдара вторглись на территорию Польши. Зимой 1241 г. были захвачены Люблин, Завихост, Сандомир, а в битве под Турском разбиты войско польских рыцарей. В марте под Хмеланьком разгромлены краковско-сандомирские дружины и взят Краков [Labuda, 1959, s. 189—224]. 9 апреля 1241 г. в сражении под Легнице объединенное войско польских, немецких, моравских и французских рыцарей потерпело сокрушительное поражение, его предводитель князь Генрих Благочестивый погиб. После неудачных попыток овладеть городами Райцбух и Легнице Байдар по распоряжению Бату направил свои войска в Моравию и Австрию [Пашуто, 1977, с. 216—217].

В начале 1241 г. Бату начал наступление на Венгрию [ПСРЛ, 1843а, с. 339; 19106, с. 78]. В течение месяца монголы сумели захватить Родну, Бестерце, Колочвар, Ерлау и Кевешед. Венгерский король Бела IV в короткий срок сформировал 60-тысячную армию и выступил навстречу неприятелю. 11 апреля на реке Шайто венгерская армия была разбита, ее остатки укры-

лись за стенами Пешта, который через несколько дней был взят штурмом и опустошен. Войска Кадагана захватили Арад, Перет, Темешвар, Варадан и другие города. Бела IV бежал сначала в Австрию, затем в Далмацию, а позднее на один из островов Адриатического моря.

Битва под Легнице

С апреля по декабрь 1241 г. монголы подвергали разорению Словакию, которая была тогда частью Венгрии, где взяли города Банска Штьяваница, Пуканец, Крупиня. Население Братиславы сумело отстоять город. На рубеже 1241—1242 гг. тумены Байдара и Кадагана форсировали Дунай и соединились с войском Бату. В марте 1242 г. монголы взяли Загреб и вышли на побережье Адриатического моря [Паушту, 1977, с. 218—222]. После этого Бату повел свои армии на восток по территориям Боснии, Сербии и Болгарии [Матвей Меховский, 1936, с. 56—57]. В самом конце 1242 г. монгольские тумены сконцентрировались в низовьях Дуная, а весной 1243 г. вернулись в половецкие степи [Егоров, 1985, с. 27].

Таким образом, поход монгольской армии в Центральную Европу продолжался почти два года. За это время были взяты и разрушены десятки городов, сотни сел и деревень, утнуто множество пленников. Только населению отдельных хорошо укрепленных городов удалось отразить все штурмы. При

этом можно с полной уверенностью утверждать, что в полевых сражениях монголы не потеряли ни одного серьезного поражения. Во всяком случае, в сохранившихся до наших дней источниках таких сведений нет.

Почему же Бату после этого покинул Центральную Европу и даже не попытался закрепиться на завоеванных территориях? К решению этого вопроса уже неоднократно обращались многие отечественные и зарубежные исследователи. Высказывались самые разные точки зрения — смерть великого кагана Угедея в декабре 1241 г. в Монголии, серьезные разногласия в сфере верховного командования монгольской армии, стремление большинства царевичей-чингизидов покинуть армию для участия в работе курултая по выбору нового кагана, общее ослабление войск Бату после изнурительных сражений 1236—1241 гг., освободительная борьба покоренных народов, оттян в Монголию крупных воинских контингентов под командованием Менгу и Гужока, несокрушимая мощь европейского рыцарства.

Прежде чем говорить о причинах ухода монгольских войск из Центральной Европы, необходимо попытаться установить какие именно цели этот поход преследовал, как он был организован и кто был его инициатором. Известно, что по решению курултая 1235 г. объединенная монгольская армия под командованием Бату направлялась на запад только для покорения алан, половцев, русских и волжских болгар, то есть поход в Центральную Европу в это время еще не планировался [Рашид ад-Дин, 1960, с. 71—72]. Очевидно, решение о вторжении в Польшу и Венгрию было принято уже после завершения работы курултая. В письме венгерского монаха-миссионера Юлиана, написанном зимой 1237/1238 г., сообщается о том, что «татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего» [Авинский, 1940, с. 72, 88].

О подготовке похода в Европу известно очень немного. Великий каган неоднократно отправлял в Венгрию своих послов с письмами, в которых содержались многочисленные угрозы и требования полной покорности. В одном из них Угедей писал: «Диалюсь тебе, король венгерский, хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не

отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни дослов, ни писем мне не шлешь? Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них и не стал против тебя» [Аннинский С. А., 1940, с. 88; Битва под Легнице 89]. Письма аналогичного содержания получал из Монголии император Фридрих II [Пашуто, 1977, с. 212]. Очевидно, имел контакты с Каракорумом и римский папа [Эренкин Хара-Даван, 1991, с. 155].

Угедей

Все это свидетельствует о том, что для европейских правителей вторжение монголов не было неожиданным. В Европе прекрасно знали о покорении половцев, разорении Волжской Болгарии и Руси. В «Великой Хронике» Матфея Парижского сообщается, что первые достоверные сведения о монголах, как очень опасных противниках, прибыли ко двору французского короля Людовика IX еще в 1238 г. [Матфей Парижский, 1996, с. 267]. Монгольское командование, как видно из приведенного выше письма Угедей, было неплохо информировано о воору-

женных силах отдельных государств и о наиболее важных европейских событиях.

Существует точка зрения, что Бату начал войну против Польши и Венгрии по собственной инициативе, без согласования с имперской администрацией, а великий каган Угедей в связи с этим отозвал из армии Менгу и Гуюка, которые в конце 1239 г. или в 1240 г. ушли в Монголию и участия в этом походе не принимали [Егоров, 1985, с. 26—27]. Но в таком случае не совсем ясно, почему великий каган не потребовал к себе Орду, Шибана, Байлара, Бури, Бучека, Кадагана, Субатая и других? Предположение о том, что все они не подчинились распоряжению Угедей, представляется невероятным, да и никаких сведений по этому поводу источники не содержат. Не менее странным в таком случае представляются и угрожающие письма, написанные в адрес европейских правителей от имени самого Угедей и сообщения Юлиана о намерении монгольского командования организовать поход против Венгрии. Поэтому более вероятно, что европейский поход был общеперским предприятием [Бартолад, 1963, с. 259].

Чингисхан

Почему же тогда Угедей отозвал Гуюка и Менгу? Ведь они, несомненно, ушли в Монголию со своими туменами, а это ослабляло армию Бату. У нас есть основания предполагать, что уход Гуюка не ослаблял, а укреплял боеспособность монгольского войска. Он был «человек злой, жестокий, высокомерный и свирепый» [Тизенгаузен, 1884, с. 224]. Его деятельность во время завоевания Руси и половецкой степи никак не способствовала укреплению дисциплины и поднятию боевого духа. Это возмutilo Угедея, который, призвав к себе Гуюка, заявил: «По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата... что же ты чванлишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении русских и кыпчаков не только не взял ни одного русского или кыпчака, но даже козляного копытца не добыл» [Сокровенное сказание, 1990, с. 142].

Д.Н. Гумилев достаточно убедительно доказал определенную тенденциозность резко отрицательной характеристики Гуюка, данной в Сокровенном сказании [Гумилев, 1977, с. 498]. Тем не менее известно, что еще до европейского похода он смертельно поссорился с Бату, и поэтому их совместное пребывание в одной армии стало совершенно невозможным. Отметим, что Гуюк отбыл в Монголию еще до взятия Киева, а это значит, что его отъезд из действующей армии никак не мог быть связан с началом боевых действий на территории Центральной Европы [Сокровенное сказание, 1990, с. 141, 147; ПСРЛ, 1885, с. 116].

По каким причинам из армии Бату был отозван Менгу, сказать трудно. Не исключено, что Угедей планировал использовать его войска против китайского государства Южных Сун и Корея, завоевание которых было запланировано на курультэе 1235 г. Это предположение представляется тем более вероятным, если учесть, что с начала 1242 г. возобновились глубокие рейды монгольской конницы на территории современных китайских провинций Аньхуй, Цзинь и Сичуань [Тихвинский, 1977, с. 8]. При этом необходимо подчеркнуть, что серьезных противоречий между Бату и Менгу никогда не возникало, и именно по инициативе Бату Менгу впоследствии стал великим каганом.

Из всех участников европейского похода в непочтительном отношении к старшим можно обвинить одного только Бури, который в 1240 г. на пиру оскорбил Бату, за что должен был отправиться для наказания к своему отцу, а затем возвратиться в действующую армию [Сокровенное сказание, 1990, с. 141—142]. Сам факт участия Бури в походе на Польшу и Венгрию достаточно показателен. Если бы Угедей действительно отозвал в Монголию Менгу и Гуюка в связи с самовольными действиями Бату, то вместе с ними, несомненно, ушел бы и Бури, который всегда относился к Бату, по меньшей мере, сдержанно. Однако этого не произошло, «Бурина» был в Венгрии» [Путешествия, 1957, с. 44].

Таким образом, какой-либо достоверной информации о серьезных трениях между главными участниками европейского похода в нашем распоряжении нет. В связи с этим тезис о разногласиях в сфере высшего командования монгольской армии следует признать недостаточно обоснованным [Егоров, 1985, с. 27].

Слабо аргументированной представляется и точка зрения, согласно которой участники похода в Центральную Европу, получив известие о смерти Угедея, совершенно охладели к разным делам и устремились в Карахорум для выборов нового кагана [Эрэнжиген Хара-Даван, 1991, с. 166]. Сообщение о смерти Угедея Бату получил в марте 1242 г., и после этого монгольская армия действительно начала движение на восток. Но, во-первых, это было не отступление, а прямое продолжение завоевательного похода, так как Бату повел свои войска не по уже покоренным территориям, а через Боснию, Сербию и Болгарию. Во-вторых, движение монгольской армии не было поспешным и продолжалось почти целый год. Только в конце 1242 г. тумены сконцентрировались в низовьях Дуная и лишь в начале 1243 г. достигли причерноморских и прикаспийских степей [Егоров, 1985, с. 27].

Хорошо известно, что сам Бату не стремился в Монголию и не принимал участия в работе курультэя по выборам нового кагана. Он оказался больным и «под этим предлогом (уклонился от прибытия туда). Вследствие отсутствия его, как старшего (ака) из всех (родителей), дело (о назначении нового) кагана не устранилось в течение трех лет. Старшая из жен Угетай-кагана, Туракина-хатун, правила делами» [Тизенгаузен, 1941, с. 65].

Курултай состоялся только через три с половиной года после завершения похода в Центральную Европу, в августе 1246 г. [Путешествия, 1957, с. 74—76]. И на этот раз Бату в Каракорум не прибыл, а ограничился лишь тем, что направил туда своих представителей — Орду, Шибана, Берке, Беркеджера, Тангута и Ток-Тимура [Клещторный, Султанов, 1992, с. 195].

Для оценки результатов европейского похода Бату необходимо попытаться установить, в каком состоянии находилась монгольская армия в начале 1241 г. По мнению большинства советских исследователей, монголы при покорении половецкой степи, Волжской Болгарии и Руси понесли огромные потери, и поэтому для дальнейших успешных завоеваний у них уже не было сил [Греков, Якубовский, 1950, с. 58—59; Каргалов, 1966, с. 94; Майский, 1962, с. 77; Пашуто, 1977, с. 212—215; Рамм, 1959, с. 144; Тихвинский, 1977, с. 8]. Кроме того, в тылу монгольских войск постоянно вспыхивали восстания покоренного населения, которые предопределили «провал» похода в Европу. Особое внимание при этом обращается на действия дружины Епипатия Коловрата, болгарских вождей Бояна и Джику, половецкого предводителя Бачмана и на бухарское восстание под руководством Махмуда Тараби [Пашуто, 1977, с. 212—215].

Не ставя под сомнение значения освободительной борьбы народов против монгольских захватчиков, отметим, что Епипатий Коловрат погиб в 1238 г. [Черепнин, 1977, с. 194]. Бачман, как мы уже установили, был убит не позднее осени 1240 г. Восстание в Бухаре произошло в 1238 г., а восстание в Волжской Болгарии — не ранее 1243 г. [Егоров, 1985, с. 179; Петрушевский, 1977б, с. 131]. Следовательно, ни одно из этих событий не могло серьезно повлиять на подготовку и проведение похода в Центральную Европу.

Бату и его соратники являлись не только храбрыми воинами, но и опытными полководцами. Поэтому довольно трудно представить, что они были способны на реализацию опрометчивых и необдуманных решений. Если бы подчиненные им армии были сильно ослаблены и деморализованы, то монгольское командование отказалось бы от вторжения в Польшу и Венгрию. Однако наступление было начато, и что особенно важно, без какой-либо специальной подготовки, одновремен-

но с завершением завоевания южнорусских земель [ПСРЛ, 1843а, с. 339—340; 1885, с. 127; Пашуто, 1977, с. 215—216]. После этого монголы непрерывно, на протяжении почти двух лет вели боевые действия в Европе, не потерпев там ни одного серьезного поражения.

Бату даже не объединил все приданные ему силы в одну ударную группировку. Тумены Кадагана, Бури, Байдара около года действовали самостоятельно. В этом отношении особенно показательны то, что битва на р. Шайло произошла всего через день после сражения под Легнице [Пашуто, 1977, с. 218]. Кратчайшее расстояние между Легнице и р. Шайло превышает 500 км, следовательно, в этих битвах принимали участие различные контингенты монгольской армии, которые не могли оказать друг другу никакой реальной поддержки.

Столь высокая наступательная активность армии Бату объясняется тем, что в ее состав было насильственно включено огромное количество пленных, которых монголы всегда посылали «в бой впереди себя... если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарности невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются» [Амининский, 1940, с. 87]. Именно поэтому потери в собственно монгольском войске были не столь значительны.

Вряд ли можно сомневаться в том, что в случае серьезного ослабления армии Бату Угедей не только не отозвал бы Менгу, но и, наверняка, направил бы на запад новые воинские подразделения. Однако этого не произошло, следовательно, Бату и Угедей были уверены в том, что имеющихся сил вполне достаточно для выполнения поставленной задачи.

В чем именно заключалась эта задача и каковы были конечные цели похода, мы не знаем. В связи с этим выводы о «провале» похода, так же как и заключения о его «блестящем завершении», неубедительны [Пашуто, 1977, с. 215; Эренжен Хара-Даван, 1991, с. 166]. Единственным достоверным аргументом в пользу того, что Бату прекратил наступление, не доведя его до конца, является примерное совпадение даты начала движения монгольской армии на восток со временем получения известия о смерти великого кагана Угедея. Такое совпадение вряд ли случайно. Можно предполагать, что смерть великого

кагана Угедея освобождала Бату от необходимости выполнять приказы верховного командования и продолжать наступление в западном направлении.

Европа не была готова к отражению монгольского нашествия. Даже перед лицом смертельной опасности правителям европейских государств не удалось договориться о совместной борьбе против агрессоров. Призывы к формированию союзной армии звучали неоднократно, но до конкретных действий дело так и не дошло. Венгерский король Бела IV обращался за помощью к императору, королям, герцогам и папской курии, но вместо войск получал один только письма. Объединение польских, моравских, французских и немецких рыцарей, принимавших участие в битве под Легнице, носило случайный характер и не было следствием заключения международных договоров о совместной борьбе против Бату.

По мере наступления монгольских туменов положение все более и более осложнялось. На местах сражений, в покоренных селах и городах оставались лишь пепелища и горы трупов. Население спешно покидало обжитые места и устремлялось на запад, значительно сократились торговые перевозки. Обстановка в Европе во время монгольского нашествия подробно описана в письме Понса д'Обена королю Франции: «Татары опустошили землю Генриха, польского князя, и убили его со многими баронами и шестью из наших братьев, тремя рыцарями и двумя сервантами, а пятеро из наших людей погибли, а трое из наших братьев, которых мы хорошо знаем, бежали. Вся земля Венгрии и Богемия опустошены, и при уходе они разделились на три отряда, и один находится в Венгрии, другой в Богемии и третий в Австрии... И знайте, что царь Венгрии и царь Богемии, и два сына князя польского, и патриарх Аквилен с великим множеством народу не осмеливаются напасть ни на один из их отрядов. И знайте, что все бароны Алемании, и сам царь и все духовенство, и все церковники взяли на себя крест, чтобы идти на татар. Как наши братья, мы заявляем, что, если бы волею господи они были побеждены, не найдется на пути их до вашей земли, кто бы мог противостоять им» [История Татарии, 1937, с. 47]. Аналогичная картина нарисована в великой Хронике Матфея Парижского [Матфей Парижский, 1996, с. 291—292]. Точка зрения Д. Фейнела о том, что после сраже-

ний под Легнице и на р. Шайло в Европе началась паника, представляется вполне обоснованной [Фейнел, 1989, с. 124].

Хотя Бату в 1242 г. покинул Центральную Европу, возможность нового вторжения монголов многим представлялась вполне вероятной. Именно поэтому на восток под видом миссионеров и купцов засылались шпионы вроде Гильома Рубрика, Плано Карпини, Сен Кентина, которые собирали сведения об экономическом и военном потенциалах Монгольской империи. Эти опасения имели под собой веские основания, так как идея нового вторжения вынашивалась в высших кругах монгольского правительства. Письмо великого кагана Гуюка римскому папе Иннокентию IV, написанное в ноябре 1246 г., носит ярко выраженный угрожающий характер: «Наше вы должны сказать чистосердечно: "Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все наше имущество". Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами» [Путешествия, 1957, с. 220—221, примеч. 217].

Этим планам не суждено было осуществиться. После завершения похода в Европу Бату стал весьма сдержанно относиться к идее дальнейшего расширения границ своих владений. Никаких активных действий в этом направлении он не предпринимал. Судя по приведенному выше письму Гуюка, он являлся сторонником продолжения войны на западных рубежах империи. О намерении высшего монгольского командования начать новое вторжение в Польшу и Венгрию сообщает Плано Карпини, кроме того, по его данным император собственными устами сказал, что желает послать свое войско в Ливонию и Пруссию» [Путешествия, 1957, с. 60].

Реализация всех этих грандиозных завоевательных планов кагана была сопряжена с большими трудностями, так как плацдармом для наступления могли быть только земли, принадлежавшие Бату, который Гуюка непамятлив и лишь формально признавал свою зависимость от Каракорума [Джамал Карши, 1988, с. 111—112]. Он считал возможным не подчиниться некоторым приказам Гуюка и заживо сверил одного из его эмиров [Тисенгаузен, 1884, с. 245]. Гуюк хотел изложить Бату и назы-

вал его бородастой бабой с луком и стрелами [Сокровенное сказание, 1990, с. 141].

Впрочем, проблема заключалась не только во враждебных отношениях Бату и Гююка. После смерти последнего влияние Бату возросло настолько, что при желании он вполне мог организовать новый поход на запад, задействовав в нем не только силы своего улуса, но и значительную часть военного потенциала всей Монгольской империи. Тем не менее и в это время он не проявил особого интереса к дальнейшей судьбе большинства побежденных государств. При этом следует учитывать, что уже после событий 1241—1242 гг. монголы сумели завоевать огромные территории в Иране, Афганистане, Китае и других государствах Юго-Восточной Азии, то есть сил для проведения нового похода в Европу было вполне достаточно [Бокшанин, 1977, с. 306—309; Петрушевский, 1977а, с. 231—233; Самстунова, 1977, с. 289—291].

Плано Карпини был убежден в том, что в случае нового нападения монголов отразить вторжение было бы очень сложно, поскольку нет «ни одной области, которая могла бы сама по себе оказать им сопротивление, если только за ее жителей не пожелает сражаться Бог» [Путешествия, 1957, с. 61].

Все это позволяет предполагать, что идея проведения похода против государств Центральной Европы зародилась в аристократических кругах Монгольской империи во второй половине 30-х гг. XIII в. Бату получил официальный приказ от верховного командования о вторжении в Польшу и Венгрию, но при этом неизвестно, какие именно задачи были поставлены перед его армией и должен ли он был продолжать движение на запад от побережья Адриатического моря. Сообщение Юлиана о намерении монголов идти на завоевание «Рима и дальнейшего» вряд ли следует принимать во внимание, так как, скорее всего, это не конкретный план завоеваний, а лишь отражение идеи мирового господства, тем более что сам Юлиан расценивал эти сведения как слухи. По-видимому, поход Бату в Центральную Европу по своим задачам отчасти близок к рейду Джебе и Субатая 1222—1223 гг., хотя проведение прямых параллелей в данном случае вряд ли возможно.

Очевидно, уже в это время Бату понимал, что политика постоянных войн по своей сути весьма примитивна и

недалековидна. Гораздо важнее было удержать завоеванные государства под своей властью, наладить действенную систему управления и превратить побежденные народы в предмет систематического налогового обложения. Решать все эти проблемы и одновременно осуществлять новые широкомасштабные завоевания было невозможно, тем более, если учесть, что деятельность монгольской администрации по утверждению своего господства натолкнулась на ожесточенное сопротивление.

По свидетельству Плано Карпини, мордва, башкиры и волжские болгары были окончательно покорены монголами уже после их возвращения из европейского похода, черкесы и аланы вели активную борьбу с завоевателями до середины 50-х гг. XIII в., а сопротивление алан не было окончательно сломлено даже после серьезного поражения 1278 г. [Нарожный, 1989, с. 113; Путешествия, 1957, с. 111; ПСРЛ, 1913, с. 25]. Для охраны предгорных районов Северного Кавказа Сартак вынужден был посылать двух воинов от каждого десятка [Путешествия, 1957, с. 186]. Некоторые непокорные русские князья были убиты в ставке Бату или в Каракоруме. Так погибли в 1246 г. Михаил Всеволодович Черниговский, Ярослав Всеволодович и Андрей Мстиславич [Полубояринова, 1978, с. 10]. Сопротивление других русских князей пришлось подавлять военной силой. Против Андрея Ярославича была послана боюшная рать под командованием Неврюя, которому удалось разграбить окрестности Переяславля и разорить Суздаль [Каргалов, 1966, с. 99]. Успешную борьбу с завоевателями долгое время вел Даниил Романович Галицкий. Только в 1260 г. монгольский военачальник Буручий сумел подчинить галицко-волыньских князей [ПСРЛ, 1843б, с. 197].

Тем не менее уже в 1246 г. в отдельных русских княжествах был проведен учет населения и установлены вполне конкретные размеры дани пушьяниной. В книге Плано Карпини имеются сведения о деятельности одного «сарацина», который часть людей увел в неволю, а остальных обложил данью под угрозой порабощения. К сожалению, из текста этого сообщения не ясно, о каких именно областях Руси идет речь, но в том, что это был не чрезвычайный сбор, а начальный этап вынужденной дани, сомневаться не приходится [Путешествия, 1957, с. 55].

Примерно в это же время под властью Джучидов оказались Болгария и Валахия. Гильом Рубрук, посетивший Золотую Орду в 1253—1254 гг., писал об этом как о событии уже свершившемся: «От устья Танаиса к западу, до Дуная, все принадлежит им; также и за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и малая Булгария до Славонии, все платят им дань; даже и сверх условленной дани они брали, в недавно минувшие годы, со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке» [Путешествия, 1957, с. 89]. Этот факт со всей определенностью свидетельствует о том, что поход Бату в Европу завершился отнюдь не безрезультатно.

За последние 13 лет своего правления Бату не организовал ни одного крупного похода для завоевания новых, еще не покоренных территорий. Хорошо известные летописные рассказы об угорском походе Бату изобилуют фактическими ошибками и представляют собой довольно поздне созданные литературные произведения, никак не связанные с реальными историческими событиями 40-х гг. XIII в. [Карамзин, 1992, с. 200; Розанов, 1916, с. 1—24].

Такая внешняя политика Золотой Орды, несомненно, обуславливалась целым комплексом причин, одна из которых была высказана самим Бату. Отвечая на предложение родственников по поводу решения вопроса о назначении нового кагана, он ответил: «Мне и брату моему Берка принадлежит уже в этом крае столько государств и владений, что распоряжаться им, да вместе с тем управлять областями Китая, Туркестана и Ирана невозможно» [Тизенгаузен, 1941, с. 15, примеч. 4]. По видимому, уже в начале 40-х гг. XIII в. Бату стал разделять идеи своего отца, который был противником массовых разрушений и тотального уничтожения покоренного населения [Петрушевский, 1977а, с. 129]. Джучи называл Чингизхана сумасшедшим за то, что он «губит столько народу и разрушает столько царств», он предлагал умертвить отца на охоте и прилежал покоренные государства в «цветущее состояние» [Тизенгаузен, 1941, с. 14].

После завершения европейского похода под властью Бату оказались обширные территории от нижнего течения Дуная до Приаралья и от Северного Кавказа до южных границ Руси. Все

эти земли являлись составной частью Монгольской империи и входили в состав улуса Джучи. По мнению исследователей, специально занимавшихся разработкой вопросов административно-территориального устройства Монгольской империи, «все государство делилось на центр (гол) и крылья» — правое (барунгар) и левое (джунгар) при формальном старшинстве восточных (левых) ханов над западными (правыми). Улус Джучи был поделен между его старшими сыновьями — Бату и Ордой, а остальные Джучиды оказались распределенными между этими крыльями — правым, западным (Ак Орда — Белая или Золотая Орда) и левым, восточным (Кок Орда — Синяя Орда) [Трепавлов, 1993, с. 86, 96—97].

По этой схеме старшим ханом должен был быть Орда, так как он владел восточным улусом и именно поэтому великий каган в ярлыках ставил его имя над именем Бату [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66]. Но нам хорошо известно, что фактически старшим был Бату, а главенство ханов Ак Орды над ханами Кок Орды сохранялось до середины XIV в.: «У них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто являлся заместителем Бату, и имена их они пишут сверху своих ярлыков» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 66]. При этом Ак Орда и Кок Орда всегда оставались самостоятельными государствами, и зависимость одной линии Джучидов от другой выражалась лишь во внешнем почитании золотоордынского хана [Федоров-Давыдов, 1973, с. 57]. По мнению В.В. Трепавлова, в улусе Джучи произошло смещение понятий о старшинстве ханов в связи со значительным усилением Бату [Трепавлов, 1993, с. 80, 87].

Если бы старшинство Ак Орды над Кок Ордой обуславливалось только огромным политическим влиянием Бату, то при его преемниках такое положение вряд ли могло сохраниться, так как старшим сыном Джучи все-таки был Орда. Вывод о том, что во второй половине XIII в. Кок Орда «по инерции» оставалась подвластной, Сараю кажется недостаточно убедительным [Трепавлов, 1993, с. 87]. В случае признания главенства Золотой Орды как «старшего», правого крыла улуса Джучи, никаких противоречий не возникает: потомки Бату управляли «старшим» крылом и поэтому занимали более высокое положение по отношению к преемникам Орды.

В сочинениях многих средневековых авторов димеются сведения о том, что именно правая (западная) сторона у монголов считалась старшей, а левая (восточная) — младшей. Плано Карпини, описывая устройство двора Бату и порядок размещения ставок его 26 жен, отметил, что старшая жена хана всегда «ставит свой двор на западной стороне», а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне» [Путешествия, 1957, с. 92]. Гильом Рубрук писал, что старший сын Менгу размещал свою ставку «направо от двора своего отца», при этом Рубрук совершенно правильно сопоставлял правую сторону с западом, по традиционной монгольской ориентации лицом на юг [Путешествия, 1957, с. 149, 159]. Египетские послы, прибывшие ко двору Берке, до официального представления и чтения послания должны были находиться по левую сторону от трона, и только после этого по указанию хана переходили на правую [Тизенгаузен, 1884, с. 193]. Такую же систему размещения старших родственников у трона правителя Золотой Орды находим в книге Ибн Баттуты — справа от хана сидят старшая жена и старший сын, а слева — младшие жены и младший сын [Тизенгаузен, 1884, с. 290—291]. Старшинство правой стороны над левой достаточно убедительно обосновано в работе А.П. Григорьева [Григорьев, 1983, с. 287—294].

Деление Монгольской империи на центр и крылья, о котором говорилось выше, предполагает наличие аналогичных составляющих во владениях Бату. Если это действительно так, то центром, безусловно, должен быть ханский домен. Его границы сейчас можно очертить лишь приблизительно. Не вызывает сомнений только то, что территория кочевий первых золотоордынских ханов совпадала с левобережными районами Волги от Северного Прикаспия до «городов Великой Болгарии» [Марко Поло, 1955, с. 45; Путешествия, 1957, с. 118; Федоров-Давыдов, 1973, с. 66—67]. Восточной границей ханских владений почти все современные исследователи считают р. Урал. В отношении западной границы такого единства не наблюдается. Ее проводят по Днепру, правому берегу Волги, Северскому Донцу или Дону [Вернадский, 1997, с. 194; Егоров, 1885, с. 164; Трепапов, 1993, с. 92; Федоров-Давыдов, 1973, с. 57—58, 60]. Наиболее вероятными представляются две последние точки зрения.

Прежде всего, разграничение сфер влияния Токты и Ногай произошло по границам, которые пролегли в районе Дона [Федоров-Давыдов, 1973, с. 60]. В начале 50-х гг. XIII в. в степях Волго-Донского междуречья кочевал старший сын Бату Сартак, а южнее, «в направлении к Железным Воротам» — его дядя Берке, который в 1254 г. был переведен в заволжские степи именно по приказу Бату. Небезынтересно отметить, что Берке и Сартак были потенциальными преемниками хана Бату, поэтому они являлись центрами и кочевали на территории ханского домена.

Чингизхан

На левом берегу Дона находился поселок, население которого имело «льготу от Бату», а не от кого-либо другого [Путешествия, 1957, с. 109, 111, 117]. Кроме того, в нашем распоряжении нет ни одного сообщения о пребывании, хотя бы кратковременном, кого-либо из золотоордынских ханов на территориях западнее Дона. Исключение составляет только поход Токты 1299 г., во время которого был убит Ногай.

Границы левого крыла Золотой Орды, располагавшегося к востоку от р. Урала и принадлежавшего брату Бату Шибану, установить трудно. Очевидно, владения Шибана включали в себя урало-аральские и центрально-казахстанские степи [Зуев, 1981, с. 77; Костюков, 1997, с. 15].

Правое крыло Золотой Орды, по-видимому, простиралось от «устья Танаида к западу, до Дуная» [Путешествия, 1957, с. 89]. Весьма интересно, что в книге Платона Карпини довольно четко зафиксировано деление этой территории на несколько более мелких улусов. Территории, расположенные к западу от Днепра, принадлежали Коренце или Куремсе (Курмышу?). Очевидно, его владения доходили до Дуная, так как именно он «являлся господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада» [Путешествия, 1957, с. 69—70]. Хотя Коренца, по словам Карпини, «самый младший среди других», он, очевидно, был Джучидом, так как отнесен к «князьям» [Путешествия, 1957, с. 45—46].

В степях Подонья кочевал некий Картан. В перечне монгольских «князей», составленном Платоном Карпини, имени Картана, почему-то нет, тем не менее в тексте он назван «князем», то есть Джучидом, и, кроме того, указано, что он был «женат на сестре Бату», то есть на одной из дочерей Джучи [Путешествия, 1957, с. 44—45, 70].

Степные пространства, расположенные к востоку от Днепра, принадлежали Мауци, хотя не ясно, где проходила восточная граница его владений и как она сопиргалась с территорией, которой владел Картан. В книге Платона Карпини имя Мауци поставлено вслед за именем Берке без дополнительных комментариев, но далее отмечено, что Мауци «выше», то есть старше Коренцы [Путешествия, 1957, с. 45, 70].

Старшинство Мауци над Коренцей и Картаном подтверждается и некоторыми другими фактами. Именно Мауци (Могучей) направлял своего посла к князю Даниилу с требованием Галича, хотя территория Галицко-Волынской земли граничила с улусом Коренцы [Памятники, 1981, с. 313]. Спутники Платона Карпини после посещения Бату были отправлены в ставку Мауци, хотя прежде чем попасть туда, они обязательно должны были проехать через владения Картана [Путешествия, 1957, с. 71]. Если при этом учесть, что улус Мауци располагался меж-

ду владениями Коренцы и Картана, то есть в центре, то можно предполагать, что именно он был начальником правого крыла Золотой Орды. Все это свидетельствует о том, что Мауци — далеко не последняя фигура в среде Джучидов. Скорее всего, он был братом Бату, тем более что некоторые из вариантов его имени созвучны с отдельными вариантами имени седьмого сына Джучи (Мовал, Могол, Могучей, Мауци).

Положение о неустойчивости границ правых улусов, сформулированное Г.А. Федоровым-Давыдовым, не вызывает возражений. Местопребывание отдельных, даже самых высокопоставленных представителей золотоордынской знати, могло быть изменено в любой момент. Наиболее яркие примеры тому — переселение Берке из районов Предкавказья за Волгу; смещение Куремсы и замена его Бурундаем. Однако крупные, основные улусы оставались более или менее постоянными [Федоров-Давыдов, 1973, с. 53]. Это в первую очередь относится к территориям крыльев и центра Золотой Орды. Судя по всему, границы между ними были четко очерчены уже при Бату и в неизменном виде сохранились на протяжении длительного времени.

Глава 2

Золотая Орда при Сартаке и Улагчи

Точная дата смерти Бату пока не установлена. Почти все историки относят это событие к 1255 г. или к 1256 г. Г.А. Федоров-Давыдов убедительно доказал, что данные русских летописей, сообщающих о кончине Бату под 6754, 6755, 5756 г. (1246—1248), неверны, так же как и сведения некоторых персидских и египетских авторов, относящих это событие к 650 г. х. (14 февраля 1252 г. — 2 февраля 1253 г.). Наиболее вероятной датой Г.А. Федоров-Давыдов считал 1256 г., так как на ней сходятся независимые источники — армянские и персидские [Федоров-Давыдов, 1992, с. 72—79, 82].

Все аргументы по обоснованию этой точки зрения, приведенные в работе Г.А. Федорова-Давыдова, представляются достаточно убедительными, но не исключают возможности более ранней датировки. Между тем нам известна еще одна дата кончины Бату — 1255 г., причем представлена она и у армянских, и у персидских авторов — в летописи Степанося и в книге Джуейни [Галетян, 1962, с. 35; Тизенгаузен, 1941, с. 22]. Кроме того, мы знаем, что армия Хулагу переправилась через Амударью в первых числах января 1256 г., и произошло это, скорее всего, уже после смерти Бату [Тизенгаузен, 1884, с. 246; Juvaini, 1958, p. 613—614]. Таким образом, наиболее вероятно, что Бату умер в конце 1255 г.

По данным средневековых генеалогий Бату оставил после себя троих взрослых сыновей — Сартака, Тухана и Абукана, однако законных претендентов на золотоордынский трон было только двое. В середине XIII в. завоеванные монголами земли рассматривались как родовая собственность всех Чингизидов.

Именно поэтому в это время существовал своеобразный порядок престолонаследия, при котором потенциальными наследниками трона являлись не сыновья умершего хана, а другие его близкие родственники — братья, кузены, племянники.

Определение прав старшинства того или иного претендента обычно происходило на курултаях — съездах членов правящего рода, в работе которых принимали участие и жены наиболее влиятельных представителей кочевой аристократии. По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, такой порядок избрания нового хана не давал возможности одной из ветвей рода закрепиться у власти, и создавал подобие единства всего правящего дома [Федоров-Давыдов, 1973, с. 68].

Поскольку верховным правителем империи являлся каган, его мнение в утверждении той или иной кандидатуры нередко было решающим. Обычно ханами становились родные братья, кузены или племянники предыдущего монарха, только на первом этапе власть передавалась от отца к сыну. Завещание трона конкретному лицу по воле предшествующего правителя практиковалось крайне редко [Трепаалов, 1993, с. 102, 108]. Обычно при избрании нового хана учитывалось традиционное монгольское правило старшинства, суть которого сейчас не совсем понятна [Федоров-Давыдов, 1973, с. 69].

Таким образом, к настоящему времени удалось сформулировать общие принципы системы престолонаследия, существовавшей в Золотой Орде в XIII — начале XIV в., и очертить круг законных наследников, которые имели право на золотоордынский трон после смерти того или иного хана. Однако этих данных явно недостаточно для того, чтобы четко определить реальные преимущества каждого претендента. Кроме того, при таких исходных данных, даже с учетом правила старшинства, число кандидатов на трон неизбежно получается слишком большим, и всего через несколько поколений может исчисляться уже многими десятками. Вряд ли такое положение имело место в реальной жизни, так как переизбыток законных наследников престола является серьезным дестабилизирующим фактором политической жизни любого государства. Между тем рассматриваемые нормы наследования верховной власти сформировались в кочевом обществе задолго до образования Монгольской империи и уже в XIII столетии имели вековые традиции [Трепа-

лов, 1993, с. 108—111, Федоров-Давыдов, 1973, с. 69—70]. Следовательно, такая система престолонаследия была вполне совершенной и достаточно удобной.

Бату

Для решения этой проблемы очень большое значение имеет так называемое «правило идугу», достаточно хорошо известное по этнографическим материалам. Необходимо отметить, что основывается оно на представлении о неделимости подвластной территории и права управления ею. Суть этого правила сводится к тому, что в династийном роду умершему правителю наследует не его сын, а родной или двоюродный брат по мужской линии, следующий за ним по возрасту. Это положение распространяется не на всех представителей одного поколения, а лишь на трех старших, которые поочередно по возрасту отправляют должностное верховное политическое главы. Затем титул правителя последовательно переходит к трем их старшим потомкам, а в случае их преждевременной кончины — к трем старшим представителям следующего поколения [Мисюгин, 1980, с. 38, 48].

Если приложить это правило к имеющимся в нашем распоряжении данным по генеалогии золотоордынских ханов, то выяснится, что все его основные положения здесь выдержаны достаточно точно, хотя и в несколько трансформированном виде. Верховная власть в рамках одного поколения в Золотой Орде последовательно передавалась не трем, а двум братьям или кузенам, при этом иногда не выдерживался принцип возрастного старшинства. Права на трон переходили следующим поколениям наследников через племянников или внучатых племянников. «Правило идугу» хорошо объясняет последовательность правлений илханов Ирана от Хулагу до Газана, хотя и не согласуется с порядком наследования верховной власти в некоторых других улусах Монгольской империи.

Совершенно ясно, что при такой системе престолонаследия верховная власть может перейти от первого хана — основателя династийного рода либо к его старшему сыну, либо, в случае смерти всех сыновей, к его старшему внуку, так как в любом другом случае этот хан уже не может в полной мере считаться основателем династийного рода.

Следовательно, после кончины Бату на золотоордынский трон законным образом могли претендовать только два человека — Сартак и Берке, причем преимуществу одного из них перед другим определялись не правилом старшинства. Если основателем династийного рода считать Джучи, то ханом должен был быть провозглашен Берке, так как именно он являлся младшим братом Бату, следующим за ним по возрасту. Если же основателем династийного рода считать Бату, то престол после него должен был занять сначала его старший сын Сартак, а затем — средний сын Тузан.

По версии Джузджани, Сартак после смерти отца отправился ко двору великого хана, «чтобы по милости Менгу-хана сесть на место отца (своего) Бату» [Тизенгаузен, 1941, с. 18—19]. У Джузеппи отмечено, что Сартак был отправлен в Монголию, но «не успел еще он прибыть (туда)», как Бату умер [Тизенгаузен, 1941, с. 22]. В книге Киракоса сообщается, что известие о кончине Бату Сартак получил по пути в Каракорум, однако он «не воротился назад, чтобы похоронить своего отца, а продолжал путь свой» [Патканов, 1874, с. 86].

Все эти сообщения не согласуются с данными Гильома Рубрука, который в конце июля 1254 г., возвращаясь из Каракорума, встретил орду Сартака и лично с ним беседовал. В это время Сартак направился к Менгу «со стадом крупного и мелкого скота, с женами и малолетками» [Путешествия, 1957, с. 183]. 16 сентября 1254 г. Рубрук добрался до Волги, встретился с Бату и до середины октября кочевал вместе с ним. Он покинул Золотую Орду на рубеже 1254—1255 гг. и ни словом не обмолвился ни о болезни хана, ни о возвращении Сартака, хотя путешествовал он и по территории его козевий [Путешествия, 1957, с. 184—186].

Следовательно, Сартак был отправлен в Монголию с каким-то конкретным поручением задолго до болезни и смерти своего отца. Если учесть, что Рубрук встретил Сартака, проехав всего около трети расстояния между Каракорумом и Сараем, станет ясно, что последний узнал о кончине Бату, находясь при дворе великого кагана. Правда, можно допустить, что Сартак, получив известие о болезни отца, вернулся на Волгу, а затем вновь отправился в столицу, однако такое развитие событий представляется крайне маловероятным.

Во-первых, путешествие от Сарая до Каракорума и обратно даже при самой быстрой, крайне изнурительной езде занимало не менее полугода. Именно столько находились в пути Гильом Рубрук и его спутники [Путешествия, 1957, с. 122, 136, 183]. Во-вторых, возвращаться на Волгу для Сартака было совершенно бессмысленно, так как вопрос о его назначении на место Бату решался не в Сарая, а в Каракоруме [Галстян, 1962, с. 27; Патканов, 1874, с. 87; Тизенгаузен, 1941, с. 19, 67, 86].

Менгу принял Сартака «с особенным отличием, он утвердил за ним власть отца его, как над войсками, так и над странами ему покорными и, дав ему право называться вторым в царстве и издавать грамоты как властелину, воротил его на родину» [Патканов, 1874, с. 86—87]. Это сообщение Киракоса подтверждается данными большинства средневековых авторов, которые признают, что Сартак после смерти Бату стал одним из самых влиятельных правителей империи и подчинялся только кагану.

Почему выбор Менгу пал именно на Сартака, ведь последний абсолютно ничем, кроме своего благородного происхождения, не заслужил столь высокого назначения? Несомненно,

Берке был человеком гораздо более достойным и, как уже отмечалось, имел законные права на трон. Всего через несколько лет после рассматриваемых событий он стал ханом Золотой Орды, и никто из современников узурпатором его не считал.

Не исключено, что Менгу питал личную неприязнь к Берке, поскольку не кто иной, как Берке, по свидетельствам некоторых мусульманских авторов, возводил его на престол, да еще потребовал от него при этом произнести «(мусульманский) символ веры, дабы имя его было внесено в список «правоберных» [Тизенгаузен, 1941, с. 15, примеч. 4]. Хотя инициатива утверждения кандидатуры Менгу исходила от Бату, а Берке лишь выполнял его распоряжение, он, тем не менее, считал себя одним из главных участников этого важного события. Не случайно Берке в одной из бесед с Бату заявил: «Мы возвели Менгукана» [Тизенгаузен, 1884, с. 246]. Однако следует признать, что личные отношения Берке и Менгу если и могли оказать некоторое влияние на решение вопроса о выборе преемника Бату, то вряд ли имели определяющее значение.

В сочинениях Джувейни и Вассафа есть упоминания о том, что Сартак отправился в Монголию для участия в работе курултая, причем ни о каких других золотоордынских делегатах эти источники не сообщают [Тизенгаузен, 1941, с. 22, 85]. Известно, что на этом курултае не присутствовали ни Берке, ни Бату, ни его младшие сыновья, да и собирався он совсем не для решения вопроса престолонаследия, так как во время его организации Бату был еще жив. Этот курултай был созван по поводу разработки проблем наиболее эффективного взимания налогов, денежной реформы и стабилизации экономической жизни всей Монгольской империи [Давидович, 1972, с. 3—10].

В отношении организации этого съезда монгольских аристократов определенный интерес представляют наблюдения Гильома Рубрука, который, возвращаясь из Каракорума, встретил только орду Сартака. Рубрук подробно описал эту встречу, отметил «новости про царя Армении», сообщил о женах и детях Сартака, но ничего не сказал о других Джучидах, которых он видел на пути между Каракорумом и Сараем или при дворе Менгу [Путешествия, 1957, с. 183].

Все это позволяет предполагать, что от Бату на этот курултай был отправлен только Сартак со своей свитой. Следова-

тельно, назначение Сартака произошло по желанию Менгу и его ближайшего окружения, но без учета интересов большинства золотоордынских аристократов. Хотя Сартак имел права на трон, его все-таки следует считать узурпатором, так как он утвердился на престоле не в результате законных выборов, а по приказу Менгу, хотя великий каган, очевидно, имел право лишь утверждать или отвергать предложенные кандидатуры.

Еще при жизни Бату великий каган Менгу отправил своего брата Хулагу «с храбрыми войсками в страны земли Иранской, со стороны каждого царевича назначил из войск по 2 человека с каждого десятка с тем, чтобы они отправлялись вместе с Худагу-ханом и стали его помощниками и пособниками. Орда послал своего старшего сына Кули с одним туманом войска через Хорезм и Дехстан, а Бату отправил Балакана, сына Шибана, и Тутара, сына Мингакара... через Дербенд Кипчакский... оказать помощь войску Хулагу-хана и служить (ему)» [Тизенгаузен, 1941, с. 67].

«Дошло это до Берке... и не понравилось ему, потому что между ним и халифом утвердилась дружба. Он сказал брату своему Бату: "Мы возвели Менгукана, и чем он воздает нам за это? Тем, что отплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры, презирает нашего клиента и домогается владений халифа, то есть моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гнусное". Он представил поступок Хулагу брату своему Бату в таком гадком виде, что Бату послал к Хулагу (сказать), чтобы он не двигался со своего места. Прибыло к нему послание Бату, когда тот (Хулагу) находился за р. Джейхуну. Он не переправился через нее и с бывшими при нем простоял на своем месте целых два года, до тех пор, пока умер Бату» [Тизенгаузен, 1884, с. 246].

Конечно, огромная армия под командованием Хулагу не стояла два года в полном бездействии на берегу Амударьи. Известно, что в 1253 г. она выступила из Монголии и только осенью 1255 г. достигла Самарканда [Бартолад, 1968, с. 148; Петрушевский, 1977а, с. 231—232]. Этот поход Хулагу очень подробно описан в сочинении Джувейни. Его рассказ изобилует сведениями о многочисленных пирах, торжественных приемах, охотах, продолжительных перекочевках и отдыхе на летних па-

стбищах. Создается впечатление, что Хулагу со своими приближенными отправился не воевать, а развлекаться. Нетрудно подчитать, что его армия продвигалась от «крайних пределов Монголии до Самарканда» почти 2 года со средней скоростью 3 км в день. В период с лета 1254 г. до весны 1255 г. ставка Хулагу находилась в «горных пастбищах» и, судя по всему, вообще не двигалась с места. Очень важно, что в книге Джувейни приведено довольно много точных дат, в том числе и дата переправы войска Хулагу через Амударью — первые числа января 1256 г. [Juvaini, 1958, p. 607—614]. Такая медлительность Хулагу станет вполне понятной, если учесть, что он вместе со своей армией оказался в довольно затруднительном положении — возвращаться назад ему не позволял приказ великого кагана, а переправу через Амударью запретил Бату [Трепавлов, 1993, с. 81].

Вряд ли это распоряжение Бату можно объяснить только тем, что он был расстроен историей беззаветной дружбы Берке и Мустасима. Гораздо важнее было то, что по заветанию Чингизхана все земли, расположенные к западу от Амударьи, должны были отойти под контроль Джучидов, и именно поэтому Менгу не вмешивался в ход событий, признавая законность действий Бату [Трепавлов, 1993, с. 81].

Интересные данные об отправке джучидских воинских подразделений на помощь армии Хулагу содержится в книге армянского историка Киракоса. Он лично наблюдал за тем, как «из удела Бату и Сартака шли с несметным войском через дербентские ворота на соединение с ним, родственники его Балаха, Тутхар, Кули» [Патканов, 1874, с. 88]. Это позволяет считать его сообщение в целом вполне достоверным, тем более если учесть, что оно почти полностью согласуется с данными Рашид ад-Дина. Вызывает только сильные сомнения возможность участия в переходе через Дербент тумана Кули, так как положенный маршрут от улуса Орды на соединение с армией Хулагу представляется весьма странным. К сожалению, в сочинении Киракоса не указано, когда именно происходили эти события, однако общий контекст повествования позволяет установить это достаточно точно.

Переправа огромной армии Хулагу через Амударью и переход туменов Балакана и Тутара через Дербент у Киракоса представлены как события если не синхронные, то близкие по

времени. Сообщения о них помещены сразу после рассказа о назначении Сартака и его отравления, при этом специально подчеркнуто, что и переход, и переправа происходили «несколько раньше этих происшествий», то есть до гибели Сартака. В отличие от Рашид ад-Дина у Киракоса нет прямого указания на то, что тумены Джучидов направлялись к Хулагу по приказу Бату, а указано лишь, что они продвигались «из удела Бату и Сартака» [Патканов, 1874, с. 87—88]. Все это, конечно, не исключает того, что Балакан и Тутар были отправлены в поход по распоряжению Бату, однако такое заключение вступает в определенные противоречия с некоторыми другими фактами.

Если предположить, что Балакан, Тутар и Кули были отправлены к Хулагу во время организации похода, то совершенно ясно, что они должны были бы двигаться точно на восток по направлению к Монголии или Восточному Туркестану, где в это время и находилась монгольская армия. Если же решение об отправке подкреплений к Хулагу было принято незадолго до смерти Бату, то конечным пунктом следования джучидских туменов было бы среднее течение Амударьи, которую армия Хулагу форсировала в самом начале 1256 г. В этом случае тумен Кули, скорее всего, проследовал бы через Мазераннахр, а тумены Балакана и Тутара — через Хорезм и Хорасан, так как такой путь к берегам Амударьи для Тутара был короче почти на 700 км, а для Балакана — почти на 1500 км.

Однако и в книге Киракоса, и в сочинении Рашид ад-Дина, источников, по-видимому, независимых, указано, что Балакан и Тутар вели свои войска именно через Дербент. Таким образом, можно предполагать, что они следовали совсем не к берегам Амударьи, а к юго-западному побережью Каспия, так как только в этом случае выбор маршрута через Дербент был рационален.

Об этом же убедительно свидетельствует и маршрут тумена Кули. По сообщению Рашид ад-Дина, он шел на соединение с армией Хулагу не через Мазераннахр или Хорезм и Хорасан, а через Хорезм и Дехистан. Кроме того, в сочинении Рашид ад-Дина в разделе, посвященном генеалогии Джучидов, о Кули сказано следующее: «Это тот самый Кули, которого послали с войском из уезда Орды в то время, когда Хула-

гу-хан шел в землю Ирана, когда отдано было приказание, чтобы с каждой стороны к нему в помощь присоединился бы один царевич с войском; он (Кули) через Хорезм прошел в Дехистан и Мазандеран» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 69; Тизенгаузен, 1941, с. 45]. Это небольшое добавление позволяет абсолютно точно установить направление движения тумена Кули. Он, так же как Тутар и Балакан, следовал не к берегам Амударьи, а к юго-западному побережью Каспия. Следовательно, именно в этом регионе их тумены должны были соединиться с армией Хулагу.

Известно, что Хулагу добрался до южных берегов Каспия и начал активные боевые действия против государства Исмаилитов только осенью 1256 г. [Нагель, 1997, с. 15]. По данным Джузеппи, тумены Балакана и Тутара получили приказ о продвижении навстречу армии Хулагу в сентябре 1256 г., причем двигались они из «области Аламута» [Juvaini, 1958, p. 618].

Таким образом, анализ маршрутов движения туменов Балакана, Тутара и Кули показывает, что царевичи были отправлены на помощь к Хулагу уже после того, как монгольская армия форсировала Амударью, то есть в то время, когда Бату уже не было в живых.

В этой цепочке рассуждений есть только одно слабое звено — достоверность того, что Бату запретил Хулагу переправу через Джейхун, тем более что сообщение об этом содержится лишь в сочинении ал-Омари [Тизенгаузен, 1884, с. 246]. Однако, во-первых, такое предположение вступает в противоречие с достаточно надежным письменным источником. Во-вторых, сведения о том, что Балакан и Тутар были направлены в поход по приказу Бату, также имеются только в одном из разделов книги Рашид ад-Дина, в то время как в других частях «Сборника летописей» и прочих источниках по этому поводу даны более обтекаемые формулировки — Кули «послал», а Тутар был «отправлен» на помощь Хулагу [Тизенгаузен, 1941, с. 45, 57, примеч. 2]. В-третьих, дата переправы Хулагу через Джейхун достаточно точно совпадает с датой смерти Бату. В-четвертых, совершенно ясно, что запрещение переправы через Джейхун было не следствием личной прихоти Бату. Основанием для принятия такого решения являлось стремление большинства золотоордынских аристократов самостоятельно распорядиться бо-

гатами областями Ширвана и Азербайджана, тем более что они считали эти территории составной частью улуса Джучи на основании завещания Чингизхана. Именно поэтому почти все золотоордынские ханы на протяжении полутора веков вели кровопролитные войны на Кавказе и всеми силами стремились отторгнуть эти земли от владений Хулагуидов и их преемников.

Если сопоставить приведенные выше факты, то станет ясно, что переправа армии Хулагу через Амударью и поход джучидских войск к южному побережью Каспия происходили после смерти Бату. В том, что тумены к Хулагу были отправлены по распоряжению Сартака, убеждает последовательность и взаимосвязь конкретных исторических событий. Если даже допустить, что золотоордынские войска направились в поход по приказу Бату, то получится, что они были посланы в Иран только для того, чтобы в течение неопределенного времени бездействовать в «области Аламута», ожидая подхода армии Хулагу, которая не могла форсировать Амударью по распоряжению того же Бату. Такую непоследовательность действий золотоордынского хана объяснить довольно трудно.

Необходимо отметить, что личного участия Сартака в деле формирования подкреплений для армии Хулагу, очевидно, не требовалось. По-видимому, для этого было вполне достаточно официального приказа великого кагана, подтвержденного согласием новоявленного правителя Золотой Орды, тем более что Сартак, судя по дальнейшим событиям, не собирался возглавлять поход туменов Бадакана, Тутара и Кули, так как из Каракорума он направился не в «землю Ирана», а на территорию своего улуса.

В связи с этим становится вполне понятно, почему Менгу назначил на место Бату Сартака, а не Берке — одного из наиболее ярых противников ширококомасштабных завоеваний за Джейхуном. Для того чтобы форсировать Амударью, Менгу и Хулагу было совершенно необходимо получить на это официальное разрешение от законного правителя Золотой Орды, в противном случае их действия были бы прямым нарушением завещания Чингизхана. Очевидно, в лице Сартака Менгу нашел наиболее последовательного сторонника имперской политики, и именно это обстоятельство оказалось решающим.

Сартак санкционировал завоевание земель за Джейхуном и за это был возведен в ранг второго человека империи.

Менгу

Стремительное продвижение армии Хулагу на запад, безусловно, не устраивало очень многих золотоордынских аристократов, поэтому сообщения о скоростной кончине Сартака и версии о его отравлении представляются весьма вероятными [Патканов, 1874, с. 87; Тизенгаузен, 1941, с. 19]. Нетрудно догадаться, почему смерть Сартака причинила «великую скорбь... самому Менгу-хану и его брату Гулаву» [Патканов, 1874, с. 87].

Точная дата рождения Сартака пока не установлена. Если Бату действительно родился в 602 г. х. (18 августа 1205 г. — 7 августа 1206 г.), как об этом сообщает Гаффари [Тизенгаузен, 1941, с. 210], то можно констатировать, что Сартак вряд ли появился на свет ранее 1220 г. Наиболее вероятным годом его смерти является 1256 г. [Федоров-Давыдов, 1992, с. 82]. Следовательно, есть основания предполагать, что Сартак прожил не более 35 лет.

Сейчас невозможно точно установить, как долго он был ханом Золотой Орды, так как данные письменных источников довольно противоречивы. В сочинении Муизза сообщается, что его правление продолжалось менее года, у ал-Нуэйри речь идет о годе и нескольких месяцах, а Ибн Хальдуи писал о том, что «он пробывал на царстве два года» [Тизенгаузен, 1884, с. 150, 378; 1941, с. 48, примеч. 11].

В Европе и Азии Сартака знали как христианина, причем на Востоке его характеризовали как человека чрезвычайно жестоко и несправедливо-обращавшегося к мусульманам. Он якобы презирал своего дядю Бекре за его приверженность к исламу и даже не удостоил его своим посещением на обратном пути из Монголии, заявив: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское (для меня) несчастье» [Тизенгаузен, 1941, с. 19].

Наиболее лестные отзывы о христианской деятельности Сартака содержатся в книге Киракоса. По его словам, Сартак «воспитывался у христианских дядек и, придя в возраст, уверовал в Христа и был крещен Сирийцами, которые воспитали его. Он оказал большие облегчения христианам и церквам их и, с согласия отца своего, издал грамоту, освобождающую от подати церкви и священников. В этой грамоте он грозил смертью тем, кто осмелился бы требовать подати с церквей и их служителей, какому бы народу они не принадлежали. Точно также он постановил относительно мечетей и их служителей. Ободренные таким его поступками стали шествовать к нему иноки, епископы и священники. Он ласково принимал всех и исполнял их просьбы. Сам-он жил в страхе Божием и в благочестии, имел при себе походную церковь в палатке, в которой постоянно совершались священные таинства» [Патканов, 1874, с. 74—75].

Гильом Рубрук еще до посещения ставки Сартака в 1253 г. знал, что он христианин, и поэтому полагал, что общение с ним будет очень полезным и плодотворным, однако все встречи закончились безрезультатно. Рубрук был разочарован, так как понял, что благосклонность Сартака к христианам основывалась не на религиозных убеждениях, а на материальных выгодах. Сведения об особой религиозности Сартака Рубрук охарактеризовал как недостоверные, вымышленные христиан-

скими проповедниками, которые «из ничего... создают большие разговоры... про Сартака, будто он христианин... я не знаю, верует ли он во Христа, или нет. Знаю только, что христианином он не хочет называться, а скорее, как мне кажется, осмеивает христиан. Именно он живет на пути христиан... которые все проезжают через его область, когда едут ко двору отца его, привозя ему подарки; отсюда он тем более ценит христиан. Однако если бы явились Саррацины и привели больше, их отпустил бы скорее» [Путешествия, 1957, с. 116—117].

В этом отношении достаточно показательны и некоторые другие наблюдения Гильома Рубрука. В его книге отмечено, что Сартак при ознакомлении с Библией спросил, «есть ли там Евангелие», а при рассмотрении креста с изображением распятия специально осведомился, «Христа ли оно изображает» [Путешествия, 1957, с. 113]. Такая неосведомленность в отношении основных религиозных символов свидетельствует о том, что интерес Сартака к христианскому учению был довольно поверхностным, и поэтому вряд ли серьезно отражался на его политической деятельности.

Особенно важно, что все эти сведения Гильома Рубрука заслуживают полного доверия, так как он один из всех известных средневековых авторов неоднократно лично встречался с Сартаком, подолгу с ним беседовал, демонстрировал различные предметы христианского культа. Кроме того, в данном случае мы не можем заподозрить Рубрука в тенденциозности. Будучи служителем церкви, он, несомненно, был более склонен к преувеличению значения христианской религии в жизни и деятельности Сартака, а не наоборот.

Весьма показательны в этом отношении и данные летописей. Ни в одной из них мы не находим даже намека на особое отношение Сартака к православным религиозным деятелям. Русская церковь уже в середине 50-х гг. XIII в. имела определенные льготы, так как перепись 1257 г. не распространялась ни на игуменов, ни на чернецов, ни на попов, то есть всех тех, кто «зрит на святую Богородицу» [Рассказы, 1973, с. 96]. Однако в нашем распоряжении нет убедительных данных, свидетельствующих о том, что эти льготы были получены Русской православной церковью в результате деятельности Сартака.

Еще при жизни Бату Сартак был наделен большими полномочиями и вместе со своим отцом решал самые разные вопросы. По их указаниям на берегах Дона и Волги строились поселки и деревни, возводилась большая церковь [Путешествия, 1957, с. 109—110, 185]. Сартак неоднократно принимал в своей ставке русских князей: «В лета 6757 (1249—1250 гг.) Глеб Василкович иде в орду к Сартаку, сыну Батыеву. Сартак же почество его отпусти в свою отчину... В лето 6758 (1250—1251 гг.) поеха князь Борис Василкович к Сартаку, Сартак же почтиво его и отпусти в свою отчину» [ПСРЛ, 1913, с. 69]. Совершенно ясно, что князья приезжали к нему не из праздного любопытства, а для решения каких-то важных проблем, причем решались эти проблемы здесь же, у Сартака, так как после этого князья отбывали домой, не посещая ханского двора.

Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что эти посещения русскими князьями ставки Сартака были связаны с тем, что Бату в это время ездил на Восток для участия в работе курултая по выборам нового кагана [Федоров-Давыдов, 1992, с. 76—77]. Не исключая такой возможности для 1249—1250 гг., отметим, что позднее Бату, несомненно, находился в своей орде, так как уже в 6758 г. (1250—1251) к нему на Волгу ездил Даниил Галицкий [Изборник, 1986, с. 165; ПСРЛ, 18436, с. 184—185].

Еще Н.М. Карамзин обратил внимание на неоднократные посещения русскими князьями ставки старшего сына Бату. В связи с этим он высказал предположение, что в начале 50-х гг. XIII в. удельные владимирские князья находились в особой зависимости от Сартака. Правда, этот факт Н.М. Карамзин объяснял «дряхлостью» Бату, который в результате тяжелого заболевания (паралич обеих ног) уже почти не занимался делами покоренной Руси [Карамзин, 1992, с. 41—42]. В настоящее время довольно трудно согласиться с тем, что к концу жизни Бату по состоянию здоровья практически полностью отошел от активной политической деятельности. В этом отношении достаточно показательны данные Гильома Рубрука, который в конце 1254 г. почти целый месяц кочевал вместе с Бату и при этом ни разу не упомянул о его болезни. Тем не менее главный вывод Н.М. Карамзина об особой роли Сартака в делах Руси представляется вполне обоснованным. Даже если предположить, что достоверны только сообщения о поездках русских князей к

Сартаку в период отсутствия в Золотой Орде Бату и Берке, можно констатировать, что, по крайней мере, в это время именно он «замещал» своих старших родственников.

Одной из самых заметных фигур в политической жизни Золотой Орды середины XIII в. была жена Бату Боракчин. Наиболее ранние датированные сообщения о ней содержатся в Галицко-Волынской и Ипатьевской летописях. Галицкий князь Даниил Романович при посещении ставки Бату в 6758 г. (1250—1251) ходил на поклон не только к хану, но и к его супруге, причем в летописных текстах она названа либо «царицей», либо «великой княгиней», следовательно, в это время Боракчин уже была старшей женой Бату [Изборник, 1986, с. 165; ПСРЛ, 18436, с. 185]. Вскоре после его смерти она вышла замуж за Тукана — среднего сына Бату и родила от него царевича Туда-Менгу, который впоследствии стал золотоордынским ханом [Тизенгаузен, 1884, с. 150, 506, 508].

Боракчин была одновременно вдовой Бату, женой Тукана, матерью Туда-Менгу, матерью Сартака и бабушкой его малолетнего сына Улагчи (в сочинении Казвина Боракчин ошибочно названа матерью Улагчи) [Тизенгаузен, 1941, с. 91]. В этом нет ничего удивительного, так как по монгольским обычаям любой человек мог сочетаться законным браком «со всеми вообще родственницами за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться» [Путешествия, 1957, с. 26—27].

После кончины Сартака Боракчин по повелению великого кагана Менгу была назначена регентшей при несовершеннолетнем царевиче Улагчи. Менгу постановил, чтобы она «отдавала приказы и воспитывала сына Сартака Улагчи, до тех пор, пока он не вырастет и займет место отца» [Тизенгаузен, 1941, с. 22]. В действиях Менгу прослеживается очевидная закономерность. Создается впечатление, что он стремился утвердить на золотоордынском троне прямых потомков Бату, выступая сторонником права наследования престола от отца к сыну.

Такая позиция великого кагана на первый взгляд представляется довольно странной. При наличии нескольких совершеннолетних законных наследников на трон возводится малолетний ребенок, а реальная власть на весьма длительное время

(«пока он не вырастет») отдается вдовствующей царице. Кроме того, Джучиды фактически лишаются своего законного права на избрание нового хана, так как вопрос престолонаследия вновь решается не на курултае, а по «приказу» Менгу, который специально для этого присылает в Золотую Орду своих эмиров [Тизенгаузен, 1941, с. 22]. Даже если допустить, что великий каган строго придерживался династийного принципа, не ясно, почему ханом не был провозглашен один из взрослых сыновей Бату — Тукан или Абухан?

Для определения круга лиц, претендовавших на золотоордынский трон после смерти Сартака, небезытересны сведения о его потомках. Данные источников по этому поводу довольно противоречивы. По сообщению Рашид ад-Дина и косвенным данным некоторых других средневековых авторов, у Сартака вообще не было сыновей (Улагчи у Рашид ад-Дина представлен как младший сын Бату) [Тизенгаузен, 1941, с. 49, 53]. Однако нам известно, что у него было несколько детей-«малолеток», которых лично видел Гильом Рубрук при посещении ставки Сартака в 1254 г. [Путешествия, 1957, с. 183].

Об этом же свидетельствуют и данные Мунизза, где в качестве потомков Сартака указаны его сыновья Туктува и Хукчи, а также дети последнего — Тукель-Бута и Батуджа [Тизенгаузен, 1941, с. 49, примеч. 5]. К сожалению, в этом источнике нет указания на то, кто из них был старшим сыном Сартака, хотя известно, что в 1253 г. он уже был женат и имел не одну жену, а «две или три» [Путешествия, 1957, с. 111]. Это позволяет утверждать, что в 1256 г. он был уже не малолетним ребенком.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются данные, которые свидетельствуют о том, что к моменту смерти Сартака и у него был, по крайней мере, один достаточно взрослый сын, поэтому утверждение на золотоордынском престоле несовершеннолетнего Улагчи выглядит, по меньшей мере, странно.

Возведение на трон малолетнего претендента почти всегда является следствием крупномасштабных политических интриг. Поэтому можно предполагать, что дело было не в строгом соблюдении определенных правил престолонаследия, а в политической ориентации того или иного претендента. Судя по последующим событиям, Боракчин явно ориентировалась на Каракорум. Никаких серьезных проблем с Менгу у нее никогда

не возникало, а отношения с Хулагу можно охарактеризовать как союзнические и даже дружественные. Хулагу продолжал завоевательный поход, начатый в январе 1256 г., и это вызвало крайнее недовольство очень многих Джучидов. Именно поэтому великому кагану найти убежденных сторонников в среде золотоордынской аристократии было не так-то просто.

Наиболее вероятно, что Менгу назначил Улагчи на место умершего Сартака в 1257 г. Об этом свидетельствует, прежде всего, то, что самые ранние летописные упоминания об Улагчи относятся к 6764 г. (1256—1257) [ПСРЛ, 1885, с. 141]. Кроме того, по данным Лаврентьевской летописи, в 6765 г. (1257—1258) на поклон к нему ездил «все» русские князья, что следует рассматривать как общее представление зависимых русских князей новому правителю Золотой Орды [ПСРЛ, 1928, стб. 524]. В Густинской летописи имеется прямое указание на то, что в 6765 г. (1257—1258) «наста в Татарех новый царь Улагчи» [ПСРЛ, 1843а, с. 342]. Предложенная дата воцарения Улагчи достаточно хорошо согласуется с датой смерти Бату в конце 1255 г. и с сообщениями ан-Нувейри, Ибн Хальдуна и Рашид ад-Дина о том, что Сартак удерживался у власти в течение одного года или около двух лет [Тизенгаузен, 1884, с. 150, 378; 1941, с. 48, примеч. 11].

Правда, при таких датировках обнаруживаются некоторые противоречия с материалами, представленными в сочинении Джуеини, который писал о том, что Сартак и Улагчи умерли в одном и том же году [Тизенгаузен, 1941, с. 22]. Однако это сообщение Джуеини представляется недостоверным, и вот почему.

Не ранее чем через месяц после кончины Сартака весть о его смерти достигла монгольской столицы. Менгу отправил на Волгу своих эмиров, которые находились в пути не менее трех месяцев и возвели на трон Улагчи. Только после этого по решению администрации Боракчин в Золотую Орду были посланы русские князья, причем на это тоже потребовалось немалое время.

Итак, формально ханом Золотой Орды стал Улагчи, но фактически государством управляла Боракчин. По данным большинства персидских авторов, Улагчи умер вскоре после Сартака, и правление Боракчин продолжалось очень недолго [Тизенгаузен, 1941, с. 67, 86, 91].

В русских летописях содержится несколько иная информация. В Никоновской летописи читаем: «В лето 6764 (1256—1257 гг.)... князь... Борис Василькович Ростовский был у Улачича и дары отдал, и честь многу прием, и возвратися со многаго честию в свою отчину. В лето 6765 (1257—1258 гг.) идоша в Орду князь великий Александр Ярославич Володимирский и князь великий Борис Василькович Ростовский и князь великий Андрей Ярославич Суздальский со многими дарами, чествовавшие у Улачича, и возвратишася... во своя их отчины... В лето 6766 (1258—1259 гг.)... идоша во Орду князь великий Александр Ярославич Владимирский, и князь великий Андрей Ярославич Суздальский, и князь Борис Василькович Ростовский, и князь великий Ярослав Ярославич Тверский, и чествовавшие Улачича и вся князи и воеводы Ординския, и отпущени быша с многаго честию на Русь» [ПСРЛ, 1885, с. 141]. Весьма близкое описание этих событий содержится и в Лаврентьевской летописи [ПСРЛ, 1927, стб. 474—475]. Таким образом, по летописным данным, князья теоретически могли посещать ставку Улагчи в период с 1256 г. по 1259 г.

По мнению специалистов, только на дорогу в Орду и обратно князья обычно тратили около полугода [Полубояринова, 1978, с. 13]. Правильность подобных расчетов подтверждается сообщением венецианского дипломата Амброджо Контарини, который вместе со своими спутниками в 1476 г. сумел преодолеть расстояние от Астрахани до Москвы всего за 48 дней, но в конце путешествия они «едва двигались и дошли до крайнего состояния, так что с трудом держались на лошадях» [Амброджо Контарини, 1986, с. 19—20].

Предположим, хотя это и маловероятно, что Борис Василькович прибыл в ставку Улагчи вскоре после его воцарения и сразу же отбыл обратно. Не менее чем через три месяца он вернулся на Русь, как минимум, несколько месяцев провел дома, затем вновь поехал в Орду вместе с другими князьями. Они находились в пути около трех месяцев, какое-то время «чествовавшие Улачича» и только по истечении нескольких месяцев вернулись обратно. Через некоторое время князья в третий раз поехали в Орду и не ранее чем через полгода вновь возвратились домой. При этом следует учитывать, что князья в третий раз поехали в Орду ко двору Улагчи не ранее весны 1258 г.,

поскольку летописная дата «в лето 6766» соответствует периоду с марта 1258 г. по март 1259 г. [Бережков, 1963, с. 350].

Суммировав полученные результаты и отбросив крайние возможные значения как мало вероятные, нетрудно убедиться в том, что царствование Улагчи и правление Боракичи продолжалось не менее двух лет. Следовательно, если доверять летописи, а не доверять ей в данном случае у нас нет особых оснований, можно констатировать, что Улагчи умер не ранее осени 1258 г. Весьма важно, что, по данным Никоновской летописи, русские князья последний раз вернулись на Русь после посещения ставки Улагчи именно осенью 1258 г., и при этом известий о его болезни или смерти с собой не привезли [ПСРЛ, 1885, с. 141]. Эти подсчеты очень хорошо согласуются с материалами Рогожского летописца, который сообщает о смерти Улагчи только под 6767 г. (1259—1260) [ПСРЛ, 1922, стб. 32—33].

Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что данное сообщение Рогожского летописца — ошибка или неточность, связанная с тенденциозным изложением событий рассматриваемого периода. По его мнению, русские летописцы хотели видеть на ханском престоле не мусульманина Берке, а христианина Улагчи, и поэтому время правления последнего необоснованно растягивали [Федоров-Давыдов, 1992, с. 79, 81]. Однако в нашем распоряжении нет никаких данных, позволяющих считать, что Улагчи был христианином. Кроме того, «он был еще мальчиком», Золотой Ордой правил лишь формально, а реальная власть находилась в руках Боракичи, которая, судя по всему, христианкой тоже не была [Тизенгаузен, 1941, с. 91].

При Сартаке и Улагчи Золотая Орда продолжала оставаться составной частью Монгольской империи, поэтому золотоордынские ханы зависели от Каракоруума [Егоров, 1990, с. 17]. Только каган обладал правом окончательного утверждения того или иного претендента на трон, и именно по воле Менгу Сартака, Улагчи и Боракичи ставились во главе улуса. Их права в области внешней политики также были ограничены. Решение наиболее важных общегосударственных проблем было прерогативой каракорумского правительства, поэтому многие послы, миссионеры и князья совершали длительные путешествия в Монголию ко двору великого кагана. Это, конечно, не означает, что золотоордынские ханы были вообще лишены права вести

переговоры с официальными представителями иностранных держав. Такие переговоры проводились неоднократно, но решались на них только частные вопросы, входившие в компетенцию устных правителей. По мнению В.В. Трепавлова, Джучиды могли издавать указы по любым вопросам внутренней жизни подвластных регионов, лишь бы они не противоречили все и распоряжениям столичной администрации [Трепавлов, 1993, с. 82].

В связи с этим небезинтересно рассмотреть организацию переписи населения Руси, которая являлась одним из важнейших событий рассматриваемого периода. Прежде всего, следует отметить, что решение о проведении этого мероприятия было принято в 1253 г. в Каракоруме, следовательно, проводилось оно не по инициативе золотоордынской администрации, а по распоряжению имперского правительства. Главные «численники» — Бицик-Берке и Китат — действовали на основании решения великого кагана [Насонов, 1996, с. 86].

Вряд ли можно сомневаться в том, что переписчики «исчлоташа всю землю Суждальскую и Рязаньскую и Муромскую» в то время, когда Золотой Ордой управлял Боракчин, так как именно в этом 1257 г. русские князья «чтивше Улавчиа». Особенно интересны в этом отношении данные Лаврентьевской летописи, в которой под один год сообщается и о посещении русскими князьями ставки Улагчи, и о переписи населения Руси: «В лето 6765 (1257—1258 гг.) поидоша вси князи в Орду и чтив Оулавчиа и вся воеводы его... Тое же зимы бы число и исчлоташа всю землю Русскую, только не чтоша кто служит оу церкви» [ПСРЛ, 1928, стб. 524]. Неудачные попытки проведения переписи населения Новгорода также были предприняты в годы правления Боракчина.

К сожалению, в настоящее время невозможно установить, какую роль в этих событиях играли представители золотоордынской администрации, поскольку никакой информации по этому поводу источники не содержат. Наиболее вероятно, что первой переписью русского населения руководили имперские чиновники. Во всяком случае, приехавший в конце 1259 г. в Новгород Берка, или Беркан, вероятнее всего, является тем самым Бицик-Берке, который прибыл на Русь по распоряжению великого кагана [Насонов, 1996, с. 86; Новгородская, 1950,

с. 82]. Руководящая роль каракорумского правительства в организации и проведении переписи на Руси достаточно убедительно обоснована в одной из работ Г.А. Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1965, с. 52].

Все это не позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что перепись 1257—1259 гг. проводилась по распоряжению золотоордынского хана Берке [Греков, Якубовский, 1950, с. 221; Сафаргалиев, 1996, с. 320], тем более что вывод о руководящей роли каракорумского правительства в деле переписи русского населения хорошо вписывается в общий контекст проимперской политики, проводимой правительством Боракчина.

Особенно ярко зависимость первых ханов Золотой Орды от Каракорума проявилась в чеканке монет. В это время Джучиды не имели права выпускать их от своего имени. Все известные сейчас типы наиболее ранних золотоордынских монет, как медных, так и серебряных, либо анонимны, либо отчеканены от имени великого кагана Менгу [Мухамадиев, 1983, с. 44; Федоров-Давыдов, 1987, с. 163]. Кроме того, они не датированы. Это обстоятельство не позволяет точно установить год их выпуска, поэтому монеты, отчеканенные от имени Менгу, датируются в широких пределах — от времени его вступления на престол до смерти, то есть с 1251 г. по 1259 г. По этой же причине довольно трудно установить, кто из золотоордынских ханов утверждал ту или иную денежную эмиссию.

По мнению А.Г. Мухамадиева, выпуск монет с легендой «Менгу каган верховный» был начат в городе Болгаре в годы правления Бату [Мухамадиев, 1990, с. 123]. Аналогичная точка зрения была высказана М.Г. Сафаргалиевым [Сафаргалиев, 1996, с. 316]. С.А. Янина и Г.А. Федоров-Давыдов считали, что эти монеты чеканились по распоряжению хана Берке [Федоров-Давыдов, 1987, с. 5; Янина, 1954, с. 429].

Анализ письменных источников позволяет предполагать, что в годы правления Берке такие монеты не чеканились, так как он пришел к власти после смерти Менгу [Мыськов, 1998, с. 80]. Даже если допустить, что это предположение неверно и Берке утвердился на золотоордынском троне в 1258 г., то все равно придется признать, что он должен был осуществить выпуск дирхемов с титулом Менгу за весьма короткий срок, все-

го около года, и чеканить их от имени кагана, который его кандидатуру не поддерживал и в ханском достоинстве не утверждал. Более того, совершенно ясно, что именно в результате деятельности великого кагана Менгу и пронсков его маршало Берке был фактически отстранен от власти, хотя и имел законные права на трон. Это кажется весьма сомнительным, особенно если учесть, что предшественники Берке, несомненно, управлявшие Золотой Ордой по распоряжениям кагана Менгу, монет от его имени якобы не чеканили.

Исходя из того факта, что медные и серебряные монеты от имени Менгу были выпущены в период с 1251 г. по 1259 г., можно заключить, что они чеканились либо по указанию Бату, либо по распоряжениям Сартака или Боракчин.

А.Г. Мухамедиев, обосновывая положение о чеканке монет с именем и титулом Менгу в годы правления Бату, отметил, что это было связано с определенными политическими событиями. После того как по инициативе Бату Менгу был провозглашен великим каганом «некоторые родственники остались этим недовольны, ибо надеялись царствовать сами... они начали выказывать неповиновение Менгу-хану и смущать народ. Получив о том известие, Бату приказал умертвить многих из принцев крови и вельмож» [Патканов, 1874, с. 74]. По мнению А.Г. Мухамедиева, в такой ситуации выпуск монет с именем Менгу для Бату имел веские основания. Скорее всего, он должен был их чеканить с именем своего ставленника, подавая пример другим монгольским улусам [Мухамедиев, 1983, с. 44].

Эти аргументы представляются недостаточно убедительными. Вряд ли нужно доказывать, что Бату никогда не был суверенным ханом. Отдельные сферы экономической и политической жизни Золотой Орды в годы его правления контролировались Каракорумом. Однако не следует забывать, что в последние годы жизни Бату его влияние и авторитет были необычайно высоки: «Он был в большом почете и очень могущественен... когда 4 сыновей Чингиз-хана не стало, он сделал старшим (ака) среди всех потомков его (Чингиз-хана) и пользовался среди них большим уважением и почетом, на курультаях никто не противился его словам, напротив, все царевичи повиновались и подчинялись ему» [Тизенгаузен, 1941, с. 48]. Мнение В.В. Трепавлова о соправительстве хана Бату и

великого кагана Менгу не вызывает особых возражений [Трепавлов, 1993, с. 79–81].

Хорошо известно, что сам Менгу никогда не ставил себя выше Бату. Об этом свидетельствуют его собственные высказывания, записанные Гильемом Рубруком: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату». Или: «У головы два глаза, и хотя их два, однако зрение у них одно, и куда один направляет взор, туда и другой» [Путешествия, 1957, с. 141, 174].

Однако реальное положение было иным, так как, по наблюдениям того же Рубрука, люди Бату стояли выше людей Менгу [Путешествия, 1957, с. 126]. Ни один сколько-нибудь важный вопрос не решался без согласования с Бату, даже текст грамоты, врученной Рубруку при дворе Менгу, был составлен так, что Бату мог что «ему угодно... прибавить, отнять или изменить» [Путешествия, 1957, с. 184].

Именно по инициативе Бату Менгу был провозглашен великим каганом [Джамал Карши, 1988, с. 111]. Именно Бату играл одну из главных ролей в подавлении заговора, составленного против Менгу [Бартольд, 1963, с. 260]. Именно Бату, вопреки желанию Менгу, запретил переправу через Амурдарью войску Хулагу. Все это позволяет предполагать, что отношения, сложившиеся между ними, в целом соответствовали высказыванию золотоордынского хана: «Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкою буду я» [Тизенгаузен, 1941, с. 15, примеч. 4]. При таком положении чеканка монет с именем великого кагана означала бы официальное признание Бату своего подчиненного положения и главенства Менгу, что не соответствовало существующей политической ситуации.

Абсолютно иные отношения сложились между Менгу и Сартаком. Все средневековые авторы единодушно свидетельствуют, что последний занял золотоордынский трон по повелению великого кагана, причем хан Сартак официально стал вторым (!) человеком империи, то есть подчиненным Менгу. Судя по всему, его политическая деятельность шла вразрез с интересами многих Джучидов, поэтому всесторонняя поддержка Каракорума ему была крайне необходима. Совершенно ясно, что получить такую поддержку Сартак мог лишь в случае неукоснительного исполнения всех наиболее важных требований

столичной администрации и при демонстративном проявлении верноподданнических чувств. Выпуск монет от имени Менгу мог бы служить наглядным подтверждением его политической «благонадежности».

Однако если Сартак и имел намерение чеканить такие монеты, вряд ли он смог его осуществить. По данным армянских и персидских авторов, он скончался вскоре после возращения из Каракорума, а у Джуджани отмечено, что это произошло всего через несколько дней после его прибытия в Золотую Орду [Тизенгаузен, 1941, с. 19]. Тем не менее полностью исключать возможность чеканки монет от имени великого кагана по распоряжению Сартака не следует.

Боракчин, так же как и Сартак, была поставлена во главе улуса по приказу Менгу. Поэтому можно не сомневаться в том, что ее политическая деятельность во многом, если не во всем, совпадала с деятельностью Сартака и отвечала интересам партии Менгу. При этом положение Боракчин было еще более шатким, чем положение ее предшественника, так как она, в отличие от Сартака, не имела никаких законных прав на управление Золотой Ордой. Это в полной мере относится и к Улагчи, который был малолетним ребенком.

Как показывают дальнейшие события, политические устремления Боракчин не находили отклика у большинства золотоордынских аристократов. Поэтому она могла удержаться у власти только опираясь на всестороннюю поддержку своих могущественных покровителей из Каракорума. Чеканка монет от имени великого кагана в этом случае отражала не только факт полного признания его верховной власти, но и «законность» правления Боракчин, по повелению которого она была назначена регентшей при несовершеннолетнем наследнике. Боракчин удерживалась у власти около двух лет, так что времени для воплощения в жизнь идеи выпуска монет от имени Менгу у нее было вполне достаточно. Таким образом, у нас есть все основания предполагать, что монеты с легендой «Менгу каган верховный» чеканились по распоряжению Боракчин в годы формального правления Улагчи, то есть в период с 1257 г. по 1259 г. [Мысков, 1999, с. 52—53].

После смерти Улагчи обстановка в Золотой Орде серьезно осложнилась. Боракчин стремилась во что бы то ни стало со-

хранить власть в своих руках, но для этого необходимо было посадить на трон малолетнего царевича и утвердиться при нем в качестве регентши. Никакого другого пути для достижения этой цели у нее не было. Наиболее подходящим кандидатом на трон Боракчин считала своего сына Туда-Менгу, так как в это время ему было не более 3 лет.

Однако на этот раз деятельность Боракчин натолкнулась на серьезное противодействие золотоордынских аристократов, которые почти единодушно выступили против кандидатуры Туда-Менгу: «Боракшин... захотела, чтобы власть над Северными странами... досталась сыну ее, Тудаменгу. Она обладала обширным умом и умением распоряжаться. Но с нею не согласились ни ханы, сыновья Батухана, дяди сына ее, ни темники. Увидев их сопротивление, она вошла в сношения с Хулаку, сыном Тули, послала к нему стрелу без перьев и кафтан без пояса и отправила к нему (посла) сказать: "Нет более стрел в кочане и валуцы осталось без лука, приходи, чтобы принять царство". Потом она отправилась вслед за послом и старалась добраться до Хулаку и привести его в страны Северные. Народ, узнав, что она замышляет, послал вслед за нею, вернул ее, несмотря на сопротивление с ее стороны, и убил ее» [Тизенгаузен, 1884, с. 150—151].

Судя по тексту этого сообщения, выборы нового хана проходили на курултае в присутствии многих золотоордынских царевичей и эмиров, об участии в его работе представителей каракорумской администрации ничего не говорится. Очевидно, кандидатуру Туда-Менгу почти никто не поддержал. Боракчин и ее немногочисленные сторонники потерпели сокрушительное поражение. Именно поэтому бывшая царица была вынуждена искать поддержку не в рядах местной аристократии, а на стороне, и даже встать на путь государственной измены.

Глава 3

Золотая Орда

в годы правления Берке и Менгу-Тимура

До настоящего времени не решен окончательно вопрос о том, когда именно Берке стал ханом Золотой Орды. По этому поводу в исторической литературе высказывались и высказываются самые разные точки зрения, хотя письменные источники, как персидские, так и египетские, в этом отношении абсолютно единодушны. По сообщениям Рашид ад-Дина, Руки ад-Дина Бейбарса, ал-Айни, ан-Нувейри и косвенным данным некоторых других средневековых авторов, Берке пришел к власти в 652 г. х., то есть в период между 21 февраля 1254 г. и 9 февраля 1255 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 121, 151, 506; 1941, с. 67].

Подавляющее большинство историков не принимают этой даты по вполне понятной причине: она никак не согласуется с хронологией предыдущих и последующих событий. Содержание книги Гильома Рубрука, очень точного, даже скрупулезного в отношении хронологии, не оставляет сомнений в том, что в начале 1255 г. Бату был еще жив [Путешествия, 1957, с. 186]. Если учесть, что после его смерти государством управлял сначала Сартак, а затем Боракчин, станет ясно, что в 652 г. х Берке никак не мог стать ханом Золотой Орды. В этом же убеждают и сообщения русских летописей. До начала 1259 г. летописи упоминают в качестве официального правителя Золотой Орды Улагчи, а Рогожский летописец сообщает о его смерти только под 6767 г. (1259—1260) [ПСРЛ, 1922, стб. 32—33].

К сожалению, в решении этой проблемы не могут помочь нумизматические материалы. Известен лишь один тип серебряных монет, который, несомненно, был выпущен в годы правления Берке. Это монеты с легендой «Ариг-Бута каган верхоний». Однако они не датированы. Не исключено, что при Берке чеканились монеты с изображением джучидской тамги, но на них также не обозначен год выпуска и, кроме того, они анонимны [Мухамадиев, 1983, с. 54; Федоров-Давыдов, 1987, с. 163—164].

Как уже отмечалось выше, разброс дат воцарения Берке, предлагаемых различными исследователями, составляет целых четыре года — от 1255 г. до 1258 г. При этом в большинстве статей и монографий отсутствует развернутая аргументация по обоснованию той или иной точки зрения. Исключения составляют только работы А.Н. Насонова и Г.А. Федорова-Давыдова. В книге А.Н. Насонова приведены конкретные факты, позволяющие датировать воцарение Берке не ранее 1258 г. [Насонов, 1996, с. 225]. Г.А. Федоров-Давыдов на основании детального разбора восточных и русских источников предложил отнести начало единовластного правления Берке к 1257 г. [Федоров-Давыдов, 1992, с. 82].

Анализ событий, происходивших на территории Золотой Орды и за ее пределами в первой половине 50-х гг. XIII столетия, не позволяет принять ни одну из приведенных выше дат. Если встать на позиции авторов, предлагающих считать, что Берке стал ханом Золотой Орды в период с 1255 г. по 1258 г., возникает целый ряд вопросов, которые требуют специального рассмотрения.

Например, не совсем ясно, почему Боракчин после провала попытки утвердить на троне своего сына Тула-Менгу обратилась за помощью не в Каракорум к великому кагану, а в Иран к его брату Хулагу. Это представляется особенно странным, если учесть, что решение подобных вопросов явно выходило за пределы компетенции Хулагу, так как в это время он был только царевичем.

Почему на этот раз Менгу не проявил абсолютно никакого интереса к событиям, происходившим на территории Золотой Орды? До этого он дважды принимал самое непосредственное участие в решении вопросов престолонаследия и именно

по его распоряжениям сначала Сартак, а затем Боракчин управляют улусом. Последний факт представляется особенно примечательным, поскольку свидетельствует о том, что кандидатура Боракчин вполне устраивала Менгу. Не менее важно и то, что ставленница великого кагана Боракчин была казнена, а золотоордынский трон занял Берке, которого до этих событий ханом улусно не назначали.

Все это можно объяснить только тем, что к моменту воцарения Берке Менгу уже не было в живых и после его скоропостижной кончины в империи около полугода вообще не было правителя, а затем появились сразу два кагана — Хубилай и Ариг-Буга, которые начали вооруженную борьбу за императорский трон. Воспользовавшись нестабильной обстановкой, Джучиды сумели избавиться от Боракчин и возвести на престол своего ставленника Берке.

Если принять любую из ранних дат воцарения Берке, то будет довольно трудно объяснить, почему столь резкое обострение отношений между Золотой Ордой и Ираном произошло только в начале 60-х гг. XIII в., а не раньше. Ведь Берке еще при жизни Бату крайне отрицательно относился к идее продвижения армии Хулагу за Амударью и, как истинный мусульманин, абсолютно искренне скорбел о варварском разорении Багдада и казни халифа Мустасима. Известно, что массовое истребление Джучидов, временно служивших в армии Хулагу, произошло в начале 1260 г., а золотоордынские посты, требовавшие от Хулагу «часть тех стран, которые он завоевал и тех денег да пленных, что он захватил», прибыли в его ставку только в 1261 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 275; 1941, с. 68, примеч. 1]. Почему кровопролитная война за спорные территории в Закавказье началась только осенью 1262 г., то есть почти через 7 лет после начала завоевательного похода Хулагу?

Удовлетворительные ответы на все эти вопросы можно получить только в том случае, если признать, что Берке — давний противник деятельности Хулагу овладел золотоордынским тронном в конце 1259 г. Известно, что великий каган Менгу умер 11 или 12 августа 1259 г. [Гумилев, 1994, с. 187; Рашид ад-Дин, 1960, с. 147; Свистунова, 1977, с. 289; Chambers, 1988, с. 178]. Очевидно, после этого скончался Улагчи, причем можно предполагать, что он умер не естественной смертью, а пал

жертвой заговора, подготовленного сторонниками Берке. Только после этих событий состоялся курултай золотоордынских аристократов, на котором была отвергнута кандидатура Туца-Менгу, а ханом провозглашен Берке.

По-видимому, этот курултай состоялся в конце 1259 г., так как нам известно, что уже 3 февраля 1260 г. по приказу Хулагу был казнен Тугар, а затем и аналогичные другие Джучиды [Тизенгаузен, 1941, с. 67—68, примеч. 1]. Если раньше все они служили в армии Хулагу по распоряжениям Сартака и Боракчин, которые действовали в русле политики Каракорума, то после прихода к власти Берке положение резко изменилось [Мыськов, 1998, с. 76—79]. Джучидские воинские контингенты стали представлять для Хулагу и его ближайшего окружения весьма серьезную опасность, так как теперь они являлись подданными хана Берке, отношение которого к деятельности Хулагу всем было известно очень хорошо.

Весьма симптоматично, что в египетских, персидских и армянских источниках наиболее ранние датированные сведения о деятельности хана Берке (а не о его воцарении) относятся к 1259 г. Исключения составляют лишь явно ошибочные сообщения Руки ад-Дина Бейбарса и ан-Нувейри о первом вооруженном столкновении войск Берке и Хулагу, датированном 1255 г., а также весьма противоречивый по содержанию и хронологии рассказ Рашид ад-Дина об истреблении джучидских царевичей [Тизенгаузен, 1884, с. 121, 151; 1941, с. 67—68, примеч. 1].

В русских летописях имя хана Берке впервые упоминается под 1262 г. в связи с задержкой в Орде и болезнью Александра Невского [Новгородская, 1950, с. 83; ПСРЛ, 1841, в. 58; 1851, с. 191]. Столь длительная политическая «безынициативность хана Берке» во второй половине 50-х гг. XIII в. представляется особенно странной, если учесть, что начиная с 1260 г. обстановка в Золотой Орде и за ее пределами начинает меняться с поистине калейдоскопической быстротой.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно обстоятельство, которое косвенно свидетельствует о том, что Берке стал ханом Золотой Орды после смерти великого кагана Менгу, то есть в конце 1259 г. В нашем распоряжении нет сведений, говорящих о каком бы то ни было взаимодействии хана Берке и

великого кагана Менгу, или хотя бы об ответной реакции одного на действия другого, в то время как отношения между Бату и Менгу, Сартаком и Менгу, Боракчин и Менгу, Берке и Хубилаем, Берке и Ариг-Бугой освещены в целом ряде сочинений средневековых авторов. Такое положение вряд ли можно объяснить состоянием источников или случайным стечением обстоятельств. В.В. Трепавлов, специально посвятивший один из разделов своей монографии проблеме соправительства Менгу и Берке, не привел никаких аргументов по обоснованию этой точки зрения [Трепавлов, 1993, с. 82—83]. Ссылка на отрывок из летописи Рашид ад-Дина не проясняет ситуацию, так как общий контекст сообщения не позволяет установить, с какими представителями дома Тулуя у Берке «был проторен путь единения и дружбы» [Рашид ад-Дин, 1960, с. 81]. Можно лишь предполагать, что речь здесь идет о Берке и Ариг-Буге.

Очень важно, что все принятые в исторической литературе даты воцарения Берке, от 1256 г. до 1258 г. не только не находят никаких конкретных подтверждений в средневековых письменных источниках, но и вступают в серьезные противоречия с многочисленными и разнообразными по содержанию данными русских летописей, повествующих о времени правления Улаги.

Как уже отмечалось, в научной литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что в борьбе за золотоордынский престол Берке опирался, прежде всего, на городские верхи, мусульманское купечество и духовенство, и что поддержка именно этих сил обеспечила ему победу. Общеизвестно, что Берке, обратившийся в мусульманство задолго до своего воцарения, окружил себя сторонниками ислама, «пригласил к себе ученых из всех краев да шейхов со всех сторон и концов... и на тех из них, которые пришли, излил (целые) моря даров» [Тизенгаузен, 1884, с. 461]. Восторженные отзывы персидских и египетских авторов о религиозной деятельности царевича Берке согласуются с данными Гильома Рубрука, который писал, что Берке «выдает себя за Саррачина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо» [Путешествия, 1957, с. 117].

Вряд ли можно сомневаться в том, что уже в середине 50-х гг. XIII столетия многие мусульманские купцы и коммерсанты, проживавшие в Золотой Орде, играли заметную роль в

экономической жизни государства и владели громадными состояниями, позволявшими им даже заниматься откупом даней. Поэтому можно согласиться с тем, что мусульманское купечество оказало определенное влияние на развитие событий.

Однако при этом не следует забывать, что в рассматриваемый период городская культура Золотой Орды находилась в стадии становления, крупные торгово-ремесленные центры представляли собой лишь отдельные островки в бескрайнем море кочевого мира, а процент городского населения был ничтожно мал. Традиции ислама имели глубокие корни только на окраинах государства — в Волжской Болгарии и Хорезме. В среде кочевого населения, за исключением ближайшего окружения Берке, мусульманство не получило широкого распространения.

Именно поэтому, несмотря на тесное сотрудничество Берке с мусульманским духовенством и купечеством, ему не удалось добиться ощутимых результатов в борьбе за трон ни после смерти Бату, ни после кончины Сартака, ни в годы правления Боракчина. Решение вопросов престолонаследия оставалось прерогативой Чингизидов, и для того чтобы овладеть тронном, любому потенциальному претенденту необходимо было, прежде всего, заботиться о формировании партии союзников и единомышленников из среды наиболее влиятельных представителей кочевой аристократии. В сочинении ан-Нувейри достаточно отчетливо показана решающая роль Джучидов в утверждении той или иной кандидатуры. Предложение Боракчин об утверждении на золотоордынском троне Тууда-Менгу обсуждали и решали только ханы и темники [Тизенгаузен, 1884, с. 150].

Победа Берке в значительной мере была обусловлена нестабильной политической ситуацией, сложившейся в Монгольской империи в 1259 г. Предшествующие события показывают, что до этого времени центральному правительству в Каракоруме удавалось контролировать положение дел в Золотой Орде и оказывать определяющее влияние на решение наиболее важных вопросов. После смерти Менгу и начала вооруженной борьбы между Хубилаем и Ариг-Бугой активное вмешательство во внутренние дела Джучидов стало практически невозможным.

Ариг-Буга являлся законным преемником Менгу, он был официально провозглашен каганом на курултае в Каракоруме весной 1260 г. Хубилай незаконно созвал другой курултай в

китайском городе Кайшине и, подкупив некоторых Чингизидов, самозванно объявил себя правителем Монгольской империи. Длительная и упорная борьба за императорский трон завершилась победой Хубилая. В 1264 г. Ариг-Буга прекратил сопротивление и с остатками своего войска сдался Хубилаю. Хубилай сохранил Ариг-Буге жизнь, но жестоко наказал всех его сторонников, обвинив их в организации заговора и провокации войны. Многие из них были казнены [Далай, 1977, с. 324—326; Негель, 1997, с. 59—60].

Берке активно поддерживал Ариг-Бугу. Он не только признал себя подданным законного кагана, но и послал к нему на помощь войска, которые принимали участие в боях действующих и в одном из сражений сумели нанести поражение отрядам Хубилая [Тизенгаузен, 1884, с. 188]. Кроме того, Берке начал выпуск серебряных монет от имени кагана, на лицевой стороне которых отчеканивалась надпись: «Ариг-Буга каган, верховный» [Федоров-Давыдов, 1973, с. 163].

Эти факты позволяют утверждать, что в первые годы правления Берке не помышлял об обособлении своего улуса от Монгольской империи и добровольно подчинился верховной власти Каракорума, в противном случае он, несомненно, занял бы нейтральную позицию и не вмешивался в борьбу Хубилая и Ариг-Буги. Со своей стороны Ариг-Буга, по-видимому, официально подтвердил законность правления Берке на территории Золотой Орды, так как только на почве взаимного признания между ними могли сложиться столь тесные политические контакты.

Небезынтересно рассмотреть с этих же позиций отношения Хубилая и Хулагу. Последний признал законность власти узурпатора Хубилая и направил к нему свои воинские контингенты для борьбы с Ариг-Бугой и его союзниками. В свою очередь Хубилай назначил Хулагу правителем завоеванного им улуса, хотя не совсем ясно, когда именно это произошло. По данным одних источников, это случилось в самом начале 1260 г., в то время когда в армии Хулагу еще служили Джучиды [Патканов, 1871, с. 24]. По другой версии, Хулагу получил титул илхана в 1264 г., после поражения Ариг-Буги и воцарения Хубилая [Тизенгаузен, 1941, с. 75]. Впрочем, эти хронологические несоответствия в данном случае не имеют особого значе-

ния, поскольку сам факт назначения Хулагу Хубилаем особых изменений не вызывает.

Хотя Берке и Хулагу ориентировались на непримиримых противников, в их действиях достаточно отчетливо прослеживаются определенные параллели. Об истинных причинах формирования этих политических альянсов в настоящее время можно только догадываться, так как никакой конкретной информации по этому поводу в источниках не имеется.

Хубилай

Вряд ли Берке столь активно поддерживал Ариг-Бугу только потому, что последний являлся законным преемником Менгу, или потому, что ему было совершенно необходимо получить официальное подтверждение законности своего правления в Золотой Орде от каракорумского правительства. Судя по тому, что политическая деятельность Боракчин завершилась крахом, подавляющее большинство Джучидов поддерживало Берке. Кроме того, уже в это время он стал ака — старшим в роде Чингизхана, и поэтому его авторитет был весьма высок. Это не оставляет сомнений в том, что после кончины Менгу и казни Боракчин положение Берке было достаточно устойчивым.

Если учесть, что в условиях ожесточенного противостояния положение обоих претендентов на императорский трон было крайне шатким, станет ясно, что во всесторонней поддержке и признании остро нуждались Хубилай и Ариг-Буга, а не Берке, тем более что его утверждение на золотоордынском престоле в это время было уже свершившимся фактом. В такой ситуации для Берке было целесообразно либо остаться сторонним наблюдателем, либо, пользуясь правами старшего в роде, выступить в роли миротворца. Действенная поддержка одного из претендентов в случае его поражения могла обернуться для золотоордынского хана серьезными проблемами и резким обострением отношений с новым имперским правительством, как это впоследствии и произошло. Тем не менее, Берке сознательно и, безусловно, добровольно встал на сторону Ариг-Буги, а это значит, что для него создание союза с Каракорумом имело очень большое значение.

Принятие столь ответственного решения, конечно же, было обусловлено целым комплексом причин — от личной неприязни или симпатии, до глобальных экономических и политических проблем. Одной из них являлась проблема спорных территорий на Кавказе. Этот вопрос выходил далеко за рамки личных отношений Берке и Хулагу и в определенной мере волновал обоих претендентов на императорский трон, причем их позиции были хорошо известны и Берке, и Хулагу. Если Берке активно поддерживал Ариг-Бугу, то можно не сомневаться в том, что последний был готов оказать дипломатическую, а при необходимости и военную поддержку золотоордынскому хану и официально признать законность его притязаний на обладание Ширваном, Арраном и Азербайджаном. Аналогичные надежды питал и Хулагу.

Планам Берке не суждено было осуществиться. После поражения Ариг-Буги Хубилай отправил на помощь Хулагу «30 000 всадников из молодых именитых монголов», которые должны были вести боевые действия против армии Берке, дислоцированной на Кавказе [Галетян, 1977, с. 177; Тизенгаузен, 1941, с. 75]. Вряд ли следует сомневаться в том, что и в случае победы Ариг-Буги крупные воинские формирования из «молодых именитых монголов» прибыли бы из Каракорума на Кавказ, только сражались бы они не в армии Хулагу, а против нее.

В исторической литературе уже неоднократно рассматривался вопрос о взаимоотношениях Берке и Хубилая. Большинство исследователей склоняются к мысли о том, что уже в начале 60-х гг. XIII в. отношения между ними были крайне напряженными и неоднократно принимали форму конфронтации. После того как Хубилай стал великим каганом, отношения между Пекином и Сараем еще более осложнились.

Как уже отмечалось, Берке послал на помощь Ариг-Буге свои войска, то есть фактически объявил войну Хубилаю. После утверждения на троне Хубилай направил огромное войско своему брату Хулагу для ведения боевых действий против Золотой Орды.

В 1262 г. во многих городах Руси вспыхнули восстания против откупщиков дани и их пособников, многие из которых были убиты. Среди них назван Иосим, действовавший совместно с неким «хищником» Титном, прибывшим на Русь от Хубилая [Рассказы, 1973, с. 98]. А.Н. Насонов достаточно убедительно доказал, что эти народные выступления были направлены не против золотоордынских чиновников, а, прежде всего, против представителей администрации Хубилая [Насонов, 1996, с. 107—109].

Весьма показательно, что массовые уничтожения и изгнания сборщиков дани не повлекли за собой никаких ответных действий со стороны Золотой Орды. Летописи ничего не сообщают о каких бы то ни было набегах или вторжениях на территорию Руси вплоть до начала 70-х гг. XIII в. [Кучкин, 1991, с. 25; Астайкин, 1996, с. 542, табл. 2]. Правда, некоторыми историками высказывалась мысль о том, что избавление от нашествия, ожидаемого после восстания, связано с деятельностью Александра Невского, который специально ездил в Орду, для того чтобы «отмолить люд от беды» [Костомаров, 1997, с. 169; Экземплярский, 1998, с. 31]. Эта точка зрения была аргументированно опровергнута А.Н. Насоновым [Насонов, 1996, с. 109].

Следовательно, изгнание и истребление сборщиков дани произошло с молчаливого согласия Берке, а возможно, и по его неофициальному распоряжению. Если это действительно так, то можно констатировать, что золотоордынский хан в решении этого вопроса действовал достаточно тонко и осторожно, предпочитая устранять подчиненных своего политического противника чужими руками.

Во время войны между Берке и Хулагу или вскоре после ее завершения, то есть в 1262—1263 гг. «каан отправил посла, который произвел новую перепись Бухары». Почти треть жителей этого города «принадлежала к (уделу) Бату». Все это население было истреблено, причем «не были пощажены... ни имущество, ни жены, ни дети их» [Тизенгаузен, 1941, с. 81—82]. Массовое уничтожение податного населения, конечно же, произошло не по инициативе послов-переписчиков, а по распоряжению Хубилая, который таким образом лишил Берке его законного права на получение значительной доли налоговых поступлений, собираемых с многотысячного населения Бухары. Очень интересно, что дата этого трагического события совпадает с датой истребления сборщиков дани, посланных на Русь от Хубилая.

В Золотой Орде никогда не чеканили монет от имени великого кагана Хубилая, во всяком случае, ни одной такой монеты до сих пор не найдено. Этот факт со всей определенностью свидетельствует о том, что Берке не признавал его верховной власти. Зато очень хорошо известны золотоордынские монеты с изображением джучидской тамги как символа независимости государства, выпускавшиеся в 60-х гг. XIII в., а также монеты с загадочной легендой, которую некоторые нумизматы склонны переводить как имя Берке [Мухамадиев, 1983, с. 49].

Для характеристики взаимоотношений Берке и Хубилая определенный интерес представляет послание великого кагана, адресованное улусным правителям Монгольской империи, в котором имя Берке даже не упоминается [Рашид ад-Дин, 1960, с. 162]. Очевидно, Хубилай не признавал за ним прав на управление Золотой Ордой, хотя и не имел возможности кардинально изменить сложившееся положение.

После окончательного поражения Ариг-Бути или незадолго до этого Хубилай выдал Хулагу ярлык, «по которому он являлся государем от реки Аму до крайних пределов Сирии и Египта» [Тизенгаузен, 1941, с. 75]. Таким образом, великий каган решил территориальный спор между Берке и Хулагу в пользу своего брата. Однако золотоордынский хан не подчинился этому решению и продолжал активные боевые действия против Хулагу, а после его смерти и против его преемника Абаги. Это

значит, что Берке с полным презрением относился к распоряжениям имперского правительства.

В нашем распоряжении имеются и отдельные сообщения о некоем «сотрудничестве» хана Берке и великого кагана Хубилая. Например, известно, что Хубилай, учинив суд над Ариг-Бутой, приглашал для участия в его работе Хулагу, Берке и Аргуня. Вряд ли можно сомневаться в достоверности этого факта, однако его следует расценивать как не совсем удачный политический маневр великого кагана, так как никто из приглашенных на суд не явился [Закиров, 1966, с. 11; Негель, 1997, с. 60—61].

Все это позволяет предполагать, что после того как Хубилай в 1264 г. одержал окончательную победу над своим братом Ариг-Бутой и стал великим каганом, Золотая Орда вышла из состава Монгольской империи, и фактически превратилась в независимое государство. Если и сохранялась какая-то зависимость золотоордынского хана от великого кагана, то она носила чисто внешний и формальный характер. Вывод В.В. Трепаилова о соправительстве Хубилая и Берке вызывает определенные возражения, поскольку не согласуется с приведенными выше фактами [Трепачков, 1993, с. 83]. По этой же причине довольно трудно согласиться с точкой зрения тех авторов, которые считают, что Золотая Орда «формально и фактически» отделилась от Монгольской империи после смерти великого кагана Менгу [Греков, Якубовский, 1950, с. 75; Закиров, 1966, с. 31].

В первые годы правления Берке начались войны Золотой Орды с Ираном. Этот затяжной военный конфликт, продолжавшийся с более или менее значительными перерывами почти полтора столетия, являлся определяющим фактором международных отношений и серьезно повлиял на внешнеполитическую деятельность некоторых других государств, например Египта и Византии.

Еще до похода Хулагу Джучиды были тесно связаны с представителями имперской администрации в Иране. Об этом свидетельствует совместная деятельность Бату и Менгу по организации в 1254 г. переписи населения, которую проводили Тура-Ага и Аргун [Федоров-Давыдов, 1978, с. 25]. По данным Вассафа, Джучиды «делали набеги до Аррана и говорили, что Арран и Азербайджан также входят в состав владений и становясь их» [Тизенгаузен, 1941, с. 81].

Поскольку в завоевательных походах Хулагу, организованных по решению Каракорума, активное участие принимали крупные воиенские подразделения под командованием Джучидов, он обязан был делить «все добытое... на 5 частей: две части великому каяу, две части войску, а одна часть дому Батыю» [Тизенгаузен, 1884, с. 188]. Несомненно, Джучиды имели законные права на какую-то часть налоговых поступлений, собираемых с податного населения Тебриза, Мергаи, Аррана, Хамадана [Федоров-Давыдов, 1978, с. 26]. Хорошо известно, что еще до начала войны между Золотой Ордой и Ираном в Тебризе проживало много золотоордынских купцов и коммерсантов, которые владели там «бесчисленным и несметным имуществом» [Тизенгаузен, 1941, с. 81]. Особенно важно, что земли Закавказья должны были «отойти под контроль потомков Джучи по завещанию Чингизхана».

Таким образом, претензии Джучидов на эти территории имели под собой весьма веские основания. Как уже отмечалось, организация и проведение завоевательного похода Хулагу были осуществлены в ущерб интересам большей части золотоордынской аристократии. Точка зрения о том, что Джучиды не были в состоянии наладить действенную систему управления областями Аррана и Азербайджана владение их удаленности от Золотой Орды, представляется не очень убедительной [Петрушевский, 1977а, с. 232].

Во-первых, многие территориальные владения Джучидов располагались на гораздо большем расстоянии от центральных областей, однако никаких особых проблем по этому поводу у золотоордынской администрации никогда не возникало. Во-вторых, вооруженное противостояние между Золотой Ордой и Ираном продолжалось в течение многих десятилетий. Вряд ли целесообразно было с таким упорством вести кровопролитные войны за территории, которыми впоследствии невозможно было бы «эффективно управлять».

По-видимому, серьезные противоречия между Хулагу и Берке возникли еще в первой половине 50-х гг. XIII в., в период подготовки завоевательного похода, но тогда они не переросли в форму вооруженного противоборства. И Берке, и Хулагу в это время были только влиятельными царевичами, которые в решении всех спорных вопросов должны были безоговорочно выполнять волю своих старших родственников — Бату и Менгу.

После смерти Бату ситуация резко изменилась и «усилились пожелания Хулагу. Он (снова) послал к брату своему Менгукану просить дозволения исполнить то, что он некогда приказал (ему) относительно нападения на владения халифа и отнятия их у него. Он ему так хорошо расписал это, что тот согласился» [Тизенгаузен, 1884, с. 246]. После этого Берке уже никак не мог остановить наступательный порыв Хулагу. Не мог он и отозвать назад золотоордынские тумены, посланные для завоевания Ирана, так как улусом в это время управляли сначала Сартак, а затем Боракчин. Напомним, что они были назначены Менгу и поэтому действовали в русле общимперской политики, не оспаривая решений каракорумской администрации. Если великий каган утвердил приказ о начале завоевательного похода, то Сартак и Боракчин, несомненно, оказали всестороннюю поддержку Хулагу. Очевидно, именно на этой основе между ними сложились столь тесные политические контакты. Мнение Берке, скорее всего, никого особенно не волновало, тем более что его устремления шли вразрез с интересами Менгу, Хулагу, Сартака, Боракчина и других сторонников широкомасштабных завоеваний.

В январе 1258 г. армия Хулагу разгромила халифское войско и после непродолжительной осады взяла Багдад. Халиф Мустансим сдался без всяких условий, он показал монголам все потайные казнохранилища, наполненные несметными сокровищами [Галстян, 1977, с. 176]. 20 февраля 1258 г. его казнили вместе со всеми мужчинами из рода Аббасидов. Большая часть Багдада была сожжена, в течение 5 дней в нем продолжались грабеж и резня [Нагель, 1997, с. 17—18; Петрушевский, 1977а, с. 232—233; Chambers, 1988, p. 171—174].

Какое отношение сложилось после этого между Берке и Хулагу, догадаться не трудно. Варварское разорение Багдада и казнь халифа для Берке, как и для всех других правоверных мусульман, было настоящей трагедией. Совершенно ясно, что в этой ситуации у него не было ни малейшего желания «послать подкрепления к Хулагу, да он и не мог этого сделать», так как решение подобных вопросов до конца 1259 г. было вне его компетенции. Кроме того, по данным Рашид ад-Дина расправы с Джучидами, временно служившими в армии Хулагу, были осуществлены уже в феврале 1260 г. [Тизенгаузен, 1941, с. 68, примеч. 1]. В такой обстановке отправка дополнительных воин-

ских подразделений в Иран по приказу Берке представляется крайне маловероятной.

В подавляющем большинстве источников джучидские тумены армии Хулагу именуются как «подданные царя Берке» или «сторонники царя Берке», причем из общего контекста этих сообщений становится ясно, что «подданные Берке» оказались в Иране еще до его воцарения. Краткие упоминания о том, что Берке лично послал к Хулагу свои войска, имеются только в книгах ал-Маркизи и Руки ад-Дина Бейбарса [Тизенгаузен, 1884, с. 100, 429].

Дальнейшая судьба джучидских воинских подразделений, попавших под командование Хулагу, достаточно интересна и имеет самое непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме. В 1260 г. царевич Балахан — на пирушке внезапно скончался. После этого обвинили Тугар-огула в волшебстве и заподозрили в измене. Он был казнен 3 февраля 1260 г. «Затем умер также Кули. После смерти упомянутых царевичей войска их убежали и через Дербент и море Гилянское ушли в землю Кипчакскую». Заподозрили, что этих царевичей «умышленно отравили» [Тизенгаузен, 1941, с. 68, примеч. 1].

Достаточно подробно эти события описаны и в сочинениях армянских авторов, например в книге Киракоса. По его словам: «Хулагу, при котором находились раннего с ним происхождения великие и знатные князья, родственники Бату и Беркая — Кули, Балаха, Тугар, Меган — сын Кули, Хатаган и многие другие, истребил их всех вместе со всеми их войсками, не щадя ни стариков, ни детей, потому что они вмешивались в его распоряжения. Только немногие из них и то лишённые жен, детей и имущества, успели бегством спастись к Беркаю и к другим своим родственникам» [Патканов, 1874, с. 105]. По сведениям Рашид ад-Дина, все войска, которые пришли в Иран вместе с Кули и Тугаром... «разбегались» еще до начала боевых действий между Берке и Хулагу [Тизенгаузен, 1941, с. 68]. Чуть позже тысячи золотоордынских воинов, среди которых было немало знатных эмиров, по распоряжению Берке бежали от Хулагу в Египет, где нашли радушный прием у султана Бейбарса [Тизенгаузен, 1884, с. 100, 432].

Если сравнить известные нам имена Джучидов армии Хулагу, перечисленные в сочинениях армянских и персидских авто-

ров, то выяснится, что большинство из них дублируются в книгах Рашид ад-Дина, Киракоса и Джувейни. Это Кули, Тугарин Балахан (Балах). Как уже отмечалось, все они были посланы к Хулагу вскоре после переправы его армии через Амударью, то есть задолго до воцарения Берке и, следовательно, не по его инициативе. Кроме них в сочинении Киракоса названы «Меган и Хатаган». Первый являлся сыном Кули и поэтому, наверняка, был отправлен в поход либо по приказу отца, либо по распоряжению Огата, но не по указанию, полученному из Сарая. «Хатаган» принадлежал к дому Утедея и поэтому не подчинялся распоряжениям золотоордынской администрации. Следовательно, среди известных нам Джучидов, временно служивших под командованием Хулагу, нет ни одного, которого отправляли бы в Иран по приказу Берке. Если при этом учесть весьма напряженные отношения между Берке и Хулагу, о которых говорилось выше, то станет ясно, что сведения об отправке золотоордынских войск на помощь Хулагу по инициативе Берке, скорее всего, ошибочны.

Итак, все царевичи-джучиды, посланные для завоевания Ирана, были уничтожены. Эти массовые убийства, вероятно всего, были спланированы Хулагу, который стремился таким образом предотвратить возможность вооруженных выступлений «подданных» Берке, временно служивших в его армии. Обратим внимание на то, что начальные даты этой серии расправ с джучидскими аристократами достаточно точно совпадают с предложенной датой воцарения Берке. Вряд ли это случайное совпадение.

Хулагу не устраивало то, что Берке стал ханом «самозванно» без санкции Хубилая. Не исключено, что Берке утвердился на золотоордынском престоле с благославения Ариг-Бути, но для Хулагу и Хубилая это не имело никакого значения, так как самого Ариг-Бути они считали самозванцем. Хулагу был крайне недоволен тем, что Берке расправился с Боракчином, тем, что в борьбе за императорский трон он поддерживал Ариг-Бути, а не Хубилая, на стороне которого выступал сам Хулагу. В сочинении Киракоса имеется указание на то, что кровопролитная война между Берке и Хулагу являлась прямым следствием ожесточенной борьбы Ариг-Бути и Хубилая [Патканов, 1874, с. 104—105].

Кроме того, Хулагу был обязан передавать пятую часть военной добычи и пленных в Золотую Орду. Интересно, что вплоть до начала 60-х гг. XIII в. никаких проблем по этому

поводу не возникало. Либо Хулагу аккуратно исполнял эту повинность, либо был освобожден от нее в связи с оказанием восторженной поддержки проимперскому режиму Боракчин. Не случайно свергнутая царница последние надежды на восстановление своего влияния в Золотой Орде связывала именно с деятельностью Хулагу.

После того как ханом Золотой Орды стал Берке, Хулагу решил, что делиться с ним награбленной добычей и завоеванными территориями незачем и «удержал долю его» [Тизенгаузен, 1884, с. 188]. Он только «кое-что, в виде подарка и доли, отослал к Берке... то, что дошло до Берка, последний не принял, умертвив послов Хулагу» [Тизенгаузен, 1941, с. 19, примеч. 3]. Когда же в конце 1261 г. в ставку Хулагу прибыли золотоордынские послы «требовать от него часть тех стран, которые он (Хулагу) завоевал, и тех денег да пленных, что он захватил... тот убил послов его» [Тизенгаузен, 1884, с. 275].

Очевидно, именно это событие явилось переломным в отношениях между Золотой Ордой и Ираном. Противоречий, взаимных претензий и обид накопилось слишком много, и решить их мирными средствами было уже невозможно: «Ум его (Хулагу) был удручен своевластием Берка... он постоянно отправлял послов к Хулагу-хану и всячески выказывал своевластие... наконец Хулагу-хан сказал: «Хотя он (Беркай) и старший в роде (ака), но так как он далек от пути скромности и мягкости и обращается ко мне с угрозою и насилем, то далее оказывать ему уважение я не хочу» [Тизенгаузен, 1941, с. 73—74].

Главной ареной боевых действий между армиями Берке и Хулагу стал Кавказ, и это вполне понятно, так как основным яблоком раздора Джучидов и Хулагуидов были территории, расположенные к югу от Дербента. Однако при этом не следует забывать, что Берке воювал не только за спорные территории в Закавказье, но и против Ирана вообще. Если бы единственной задачей золотоордынского хана был захват закавказских территорий, то он, несомненно, сконцентрировал бы все свои вооруженные силы для нанесения удара в этом направлении. Но нам известно, что армии Берке вели активные боевые действия практически по всей длине границ Золотой Орды с Ираном. В письме султану Бейбарсу от 11 мая 1263 г. Берке сообщая, что десяти тысячный отряд, то есть целый тумен под ко-

мандованием некоего Дурбая отправлен для набега на Хорасан [Тизенгаузен, 1884, с. 99]. Таким образом, численность золотоордынских войск, действовавших в Хорасане, была весьма значительной, а это значит, что Берке планировал провести здесь какие-то крупные боевые операции. К сожалению, о результатах этого похода нельзя сказать ничего определенного. Известно лишь то, что для отражения нападения Хулагу направил один из корпусов своей армии, во главе которого он поставил сына Абагу и «правителя Аргуна» [Патканов, 1874, с. 105].

В настоящее время довольно трудно ответить на вопрос, кто именно первым начал наступление на Кавказе, так как эти события в средневековых источниках изложены крайне противоречиво. Египетские историки полностью оправдывали Золотую Орду и ее действия, персидские, напротив, обвиняли Берке в неспровоцированном нападении [Егоров, 1985, с. 195]. Судя по результатам последующих событий, инициатива в развязывании боевых действий на Кавказе в большинстве случаев исходила от ханов Золотой Орды. Хулагуиды, как правило, придерживались оборонительной тактики и не стремились к расширению своих владений за счет сопредельных золотоордынских территорий.

Хулагу

Война началась осенью 1262 г. Берке, «сделав, воззвание к войску своему, чтобы садился на коня всякий, кому: 10 лет (и более) от роду. Стало народу столько, что, не было видно, ни начала, ни конца» [Тизенгаузен, 1884, с. 74]. По-видимому, в армию Берке планировалось включить большое число русских воинов. По данным летописи: «Дьявол... наостри безбожных Татар мудити христиан, да воинствуют с ними. И того ради приидоша от них послыша Русь с даревым повелением... Александр слыша сея... умысли сам ити во Орду к царю Беркею и умолити его, да не будет такая нужда христианству» [ПСРЛ, 1908, с. 291].

Боевые действия продолжались около полугода и шли с переменным успехом. Генеральное сражение произошло 13 января 1263 г. на р. Терек. Хулагу потерпел сокрушительное поражение. Большая часть его войска была уничтожена, «вследствие этого несчастья ум его был поражен и дух убит». По каким-то причинам Берке не стал развивать свой успех. Он покинул поле боя и «вернулся восвою» [Тизенгаузен, 1941, с. 74—75].

Таким образом, несмотря на ожесточенные сражения и большие потери, ни одному из противников не удалось добиться ощутимых результатов. Граница между Золотой Ордой и Ираном не претерпела никаких изменений и по-прежнему проходила по Дербенту. Такое положение не устраивало ни Берке, ни Хулагу, тем более что последний чувствовал себя в проигрыше, так как потерпел постыдное поражение.

Вскоре после этих событий, в 1264 г., в ставку Хулагу прибыло посольство от великого кагана с известием о том, что «Кубилай-каан вступил на престол, что Арык-Буга подчинился его власти... что Хулагу-хану выдан ярлык, по которому он является государем от реки Аму до крайних пределов Сирии и Египта» [Тизенгаузен, 1941, с. 75]. Хулагу, заручившись поддержкой кагана, жаждал реванша. Однако встретиться с Берке на поле битвы ему не удалось. В январе 1265 г. в городе Мерате он скоропостижно скончался от припадков эпилепсии. Новым правителем Ирана стал его сын Абага [Тизенгаузен, 1884, с. 194, 433].

В результате ожесточенного противоборства Золотой Орды и Ирана, а также агрессивной политики Хулагу в Сирии сформировались дружественные отношения между Золотой Ордой и Египтом. В конце 1260 г. в Египте к власти пришел султан Бейбарс. Он происходил из тюркского племени Бурджоглы [Тизенгаузен, 1884,

с. 503, примеч. 1]. При завоевании Кипчака войсками Бату Бейбарс попал в плен и был продан в Дамаск за 800 дирхемов, а позднее отдан в мамлюки. Он вступил на престол после дворцового переворота и убийства султана Котуза [Muir, 1896, p. 11].

Бейбарс начал управлять Египтом в неспокойное время. Положение на границах было очень напряженным. Хулагу вынашивал планы захвата Сирии, Палестины и неоднократно посылал султанам Айбеку и Котузу письма, весьма резкие по форме и агрессивные по содержанию. В 1260 г. Хулагу направил большую армию для завоевания Сирии, но эта попытка окончилась полным провалом. Его тумены были разбиты египетскими войсками в битвах при Айн-Джалуте и Химсе [Гумилев, 1994, с. 185]. Сокрушительные поражения несколько охладили воинственный пыл Хулагу, но и после этого он не оставил надежд на дальнейшее расширение своих владений. Его войска неоднократно совершали опустошительные набеги на северные районы Сирии. Монгольская армия захватила Северную Месопотамию, Дамаск и некоторые области Сирии [Галстян, 1977, с. 176].

Бейбарс

Положение было настолько серьезным, что в 1261 г. Бейбарс отдал распоряжение об эвакуации всех женщин и детей из этого региона и о создании специальных команд поджигателей, которые выжигали поля от Халеба до Месопотамии и Малой Азии, для того чтобы лишить монгольскую конницу провианта и фуража [Закиров, 1966, с. 43, примеч. 64]. В такой ситуации Бейбарс вынужден был предпринять самые энергичные действия по поиску надежных союзников. Более мощного и подходящего союзника, чем Золотая Орда, вряд ли можно было ему найти [Закиров, 1966, с. 6]. В 1261 г., то есть вскоре после восшествия на престол, Бейбарс «написал к Берке... что, вследствие непрерывно получаемых известий о принятии им ислама, для него (Берке) обязательна религиозная война (с Хулагу), так как он, вступив в религию ислама должен воевать с неверными, и т. п. по части возбуждения и подстрекательства. Отправил он к нему это (послание) с одним из Алланских торговцев» [Тизенгаузен, 1884, с. 55, 98].

Вполне понятно, почему выбор Бейбарса пал именно на золотоордынского хана. В Берке он видел, прежде всего, единорца и именно поэтому, обосновывая необходимость нападения на Хулагу, руководствовался только религиозными принципами. Тем не менее можно не сомневаться в том, что Бейбарс был очень хорошо осведомлен о напряженных отношениях между Берке и Хулагу, в противном случае его попытка поспорить двух влиятельнейших монгольских правителей выглядел бы слишком наивной.

Ждать ответа Бейбарсу пришлось довольно долго. Золотоордынские послы доставили письмо в Александрию только в конце 1263 г. Оно было написано в ставке Берке в местности Итиль и датировано 11 мая 1263 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 99]. На первый взгляд это кажется весьма странным. Египетский султан предложил Берке заключить союз задолго до начала войны между Золотой Ордой и Ираном, а хан откликнулся на это только через несколько месяцев после ее завершения. Чем объяснить столь долгое молчание Берке? Может быть, в 1261 г. он не нуждался в сотрудничестве с Египтом, так как еще не собирался воевать с Хулагу? Нет. Мы выяснили, что уже в это время они фактически находились в состоянии войны, так как тумены Берке сражались на стороне Ариг-Бути, а войска Хулагу

— на стороне Хубилая. К концу 1261 г. отношения между ними обострились до предела (массовое уничтожение царевичей-дзучидов в армии Хулагу, истребление золотоордынских и иранских послов), а это значит, что союзники Берке были очень нужны. Кроме того, для него, как для мусульманина, переписка с султаном Египта была весьма желательной и даже лестной. При Бейбарсе Каир стал центром всего мусульманского мира, и именно сюда после падения Багдада переселились многие религиозные деятели и лучшие представители науки и искусства [Тимофеев, 1983, с. 115].

Остается предположить, что аланский купец, с которым Бейбарс отправил свое послание, оказался на редкость нерасторопным, и Берке получил адресованное ему письмо только после возвращения из похода на Кавказ, то есть в начале 1263 г. Тем не менее хан, наверняка, был очень доволен, поскольку понимал, что купец задержался в силу не зависящих от него обстоятельств.

Еще до войны на Кавказе обстановка в пограничных районах была весьма напряженной, а после начала боевых действий все важнейшие торговые пути были полностью перекрыты. Поэтому попасть в Золотую Орду из Египта было не так-то просто. В том, что это было действительно так, сомневаться не приходилось. Братья Поло, например, по этой же причине не смогли выехать из Золотой Орды и вернуться на родину. По данным Марко Поло, его отец и дядя целый год провели во владениях Берке, «и началась тут война между ним и Алау, владетелем восточных татар... а народ с той и другой стороны много бедствовал. А по дорогам, а то время как они воевали да сражались, ходить вовсе нельзя было, всех в плен забирали» [Марко Поло, 1955, с. 45]. Положение не улучшилось и после окончания боевых действий, так как Хулагу «приказал казнить всех ордаков Берке-огула, занимавшихся в Тобрize торговлею и коммерческими сделками... В отместку Берке-огул также умертвил (у себя) кушаов из земель (принадлежащих) к владениям ханским... Путь для въезда и выезда... сразу был прегражден» [Тизенгаузен, 1941, с. 81].

Несмотря на эти трудности, обмен письмами между Бейбарсом и Берке состоялся. В своем послании хан предложил султану конкретную программу совместной борьбы против «супостата» Хулагу и даже оговорил условия раздела Ирана в случае победы, обещая уступить ему все «мусульманские земли,

находящиеся в руках его (Хулагу)». Ответное «послание (султана) содержало заявление готовности (на предложение), да просьбу жить в мире и оказать помощь против Хулагуна» [Тизенгаузен, 1884, с. 189—190].

После завершения переговоров, торжественного вручения огромного количества подарков и пространного ответа на послание Берке золотоордынские послы вместе с двумя представителями султана Бейбарса были снаряжены в обратную дорогу и отправлены в путь на военной галере в сопровождении многочисленной вооруженной охраны [Тизенгаузен, 1884, с. 431—432].

Посольство благополучно добралось до Константинополя и стало дожидаться византийского императора Михаила VIII Палеолога, который в это время на западных рубежах своих владений «был занят войною с франками» [Брун, 1867, с. 618]. Всего за два года до рассматриваемых событий Михаилу VIII Палеологу удалось захватить Константинополь, изгнать Балдуина II и восстановить Византийскую империю, уничтоженную в 1204 г. участниками четвертого крестового похода.

Михаил VIII Палеолог

Экономическое и внешнеполитическое положение Византии в это время было крайне нестабильным. Особое беспокойство императора вызвала военная активность Хулагу. Для борьбы с таким грозным противником у Михаила VIII Палеолога не было ни сил, ни средств. Именно поэтому он занял крайне осторожную позицию, задержав египетских и золотоордынских послов.

Скорее всего, задержка посольства была осуществлена по требованию официальных представителей Хулагу, которые в это время находились при дворе византийского императора. Михаил VIII Палеолог, оправдываясь перед послами Берке и Бейбарса, заявил, что его владения граничат с владениями Хулагу, который, узнав о разрешении «послам царя Египетского отправиться к царю Берке, заподозрит (в этом) нарушение мира между мною и им и попытается отgrabить соседние ему земли мои... Не переставай он делать им провокации до того, что они проведут у него... два года, так что погибла большая часть животных да невольников, и быстро стало портиться остальное» [Брун, 1867, с. 619; Тизенгаузен, 1884, с. 190].

Хотя императору удалось таким образом снискать расположение Хулагу, но сохранить в неприкосновенности свои владения он все же не сумел. Задержка посольства вызвала негодование Бейбарса и Берке. Султан обвинил Михаила VIII Палеолога в нарушении клятвы о союзе с Египтом и направил к нему послание, написанное в «резких выражениях» [Тизенгаузен, 1884, с. 62]. Берке послал в Византию большое войско, которое, пройдя через Болгарию, разграбило окрестности Константинополя [Смирнов, 1887, с. 13, 19].

Если верить сообщениям египетских авторов, то Константинополь не был взят только благодаря миротворческой деятельности одного из послов Бейбарса — Фарис ад-Дина Акуша ал-Масуди. По просьбе Михаила VIII Палеолога он сумел убедить предводителей золотоордынского войска в том, что между Византией, Египтом и Золотой Ордой существуют союзные отношения, а также в том, что посольство задержалось в Константинополе по причинам не зависящим от византийского императора. Полководцы Берке потребовали от посла письменно подтвердить это заявление, что он и сделал [Тизенгаузен, 1884, с. 191; Закиров, 1966, с. 153]. Таким образом, Берке наглядно продемонстрировал византийскому императору несокрушимую

мощь своих вооруженных сил и дал понять, что любые действия, не отвечающие интересам Золотой Орды, и в дальнейшем будут пресекаться самым решительным образом.

После того как войска Берке покинули территорию Византии, посольство выехало из Константинополя, причем к нему присоединился официальный представитель Михаила VIII Палеолога, который вез с собой письмо, адресованное Берке. В этом послании византийский император обязывался «от себя в числе ежегодной подати вносить 300 атласных одежд, с тем чтобы он (Берке) был ему союзником и пособником и не вторгался в его земли» [Тизенгаузен, 1884, с. 191].

Последнее обстоятельство представляется довольно важным для правильного понимания всей системы дальнейших отношений между Византией, Ираном и Золотой Ордой. Византийский император во имя мира согласился на выплату дани, так как понимал, что в сложившейся обстановке для него приемлемы лишь последовательная миролюбивая политика нейтралитета, а не попытки формирования дипломатических или военных блоков. Возможность вооруженного нажима на Византию со стороны Золотой Орды и Ирана долгое время успешно сдерживалась, но «не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованиями» [Georgii Rascheteris, 1835, p. 348]. Вряд ли можно сомневаться в том, что между Михаилом VIII Палеологом и Хулагу велись переговоры о союзе [Насонов, 1996, с. 103]. Однако после событий 1265 г. положение резко изменилось. Поэтому существующее в исторической литературе мнение о последовательной политической линии Византии — «союзницы Хулагу», направленной против альпийца Египет — Золотая Орда, кажется не очень убедительным [Егоров, 1985, с. 194; Сафаргатиев, 1996, с. 320].

Без особых приключений посольство добралось до Крыма, а затем и до Нижней Волги, где в это время кочевал Берке. Фарис ад-Дин Акуш ал-Масуди попытался оправдать перед золотоордынским ханом за большое опоздание тем, что его задержал византийский император. Однако Берке предьявил ему его собственное письменное подтверждение о добровольной задержке в Константинополе и не наказал только «из уважения к Эльмелик-Эззахиру» [Брун, 1867, с. 620; Тизенгаузен, 1884, с. 191]. Берке предполагал, что глава египетского посоль-

ства подкуплен Михаилом VIII Палеологом. Позднее, в марте 1267 г., когда Фарис ад-Дин Акуш ал-Масуди вернулся в Египет, он был сурово наказан султаном за вероломство: все привезенные им товары конфисковали, а сам он был заключен в оковы и посажен в тюрьму [Закиров, 1966, с. 154].

Тем не менее Берке радушно встречал египетских посланников, хотя и укорял за длительную задержку. Он одарил их золотом, дорогими халатами и, вручив ответное письмо, отправил в обратный путь вместе со своими послами.

Весьма интересно, что даже на официальном приеме при дворе мусульманина Берке были строго соблюдены многие традиционные языческие обряды монголов. Приглашенные на аудиенцию не должны были «входить к нему в шатер с... оружием, не прикасаться ногами к порогу шатра... не есть снега и не мыть платья в орде, а если случится мыть его, то делать это тайком» [Брун, 1867, с. 615; Тизенгаузен, 1884, с. 192—194].

Вопрос о политике исламизации, проводимой правительством Берке, так или иначе затрагивался в работах большинства ученых, писавших о ранней истории Золотой Орды. По этому поводу высказан широкий спектр мнений — от признания факта массового перехода золотоордынской аристократии к мусульманству, до утверждений, будто попытки исламизации населения Золотой Орды, предпринятые в 60-е гг. XIII в., закончились полным провалом [Егоров, 1985, с. 199—200; Сафаргатиев, 1996, с. 317].

Известно, что еще до того как Берке принял ислам, среди населения Золотой Орды и даже в войске были мусульмане [Закиров, 1966, с. 56]. В годы правления Берке отдельные представители золотоордынской аристократии стали мусульманами. Об этом свидетельствуют данные ханского послания египетскому султану, в котором поименно перечислены десятки эмиров [Тизенгаузен, 1884, с. 99]. По свидетельствам современников, «у каждого из эмиров (находившихся) при нем (Берке), есть муадзин и имам, да у каждой латуня (тоже) есть муадзин и имам. Для детей же у них есть учителя, в которых они читают Коран» [Тизенгаузен, 1884, с. 194].

Вряд ли следует сомневаться в том, что в это время мусульманство было воспринято и какой-то частью рядового кочевого населения, хотя о массовой исламизации, конечно же,

не может быть и речи [Мысыков, 1992, с. 20]. Тем не менее заслуги Берке в деле распространения религии неоспоримы, и именно поэтому его авторитет в мусульманском мире всегда был очень высок. Более чем через сто лет после его смерти многие авторы продолжали именовать Золотую Орду не иначе как землями Берке.

Рассказ о религиозной деятельности хана Берке будет неполным, если не сказать хотя бы несколько слов о создании Сарайской православной епископии. Учреждение этой религиозной организации, точнее, назначение первого сарайского епископа, русские летописи относят к 1261 г.: «Того же лета преосвященный Кирил, митрополит киевский и всея Руси, поставил в Сарай Митрофана епископом» [ПСРЛ, 1885, с. 143; 1949, с. 144]. В этом же 1261 г. войскам Михаила VIII Палеолога удалось захватить древнейший центр православия — Константинополь. А.Н. Насонов считал, что такое совпадение дат не случайно, а свидетельствует о тесной взаимосвязи этих важных исторических событий: взятие Константинополя явилось одной из причин создания Сарайской православной епископии [Насонов, 1996, с. 102—104]. Вполне возможно, что это действительно так. Некоторое удивление вызывают только необычайно короткие сроки образования епископии в Золотой Орде.

Как известно, Константинополь был захвачен ограниченным контингентом войск в августе 1261 г. Успех этой боевой операции был в определенной мере неожиданным даже для самого императора [Дашков, 1996, с. 285]. Следовательно, на Руси и в Золотой Орде о возрождении Византийской империи узнали не ранее осени 1261 г. После этого в течение всего нескольких месяцев необходимо было успеть принять решение о создании епископии, согласовать организационные вопросы, подобрать подходящую кандидатуру на сан епископа и утвердить ее, провести консультации и получить официальное разрешение золотоордынской администрации и т. д. В связи с этим можно предположить, что подготовка к созданию Сарайской епископии началась задолго до 1261 г., а взятие Константинополя явилось не причиной, а лишь стимулирующим фактором по ускорению этого процесса.

Существует точка зрения, согласно которой инициатива создания православного епископата в Золотой Орде исходила

от хана Берке, который при этом преследовал только политические (дипломатические) цели [Гумилев, 1994, с. 187; Закиров, 1966, с. 56]. Утверждая Сарайскую епископию, Берке стремился, прежде всего, установить отношения Золотой Орды с православной Византией, и не через русского митрополита, а через сарайского епископа, который являлся его доверенным лицом и постоянно находился в Сарая или в кочевой ставке хана [Насонов, 1996, с. 103—104].

При таком решении вопроса остается неясным, какие именно политические (дипломатические) выгоды получал Берке в связи с созданием Сарайской епископии и что мешало ему налаживать связи с Византией если и не непосредственно через митрополита Кирилла, то по-каким-либо другим (традиционным) дипломатическим каналам. Кроме того, хорошо известно, что сарайские епископы всегда назначались не по распоряжению хана, а по решению русского митрополита и, очевидно, подчинялись в первую очередь именно ему [Карташев, 1991, с. 287].

У нас нет сведений о том, что Митрофан хотя бы раз посетил Византию по поручению Берке. Как уже отмечалось, для решения спорных вопросов с Михаилом VIII Палеологом Берке предпочитал использовать иные, более действенные средства и при этом добивался желаемых результатов. Позднее, в 70-х гг. XIII в., сарайский епископ Феогност неоднократно посещал Константинополь, и этот канал дипломатической связи активно использовался ханской администрацией, что вполне естественно. Однако это не доказывает того, что Сарайская епископия специально была образована золотоордынским ханом-мусульманином для осуществления контактов с православной Византией.

Гораздо более вероятно, что инициатива создания Сарайской епископии исходила от русского духовенства, а ее деятельность была направлена, прежде всего, на защиту интересов православного населения Золотой Орды [Макарий, 1995, с. 18; Карташев, 1991, с. 287]. В Золотой Орде постоянно проживало очень много русских людей. Сюда часто и порой надолго приезжали князья, бояре, купцы, а также представители православного духовенства, которые, безусловно, были заинтересованы в расширении своего влияния на новой обширной территории [Полубояринова, 1978, с. 24; Софиев, 1993, с. 109—114].

Летом 1265 г. на Кавказе вновь начались боевые действия Золотой Ордой и Ираном. Авангардом золотоордынской армии командовал Ногай, а передовыми отрядами иранской армии — хана Абаги царевич Юшумут. Судя по тому, что основными событиями этой войны происходили в районе реки Куры, то есть намного южнее Дербента, можно предполагать, что назначение начал Ногай. По данным египетских авторов, в первом сражении он проявил себя как бесстрашный воин, одержавший блестящую победу над войсками Юшумута [Тизенгаузен, 1884, с. 152—153]. В книге Рашид ад-Дина отмечено, что хан Ногай потерпел поражение и в полном беспорядке fled с полем боя [Тизенгаузен, 1941, с. 76].

Основные силы противников, возглавляемые Берке и Абагом, встретились на берегах Куры. Все мосты через реку были полностью уничтожены по приказу Абаги, поэтому «на обоих берегах... устроили оцепления и стали обстреливать друг друга... так как переправа была невозможна они (Беркай) двинулись к Тифлису, чтобы там переправиться через реку, но на захворал и умер. Гроб его отвезли в Сарай Бату и похоронили, а войска его рассеялись» [Тизенгаузен, 1941, с. 76]. Все египетские и персидские авторы относят смерть Берки к 665 г. х. (2 октября 1266 г. — 21 сентября 1267 г.), причем нет сведений о том, что он скончался «от колдов» [Тизенгаузен, 1884, с. 153, 204, 380, 405; 1941, с. 68, 92]. Близкую дату смерти Берке дают и многие русские летописи [ПСРЛ, 1885, с. 19106, с. 86; 1913, с. 72; 1949, с. 146; 1965, с. 93]. По свидетельствам египетских авторов, «был Берке храбр, щедр, ослепителен, справедлив, прекрасного образа жизни, презиравший шествия в пролитии крови и непомерности в разорении»; отличался кротостью, снисходительностью и миролюбием» [Тизенгаузен, 1884, с. 205].

После смерти Берке на золотоордынском троне утвердился влиятельный племянник Менгу-Тимур. По данным ал-Мукафи, он был назначен преемником Берке еще при жизни последнего [Тизенгаузен, 1884, с. 193]. В сочинениях большинства средневековых авторов отмечено, что Берке не оставил себе детей, только в житийной литературе есть упоминание о его сыне [История Татарии, 1937, с. 73—74]. В этом отношении определенный интерес представляет письмо Берке

султану Бейбарсу, в котором хан перечисляет многих родственников и их отпрысков, но ничего не говорит о собственных детях [Тизенгаузен, 1884, с. 99].

В книге Рашид ад-Дина сообщается о том, что Менгу-Тимур был утвержден в ханском достоинстве великим каганом Хубилаем [Тизенгаузен, 1941, с. 68, примеч. 5]. Если принять во внимание праждабные отношения Хубилая и Берке, а также факт назначения Менгу-Тимура преемником Берке еще при его жизни, то версия Рашид ад-Дина покажется весьма сомнительной. Кроме того, при Менгу-Тимуре, так же как и при Берке, в Золотой Орде не выпускали монет от имени Хубилая. Менгу-Тимур чеканил монеты от своего имени, а это неопровержимо свидетельствует о том, что в годы его правления Золотая Орда стала совершенно независимым государством. Весьма интересно, что на некоторых монетах Менгу-Тимур назван даже не ханом, а каганом [Федоров-Давыдов, 1987, с. 165].

Можно предположить, что после кончины мусульманина Берке и воцарения язычника Менгу-Тимура количество чиновников-мусульман в Золотой Орде несколько сократилось. По данным некоторых русских летописей, «умре царь Татарский Беркай и бысть ослаба Русю от насилия Бесерменского» [ПСРЛ, 1913, с. 72; 1949, с. 146; 1965, с. 93]. Очевидно, при Менгу-Тимуре формирование штата государственных чиновников осуществлялось без учета их религиозной принадлежности, но вряд ли при этом мусульмане подвергались притеснениям или гонениям. Во многих русских летописях, повествующих о смерти Берке, нет ни слова о «бесерменах», и поэтому общий контекст сообщений приобретает несколько иной смысл. «Умре царь Ордынский Беркай, и бысть ослаба Русю от насилия Татарского» [ПСРЛ, 1885, с. 145]. «Умре царь Татарский Беркай, и бысть ослаба христианом» [ПСРЛ, 1910а, с. 165]. «Умре царь Татарский Берка и бысть ослаба христианом» [ПСРЛ, 19106, с. 85].

В Ипатьевской летописи под 6774 г. (1266—1267) имеется следующее лаконичное сообщение: «Бысть мяткез велик в самех Татарех: избивши сами промежи собою бесчисленное множество, ак песок морьских» [ПСРЛ, 18436, с. 202]. Об истинных причинах этого события сейчас можно только догадываться. Н.И. Веселовский считал, что речь здесь идет о войне на Кав-

казе между Абагой и Берке, во время которой золотоордынский хан умер [Веселовский, 1922, с. 14, примеч. 3]. В.Л. Егоров высказал мнение о том, что этот «мятеж» вспыхнул в результате борьбы за сарайский престол и явился следствием раскола золотоордынской аристократии на два лагеря — противников и сторонников введения в государстве мусульманства [Егоров, 1985, с. 199].

Прежде всего, необходимо отметить, что у нас нет особых оснований для предположений о том, что Менгу-Тимур овладел золотоордынским тронem в результате заговора, дворцового переворота или ожесточенной борьбы с другими претендентами. После кончины Берке именно Менгу-Тимур являлся одним из наиболее вероятных претендентов на ханский трон. Он был племянником Сартака, двоюродным братом Улагчи, влиятельным племянником Берке и вторым сыном Тукана (очевидно, к моменту воцарения Менгу-Тимура старшего сына Тукана Тарбу уже не было в живых).

Хотя Менгу-Тимур не был мусульманином, его деятельность как главы государства, несомненно, являлась прямым продолжением курса, избранного при Берке. В годы его правления никаких кардинальных изменений во внутренней и внешней политике не произошло. По свидетельству Ибн Касира, Менгу-Тимур «следовал пути и образу действий Берке» [Тизенгаузен, 1884, с. 276]. Эти данные неплохо согласуются с фактом прямой преемственности правлений Берке и Менгу-Тимура, но вступают в определенные противоречия с предположениями о крупных политических потрясениях в Золотой Орде после смерти хана Берке. Весьма показательны, что в письменных источниках нет достоверных сведений о мятежах или смутах, единственным исключением является не совсем понятное краткое сообщение Ипатьевской летописи, которое можно трактовать по-разному.

Особенно отчетливо единство политического курса Берке и Менгу-Тимура прослеживается в области внешней политики. При Менгу-Тимуре дипломатические контакты между Килром и Сараем не только не ослабли, но стали еще более оживленными, а враждебные отношения с Тебризом и Пекином, так же как и в годы правления Берке, неоднократно принимали форму вооруженной конфронтации.

Первое посольство из Египта ко двору Менгу-Тимура было отправлено в 1267 г., очевидно, сразу же после получения известия о кончине Берке. Султан написал письмо «с изъявлением соболезнования (о смерти Берке), с поздравлением (по случаю вступления Менгу-Тимура на престол) и с подстрекательством против сына Хулаку» [Тизенгаузен, 1884, с. 359]. Начиная с 1268 г. ко двору Бейбарса неоднократно прибывали послы Менгу-Тимура, которые привозили с собой подарки и ответные послания. В начале 70-х гг. XIII в. хан через своих послов передал султану грамоту, содержащую запись «на все мусульманские владения, покоренные родом Хулауна» [Тизенгаузен, 1884, с. 195]. Следовательно, Менгу-Тимур не только повторил обещание Берке отдать эти земли египетскому султану, но и подкрепил его официальным документом.

С первых дней своего правления Менгу-Тимур «разстался с Абака-ханом ковер старинной вражды» [Тизенгаузен, 1941, с. 82]. Военные действия в Закавказье велись интенсивно, но с переменным успехом. Уже в 1267 г. на берегах Куры произошла ожесточенная битва между войсками Абаги и Менгу-Тимура. Золотоордынские тумены были разгромлены, Абага захватил «большую добычу и возвратился в свою землю» [Тизенгаузен, 1884, с. 204, 276]. Однако вскоре обстановка изменилась. В 1270 г. к египетскому султану пришла радостная весть: Менгу-Тимур разбил Абагу [Закиров, 1966, с. 59—60]. После этого «в силу крайней необходимости они... заключили мир... и... перестали враждовать до времен Аргун-хана» [Тизенгаузен, 1941, с. 68].

Судя по всему, в последние годы правления Менгу-Тимура боевые действия в Закавказье действительно были приостановлены, однако это не означает, что исчезла враждебность и напряженность в отношениях между Золотой Ордой и Ираном. Подтверждением тому служит деятельность золотоордынского посольства в Египте в 1272 г., одной из основных задач которого было получение «помощи для истребления Абаки» [Тизенгаузен, 1884, с. 205].

Отношения между Пекином и Сараем в годы правления Менгу-Тимура продолжали оставаться напряженными и даже враждебными. Правда, в 1266 г. золотоордынский хан согласился оказать вооруженную поддержку Хубилаю, однако дальнейшее обещанное дело не пошло. Очень скоро Менгу-Тимур стал ак-

тивно поддерживать коалицию монгольских князей, которая в конце 1266 г. выступила с войсками против Хубилая. Это была одна из самых длительных и кровопролитных войн в истории внутренних междоусобиц, продолжалась она около 40 лет [Далай, 1977, с. 328—329; Мелихов, 1977, с. 75]. Именно поэтому Хубилай не мог вмешиваться во внутренние дела Золотой Орды, а тем более диктовать свои условия.

В сочинениях некоторых средневековых авторов имеются данные о походе войск Менгу-Тимура на Константинополь в 1269—1270 гг. или в 1271—1272 гг. По мнению В.Л. Егорова, это событие являлось одним из эпизодов длительной борьбы Золотой Орды с Ираном, которое лишний раз свидетельствует о последовательной политике Константинополя, направленной против альянса Египет — Золотая Орда [Егоров, 1985, с. 194]. С. Закиров отметил, что сведения об этом походе — явная ошибка летописцев, хотя и не привел развернутой аргументации по обоснованию этой точки зрения [Закиров, 1966, с. 53, примеч. 93].

Упоминания о походе войск Менгу-Тимура на Константинополь есть в книгах ан-Нувейри, Ибн Хальдуна, ал-Маркизи и ал-Айни, причем все авторы описывают его почти одинаково. Менгу-Тимур посылает войско на Константинополь по «случаю неудовольствия» действиями византийского императора. Посол египетского султана Фарис ад-Дин Акуш ал-Масуди выходит к предводителям золотоордынского войска и убеждает их в том, что между Золотой Ордой, Египтом и Византией существуют союзные отношения. Войска Менгу-Тимура, разграбив окрестности Константинополя, уходят и уводит с собой султана Ияз ад-Дина. После возвращения посла Фарис ад-Дина Акуша ал-Масуди в Египет султан Бейбарс сурово наказывает его за явное превышение полномочий [Тизенгаузен, 1884, с. 153—154, 380, 434, 511—512].

Нетрудно заметить, что это повествование тождественно характеристике похода войск хана Берке в Византию в 1265 г., описанного в книгах Рукн ад-Дина Бейбарса, Шафи, ал-Муфаддала и Ибн-Касира [Тизенгаузен, 1884, с. 103, 126, 191, 275]. Совпадают не только отдельные факты, но и имена основных участников событий. И в том, и в другом случае упомянуты посол Фарис ад-Дин Акуш ал-Масуди и султан Ияз

ад-Дин, которого, если верить всем авторам, дважды уводили из плена, что совершенно невероятно. Очевидно, перед нами рассказы об одном и том же походе, который просто неверно датирован.

При анализе приведенных выше источников выявляется следующая закономерность. В сочинениях ан-Нувейри, Ибн Хальдуна и ал-Маркизи поход на Константинополь отнесен ко времени правления Менгу-Тимура, а в разделах, посвященных царствованию Берке, нет даже намеков на вторжение золотоордынских войск в Византию. В книгах Рукн ад-Дина Бейбарса, Шафи, ал-Муфаддала и Ибн Касира наблюдается обратное — поход отнесен ко времени царствования Берке, а в разделах о правлении Менгу-Тимура нет ни слова об осаде Константинополя. Только в работе ал-Айни написано и о походе войск Берке, и о походе войск Менгу-Тимура. Напомним, что ал-Айни писал свое сочинение в начале XV столетия, то есть через 150 лет после осады Константинополя золотоордынскими войсками. Очевидно, он пользовался разработками большинства своих предшественников, взяв у одних сведения о походе 1265 г., а у других — о войне 1269—1272 гг.

Самый подробный рассказ о действиях войск Берке в Византии есть в книге ал-Муфаддала. В его сочинении основные этапы этого похода логично вписаны в общий контекст повествования и хорошо согласованы с предыдущими и последующими событиями. У ан-Нувейри, ал-Маркизи и Ибн Хальдуна сказано лишь о «негодовании» Менгу-Тимура на византийского императора. В чем заключалась причина этого «негодования» и что случилось потом — остается неясным [Муськов, 1997, с. 20—22].

В том, что поход на Константинополь был организован в годы правления Берке, а не при Менгу-Тимуре, убеждают и некоторые другие факты. Прежде всего, необходимо отметить, что при Менгу-Тимуре отношения между Золотой Ордой и Византией были если не дружественными, то и не враждебными. Об этом свидетельствуют довольно частые посольски сарайского епископа Феогноста ко двору византийского императора [Насонов, 1996, с. 104]. Он посещал Царьград не менее трех раз: первый — в 1269—1272 гг., второй — в 1276 г., третий — в 1279 г., причем всегда отправлялся в путь не по собственной

инициативе, а до поручению митрополита Кирилла или хана Менгу-Тимура, имея при себе «от пресвященного Кирилла митрополита грамоты и от царя Менгу-Тимура грамоты и поминки от обою» [ПСРЛ, 1885, с. 157].

Кроме того, нам известно, что на рубеже 60—70-х гг. XIII в. Ногай женился на побочной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога, что было возможно только при условии более или менее устойчивой политической ситуации. Наконец, в сочинении Пахимера есть одно интересное высказывание, которое достаточно точно характеризует взаимоотношения Византии и Золотой Орды в рассматриваемый период: «Дерзость тахарцев мы еще удерживали — не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими жертвоприношениями, вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие» [Georgii Pachymeris, 1835, p. 348].

Таким образом, можно предполагать, что поход на Константинополь был организован и проведен в 1265 г. по распоряжению хана Берке. Что же касается сообщений о событиях 1269—1272 гг., описанных в книгах ан-Нувайри, Ибн Хальдуна, ад-Маркизи и ал-Айни, то их следует признавать ошибочными и недостоверными, а поход войск Менгу-Тимура в Византию отнести в разряд исторических недоразумений.

Одним из самых известных военных предприятий Менгу-Тимура был поход на Северный Кавказ против алан в 1278 г. Он довольно подробно описан в русских летописях, так как в нем принимали участие многие русские князья со своими дружинами: «В лето 6785 (1277—1278 гг.) князь Ростовский Глеб Василькович с братничем своим с князем Костянтином, князь Феодор Ростиславич, князь Андрей Александрович и иные князи мнози с бояры и слугами поехаша на воину с царем Менгутемером, и поможе Бог князем Русским, князя славныи град Ясыкын Дедаяков, змие месяца февраля в 8 ... и полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избыша, а град их огнем пожгоша. Царь же почтив добре князей Русских и похвалив велми и одаря, отпусти в своах с многю частью, каждо в свою отчину» [ПСРЛ, 1913, с. 75]. После победы над аланами Глеб Василькович привел с собой в Ростов многочисленных пленных [Насонов, 1996, с. 119].

В.Л. Егоров убедительно доказал, что основной причиной этого похода была нестабильная обстановка на Северном Кавказе. Аланское население не желало подчиниться власти монголов и, очевидно, часто беспокоило кочевое население кавказских предгорий. Кроме того, в условиях постоянной напряженности на иранской границе аланы могли в любой момент заключить союз с ильханом и действовать в тылу золотоордынских войск, находившихся в Дербенте [Егоров, 1985, с. 194; 1990, с. 49; Нарожный, 1989, с. 113].

Политика Золотой Орды по отношению к русским княжествам при Менгу-Тимуре, по-видимому, не претерпела существенных изменений. Одним из важнейших событий этого периода была перепись населения Руси. В Никоновской летописи под 1275 г. отмечено: «Бысть на Руси и в Новгороде число второе изю Орды от царя и изюточша вся, точно кроме священников, и иноков, и всего церковного причта» [ПСРЛ, 1885, с. 152]. Хотя имя «царя» в летописи не названо, вряд ли можно сомневаться в том, что речь здесь идет о Менгу-Тимуре. К сожалению, никакой другой, более конкретной информации об этой второй переписи русского населения в нашем распоряжении нет.

До сих пор не установлено, какие причины побудили ханскую администрацию всего через 15 лет после «исчисления народа Руссии» в 1257—1259 гг. организовать еще одну перепись и почему впоследствии аналогичные мероприятия, судя по летописным данным, больше ни разу не проводились. Ответы на эти вопросы в настоящее время можно сформулировать только гипотетически.

Как уже отмечалось, первая перепись населения Руси проводилась при участии золотоордынских чиновников, но по инициативе и под общим руководством каракорумского правительства. Поэтому можно предположить, что большая часть документации при завершении работы переписчиков была отправлена в Каракорум. После того как Золотая Орда окончательно вышла из состава Монгольской империи, перед царской администрацией со всей остротой встала проблема создания нового «банка данных» по численности населения Руси. Возможно, это обстоятельство и явилось одной из причин, побудившей Менгу-Тимура организовать перепись 1275 г.

В 60–70-х гг. XIII в. православная церковь продолжала пользоваться значительными льготами и была освобождена от всех повинностей и налогов, причем эти льготы были официально утверждены самим Менгу-Тимуром, который выдал первый ярлык русскому духовенству на имя митрополита Кирилла. Кроме того, в ярлыке официально подтверждалось право митрополита независимо от ханской власти избирать и назначать на духовные должности любых угодных ему кандидатов [Карташев, 1991, с. 237].

Точная дата смерти Менгу-Тимура неизвестна. По данным Руки ад-Дина Бейбарса и ан-Нувайри, он управлял Золотой Ордой 14 или 16 лет и умер в июле 1280 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 104, 154]. В сочинениях большинства других средневековых авторов это событие отнесено к 681 г. х. (11 апреля 1282 г. — 31 марта 1283 г.) и в отдельных случаях указано, что Менгу-Тимур «царствовал 16 лет» [Тизенгаузен, 1884, с. 122, 381, 405; 1941, с. 69, 91].

Многие историки принимают первую дату [Бартольд, 1968, с. 138; Босворт, 1971, с. 203; Вернадский, 1997, с. 181; Греков, Якубовский, 1950, с. 84; Егоров, 1990, с. 49; Кучкин, 1991, прил.; Закиров, 1966, с. 65; Shambert, 1988, p. 196]. По этому поводу высказывались и другие мнения [Сафаргадиев, 1996, с. 324; Трепавлов, 1993, с. 88; Федоров-Давыдов, 1973, с. 72].

Обычно ранняя дата смерти Менгу-Тимура обосновывается ссылками на рассказ об отправке египетского посольства, которое якобы прибыло в Золотую Орду в 1280 г. и не застало его в живых [Вернадский, 1997, с. 181; Закиров, 1966, с. 62]. Однако такая аргументация представляется не очень убедительной. Дело в том, что сообщения об этом посольстве у средневековых авторов датированы по-разному. Например, в книге Руки ад-Дина Бейбарса сказано, что оно было отправлено из Египта только в 680 г. х. (22 апреля 1281 г. — 10 апреля 1282 г.) [Тизенгаузен, 1884, с. 103–104].

Для решения этого вопроса большое значение имеют нумизматические материалы. Хорошо известны серебряные монеты, отчеканенные в Болгаре (?) от имени Менгу-Тимура в 680 г. х. (22 апреля 1281 г. — 10 апреля 1282 г.) и в 681 г. х. (11 апреля 1282 г. — 31 марта 1283 г.) [Федоров-Давыдов, 1987, с. 165]. Нетрудно заметить, что последняя нумизматическая дата

абсолютно точно совпадает с датой большинства персидских и египетских источников. Поэтому наиболее вероятно, что Менгу-Тимур умер в 1282 г. В книге Руки ад-Дина Бейбарса имеется упоминание о том, что Менгу-Тимур скончался «в местности, известной под именем Аклукия. Причиной его смерти был нарыв, образовавшийся в горле его, он проколол его и умер от него» [Тизенгаузен, 1884, с. 104].

По данным Рашид ад-Дина, у Менгу-Тимура было десять сыновей: «Алкуй, Абаки, Тулакан, Буркук, Токтай, Сарай-Бука, Мулакай, Кадан, Кудукан, Тогулчак» [Тизенгаузен, 1941, с. 50–51]. У Руки ад-Дина Бейбарса имеются сведения о девяти сыновьях Менгу-Тимура, причем в его книге перечислены имена этих же царевичей, за исключением Абаки [Тизенгаузен, 1884, с. 104].

Одним из самых выдающихся политических деятелей второй половины XIII в. был Ногай — «шаревич чрезвычайно храбрый и удалой» [Тизенгаузен, 1941, с. 68]. Уже во время войн Берке с Худаягу и Абагой он проявил себя как талантливый и бесстрашный полководец. Возглавляя авангард золотоордынской армии, Ногай сумел одержать несколько побед. В одном из сражений «он был ранен... ударом копья и лишился одного глаза» [Тизенгаузен, 1884, с. 121, 508]. За боевые заслуги Берке щедро вознаграждал Ногая и, очевидно, утвердил его в должности беклярбека [Егоров, 1990, с. 50; Трепаллов, 1993, с. 88]. «Усилилось (с тех пор) значение его у него (Берке) и возросло положение его» [Тизенгаузен, 1884, с. 153]. «Берке поставил его над несколькими томами, и он (Ногай) был причислен к ханам» [Тизенгаузен, 1884, с. 509—510].

Успехами своей политической карьеры Ногай во многом был обязан супруге хана Берке Джидже, которая «была в почете и обладала большим умом, будучи из канского рода» [Тизенгаузен, 1884, с. 155]. Впоследствии она стала женой Менгу-Тимура, а после его кончины заняла одно из центральных мест в аппарате государственного управления. По свидетельствам современников, Ногай «выдвинулся и усилился... благодаря... Джиджехатуню» [Тизенгаузен, 1884, с. 109]. После смерти Менгу-Тимура влияние Ногая возросло настолько, что он начал проводить фактически независимую политику. В течение двух десятилетий он являлся одним из самых влиятельных людей в Золотой Орде и был деятельным участником почти всех придворных интриг и переворотов.

Определённый интерес представляет вопрос о дате рождения Ногая. К сожалению, никакой конкретной информации об этом в средневековых источниках нет. Однако в сочинениях некоторых египетских и персидских авторов, писавших о событиях рубежа XIII—XIV вв., Ногай представлен как весьма пожилой человек, старик «в преклонных летах». Наиболее распространённая и, очевидно, верная генеалогия Ногая выглядит следующим образом: «Ногай, сын Тутара, сына Бувала (Могола), сына Джучи, сына Чингизхана» [Тизенгаузен, 1884, с. 109, 152, 380; 1941, с. 57].

В книге Рашид ад-Дина указано, что Бувал был седьмым сыном Джучи. По данным Гаффарии, второй сын Джучи — Бату родился в 602 г. х. (18 августа 1205 г. — 7 августа 1206 г.), а третий — Берке — в 1209 г., так как, по сообщению ал-Муфаддала, в 1265 г. ему было 56 лет [Тизенгаузен, 1884, с. 193; 1941, с. 210]. Следовательно, Бувал (Могол) появился на свет несколько позднее. Таким образом, Ногай родился не ранее начала 40-х гг. XIII в., а это значит, что в момент гибели ему было всего около 60 лет. Именно поэтому наиболее ранние сообщения о Ногае относятся только к самому началу 60-х гг. XIII в. До этого времени он был еще очень молодым человеком и не принимал активного участия в политической жизни Золотой Орды.

До сих пор не удалось точно установить, какое положение занимал Ногай в Золотой Орде, насколько притязания на ведущую роль в политической жизни государства соответствовали его социальному статусу и мог ли он законным образом претендовать на трон. Все эти вопросы уже неоднократно поднимались в работах многих историков, однако к единому мнению исследователи так и не пришли.

В научной литературе широко распространена точка зрения о том, что Ногай не принадлежал к роду Чингизхана и в связи с этим никаких прав на престол не имел [Греков, Якубовский, 1950, с. 86; Греков, Шахмаганов, 1988, с. 106; Смирнов, 1887, с. 101]. Неоднократно высказывалась мысль о том, что дед Ногая был побочным, незаконнорожденным отпрыском Джучи и поэтому был ограничен в правах, не мог претендовать на трон и владеть большим улусом. [Веселовский, 1922, с. 3; Закиров, 1966, с. 63].

Прежде всего, необходимо отметить, что ни в одном из средневековых источников нет никаких указаний на то, что дед Ногай был незаконным сыном Джучи. Во всех книгах, летописях и хрониках генеалогия Бузала (Могола) и Ногай ведется непосредственно от Чингизхана, и нет даже намеков на какое-либо ущемление их прав в сравнении с «законными» Чингизидами. Кроме того, даже если теоретически допустить, что Бузал (Могола) действительно был сыном наложницы Джучи, у нас все равно не будет никаких оснований считать его самого и всех его потомков по мужской линии неполноправными царевичами. Дети, рожденные не от главной жены, считались в древнем монгольском обществе законными [Владимиров, 1934, с. 53].

У монголов в первой половине XIII в. не было обычая деления детей на законнорожденных и незаконнорожденных. По этому поводу в сочинении Плато Карпини имеется вполне конкретное замечание: «Между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги» [Путешествия, 1957, с. 36]. Следовательно, можно не сомневаться в том, что Ногай был полноправным Джучидом и занимал ответственные государственные посты на вполне законных основаниях.

Если внимательно проанализировать наиболее важные события последней четверти XIII в., непосредственно связанные с деятельностью Ногая, то станет ясно, что его права все-таки были ограничены. В это время он был одним из самых влиятельных политических деятелей, и именно от его мнения зависело решение важнейших государственных проблем, вплоть до вопросов престолонаследия. Однако он ни разу даже не попытался овладеть ханским треном, хотя неоднократно имел такую возможность, например после свержения Тула-Бути или победы над Токтой. Эти факты недвусмысленно свидетельствуют о том, что Ногай не мог законным образом претендовать на золотоордынский престол.

Нам известно, что его называли «царем» русские летописцы [ПСРЛ, 1841, с. 65; 1848, с. 44; 1885, с. 161; 1910а, с. 170], египетские хронисты [Тизенгаузен, 1884, с. 195, 383] и евро-

пейские путешественники [Марко Поло, 1955, с. 232, 234]. Он вел самостоятельные переговоры и обменивался посольствами с другими государствами, активно вмешивался в дела соседей, заключал династические браки, получал богатые подарки от русских князей, египетских султанов и византийских императоров, но при всем этом юридически никогда не был самодержавным правителем.

Он был обязан подчиняться распоряжениям ханов и именно по «приказу» Тула-Бути отправился в Польшу [Тизенгаузен, 1884, с. 156]. Сыновья Курмыши (Куремы?), по данным Руки ад-Дина Бейбарса, «были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска» [Тизенгаузен, 1884, с. 112]. Ногай никогда официально не ставил себя выше хана, а, напротив, всегда подчеркивал зависимость от верховного правителя Золотой Орды. Как ни льстивы и лживы порой были политические высказывания Ногая, в них достаточно ясно прослеживается реальное положение вещей и его подлинное положение: «Слуга (твой) не знал, что сам государь лично благополучно прибыл; владения и войско его (Ногай) принадлежат ильхану; слуга (твой) человек старый и немощный, всю жизнь свою посвятивший службе отцам вашим; если случилось небольшое прегрешение... надежда на милость государя такова, что он вину эту соизволит простить» [Тизенгаузен, 1941, с. 71–72].

Хотя Ногай и был полноправным Джучидом, но не принадлежал к правящей в Золотой Орде династии. Престол был закреплен за потомками Бату, и Ногай не мог, не нарушив традиции, занять место государя [Третьяков, 1993, с. 90]. Именно поэтому он никогда не стремился овладеть золотоордынским треном, а предпочитал выступать как умудренный опытом «ака», который во имя справедливости и для блага государства давал ценные наставления и оказывал поддержку нуждающимся и незаконно обиженным.

Основной задачей большинства политических предприятий Ногая было превращение своего обширного улуса в фактически независимое государство, но только при условии формального сохранения его в качестве правого крыла «неделимой» Золотой Орды. В противном случае деятельность Ногая являлась бы прямым нарушением основных положений ясы и низводила его до уровня заурядного сепаратиста.

Очевидно, именно поэтому, вопреки мнению некоторых исследователей, он никогда не стремился к утверждению своего, абсолютного политического господства в Сарай или расширению собственных владений за счет сопредельных золотоординских территорий [Вернадский, 1997, с. 181; Федоров-Давыдов, 1973, с. 73]. Все это характеризует его как очень тонкого и расчетливого политика, Ногай не хотел быть ни явным сепаратистом, ни узурпатором, и именно в этом заключалась его сила.

По справедливому замечанию В.Л. Егорова, несмотря на фактически независимую деятельность Ногай, юридического отделения его улуса от остальной территории Золотой Орды не произошло, и между обеими частями государства существовали постоянные, хотя и довольно напряженные связи. Формально, улус Ногай на всем протяжении его существования оставался частью территории Золотой Орды [Егоров, 1985, с. 35].

Однако для успешной реализации такой политики было совершенно необходимо постоянно контролировать положение дел при дворе и поддерживать кандидатуры слабохарактерных претендентов или шаревичей, которые весьма слабо разбирались в вопросах государственного управления. «Ногай был старик опытный, ловкий и искусный в интригах» [Тизенгаузен, 1884, с. 156]. Он всегда действовал очень осторожно, продуманно и почти никогда не прибегал к открытому и грубому насилию. Если кого-то из политических конкурентов необходимо было уничтожить, он предпочитал расправиться с ним руками нового претендента или пытался отстранить его от власти посредством законного кулутая, предварительно сформировав нужное «общественное» мнение.

Дальнейшие события наглядно демонстрируют основные приемы борьбы Ногай со своими противниками. Во всей его деятельности прослеживается вполне определенная система. Прежде всего, против неугодных политических деятелей проводится серия провокационных или предательских акций, причем все они, как правило, осуществляются под предлогом приказов или пожеланий золотоординского хана или его ближайшего окружения. Одновременно разворачивается энергичная деятельность по формированию партии союзников из обиженных и репрессированных аристократов. Ногай сознательно отдаст инициативу своим противникам, и именно они начина-

ют наступление против него, поэтому он просто вынужден обороняться и в глазах многих современников остается человеком, незаслуженно пострадавшим за правду.

После смерти Менгу-Тимура Ногай стал «ака» — старшим в роде Джучи. Это, безусловно, значительно расширило круг его полномочий и позволило на вполне законных основаниях вмешиваться в любые споры, придворные интриги и «обоснованно» принимать решения в своих интересах. По словам Ногай, он имел от Бату «повеление, чтобы, если в улусе и уруке его кто станет действовать беспутно и расстроит улус, то, разузнав в чем дело, восстановить между ними согласие» [Тизенгаузен, 1941, с. 69].

По мнению В.В. Трепаилова, Ногай осуществлял надзор за соблюдением законов ясы на территории Золотой Орды [Трепаилов, 1993, с. 90]. Это еще больше укрепляло его политическое влияние, но в то же время требовало от него неукоснительного исполнения законов или, по крайней мере, обличения своих противоправных действий в законную форму. В противном случае Ногай очень скоро дискредитировал бы себя в глазах современников. Однако этого не произошло. Вплоть до конца 90-х гг. XIII столетия его активно поддерживали многие представители кочевой золотоординской аристократии.

В нашем распоряжении нет убедительных данных, позволяющих заподозрить Ногай в явных нарушениях существующего законодательства. Эта позиция «законности», по-видимому, являлась основополагающим элементом всей политической деятельности Ногай и предопределила его неистребимую приверженность ко всему традиционному, консервативному. Даже в повседневном быту он стремился следовать давно утвердившимся обычаям и традициям кочевников. Получая дорогие одежды из Византии, он «отбрасывал их или, поносив немного, настолько, чтобы способности приличие дружбы, снимал и тотчас надевал обычную собачину или овчину, ношением которой чванился больше, чем 347—348» [Gorgii Pachymeris, 1835, с. 347—348].

Такая политика достаточно долго обеспечивала успех большинства дипломатических и военных мероприятий Ногай. Ему удалось значительно расширить свои владения, присоединив обширные территории между Дунаем и предгорьями Кавказа.

Уже в 70-х гг. XIII в. неоднократно опустошительным набегами подвергалась Болгария. По просьбам Михаила VIII Палеолога монгольские войска разорили болгарские земли в 1271, 1277 и 1278 гг. [Егоров, 1985, с. 193]. В 1285 г. Ногай предпринял один из самых разорительных походов за Дунай, опустошив Болгарию, Фракию и Македонию [История Болгарии, 1954, с. 146]. В начале 80-х гг. золотоордынские войска совершают несколько набегов на территорию Сербии [Погодин, с. 57]. Очевидно, именно Ногаем был организован и проведен в 1285 г. поход в Венгрию, монгольские войска, «жигая все на своем пути, сумели дойти до Пешта и беспрепятственно вернуться обратно» [Веселовский, 1922, с. 33—34]. Ногаем и Тула-Бугтой во второй половине 80-х гг. было организовано несколько грабительских набегов на территорию Польши [Егоров, 1985, с. 191—192].

Ногай налаживает дипломатические связи с другими государствами, направляет посольства в Египет, Иран, Византию, Болгарию, Сербию, активно вмешивается в дела русских княжеств. В прямую зависимость от него попадают Молдавские княжества, Болгария и Сербия. В 1292 г. король Сербии Милутину вынужден был послать в качестве заложников к Ногаю своего сына Стефана и нескольких знатнейших вельмож [Погодин, с. 58]. В ставке Ногая в заложниках какое-то время находился сам болгарский царь Тертерия, здесь же был предательски убит болгарский царь Ивайло [История Болгарии, 1954, с. 146].

Непосредственным результатом политической деятельности Ногая явилось формирование в Северо-Восточной Руси двух противоборствующих княжеских группировок. Одна из них, во главе с городицким князем Андреем Александровичем (с 1294 г. — великий князь Владимирский), пользовалась поддержкой сарайских ханов. Вторая группировка, возглавляемая Даниилом Александровичем Московским и Михаилом Ярославичем Тверским, ориентировалась на Ногаю [Горский, 1995, с. 34].

Известно, что Ногай женился на Ефросинии — побочной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога. [Веселовский, 1922, с. 29; Дашков, 1996, с. 287; Успенский, 1926, с. 3]. Его старший сын Джека был женат на дочери болгарского царя Тертерия, младший сын Турай — на дочери иранского хана Абаги, а одна из «родственников» (дочерей?), была замужем «за дарем валхавр» [Веселовский, 1922, с. 56, при-

меч. 1; Тизенгаузен, 1884, с. 161; 1941, с. 57, 72]. Другая дочь Ногая была выдана замуж за сына старшего эмира Салджидая из ближайшего окружения Токты [Тизенгаузен, 1941, с. 70].

Сейчас довольно сложно определить, когда именно в полной мере проявилось политическое лидерство Ногая, тем более что установление жесткой хронологической границы в данном случае вообще вряд ли возможно. Обосновывая положение о том, что Ногай проводил фактически независимую политику уже при Менгу-Тимуру, исследователи обычно ссылаются на переписку между султаном Бейбарсом и Ногаем, получение последним богатых подарков из Египта и Византии, а также его женитьбу на побочной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога [Закиров, 1966, с. 64; Егоров, 1974, с. 40]. Все эти аргументы представляются недостаточно убедительными.

В 1270 г. Ногай действительно отправлял официальное послание султану Египта, однако инициатором этой переписки явился не он. Дело в том, что Бейбарс после смерти Берке пожелал собрать сведения «о сыновьях и родственниках его и о том, кто из них принял ислам» [Тизенгаузен, 1884, с. 101]. Эту просьбу султана передал Ногаю золотоордынский посол Арбуга, и только после этого письмо было надлежащим образом оформлено и отправлено в Каир.

Не менее показательны в этом отношении и содержание письма Ногая, которое представляет собой весьма пространственный документ, наполненный цветистыми выражениями и витиеватыми благопожеланиями. «Цели» послания очень четко сформулированы его составителем. «Одна из них — привет и поздравление» Бейбарсу, вторая — сообщение о том, что Ногай «вступил в ислам и уверовал в Аллаха» [Тизенгаузен, 1884, с. 101]. В заключительной части сказано: «Да не прекратится переписка писем (между нами). Мы с тобою как кончики пальцев на руке: действуем заодно с тем, кто с тобою в согласии, и противимся тому, кто тебе противится» [Тизенгаузен, 1884, с. 102]. Таким образом, содержание письма Ногая носит самый общий характер и, кроме желания продолжать переписку, не содержит никаких конкретных предложений о дальнейшей совместной деятельности.

Ответное послание Бейбарса Ногаю составлено по аналогичной схеме, хотя султан не упустил случая упомянуть о не-

необходимости продолжения священной войны против неверных и включил в текст «подстрекание против татар и направление на них» [Тизенгаузен, 1884, с. 102]. Это вполне понятно, так как письмом было адресовано не частному лицу, а «предводителю войск Берке».

Сообщение Ногай о «вступлении в ислам», по-видимому, было чисто декларативным. В письменных источниках, освещающих события последней четверти XIII в., нет никаких сведений о его религиозных деяниях или хотя бы об особом отношении к мусульманскому духовенству. А ведь в этом отношении все средневековые авторы были весьма внимательны и, как правило, склонялись к некоторому преувеличению действительности. Здесь уместно вспомнить пространные и восторженные отзывы летописцев о деятельности Берке и Узбека.

Вряд ли следует сомневаться в том, что Ногай получал богатые подарки из Египта, однако этот факт не может служить доказательством его независимости от ханской власти. Султан Калаун действительно послал ко двору Менгу-Тимура дары, которые кроме хана должны были получить Ногай, Аукаджи, Тула-Менгу, Тула-Буга, Джиджек, Тутлын, Тутаюн, Султан, Хутлу, Мауу, Таир, Кутлука, Юклук, Гяис ад-Дин [Тизенгаузен, 1884, с. 67, 104, 155]. Следовательно, подарки султана предназначались для многих влиятельных представителей золотоордынской аристократии, которых довольно трудно заподозрить в сепаратизме или оппозиции к законной ханской власти. Интересно, что в сочинениях ан-Нувейри и Руки ад-Дина Бейбарса Ногай поставлен даже не на первом месте в этом длинном перечне имен. Кроме того, Калаун направил все подарки ко двору Менгу-Тимура, а не непосредственно Ногаю, что, безусловно, свидетельствует о подчиненном положении последнего.

После женитьбы Ногай на незаконнорожденной дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога Ефросинии «царь, ухаживая за... Ногаем, не переставал посылать ему в огромном количестве, как одежды, так и разнообразные продукты, а сверх того щедро посылал целые бочки ароматных вин. Ногай с удовольствием брал продукты и напитки, а также принимал золото и серебро в кубоки» [Georgii Pachumeris, 1835, p. 347].

Женитьба Ногай на Ефросинии и получение им богатых подарков из Византии является наглядным подтверждением его огромного политического влияния, но еще не доказывает оппозиционных настроений по отношению к сарайскому правительству, поскольку в подобных связях с Константинополем трудно усмотреть что-либо противоестественное или незаконное. Довольно показательны и то, что в приведенном выше отрывке из сочинения Пахимера Ногай назван не «царем» и не ханом, а только «архонтом». Кроме того, Ногай управлял правым крылом Золотой Орды, то есть территорией, расположенной в непосредственной близости от границ Византии, поэтому особое внимание к нему со стороны византийских императоров вполне понятно.

Интересная, но не совсем верная характеристика политической деятельности Ногай дана в сочинении Руки ад-Дина Бейбарса: «Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распорядился Берковичами, смешал тех из царей их, кто ему не нравился и ставил (тех), кого сам выбирал... да хотел, чтобы это так продолжалось (и впредь) и чтобы он оставался правителем этих стран» [Тизенгаузен, 1884, с. 110—111]. Действительно, политическое влияние Ногай в последние десятилетия XIII в. было огромным, однако при этом вряд ли можно считать его «правителем» Золотой Орды, так как его деятельность всегда была в большей или меньшей степени ограничена. Кроме того, нам достоверно известно, что при активном участии Ногай был «поставлен» только один золотоордынский хан — Токта, причем его кандидатуру поддерживали и многие другие представители золотоордынской аристократии.

После смерти Менгу-Тимура сарайский трон занял его младший брат Тула-Менгу. Он был внуком Бату, сыном Тукана и Боракчин. Учитывая то, что Боракчин вышла замуж за Тукана после смерти Бату, а в 1259 г. предлагала посадить на золотоордынский трон своего малолетнего сына, можно констатировать, что наиболее вероятная дата рождения Тула-Менгу 1257—1258 гг. Это значит, что во время вступления на престол ему было около 25 лет.

О воспитании Тула-Менгу почти ничего не известно, ясно лишь то, что его весьма активно поддерживала старшая жена Менгу-Тимура Джиджек. По-видимому, его кандидатура уст-

равнала и Ногай, «который (в то время) уже начинал воевать у них» и поэтому обладал большим авторитетом в решении вопроса престолонаследия [Тизенгаузен, 1884, с. 155]. В книге Марко Поло есть указание на то, что инициатива утверждения на золотоордынском троне Туда-Менгу исходила именно от Ногай [Марко Поло, 1955, с. 234].

Вряд ли можно сомневаться в том, что всесторонняя поддержка влиятельных политических лидеров сыграла определенную роль при решении вопроса престолонаследия в пользу Туда-Менгу. Однако это не дает никаких оснований для утверждений, будто бы он являлся ставленником Ногай или Джиджек. Дело в том, что именно Туда-Менгу после смерти Менгу-Тимура являлся главным (если не единственным) законным претендентом на трон, так как был младшим братом умершего хана, следующим за ним по возрасту.

Вскоре после воцарения Туда-Менгу между сарайской администрацией и Ногаем возникли разногласия, которые, однако, в большей степени отражали не противоречия между Туда-Менгу и Ногаем, а борьбу за сферы влияния между Ногаем и Джиджек. В русских летописях содержится интересный рассказ о борьбе князей Андрея Александровича и Дмитрия Александровича за великое княжение. После того как Дмитрий стал великим князем Владимирским и утвердился на новгородском столе, его брат Андрей Городецкий ходил в Орду, где сумел получить «от царя» ярлык на великое княжение [Экземплярий, 1998, с. 37]. Однако его положение было недостаточно прочным. Поэтому он вновь поехал в Орду, где «приним от царя рать многу, Тураитемря и Алына и многих Татар, и поиде с ними изю Орды... на брата своего... Дмитрия Александровича... и много зла створиша христианом. А князь велики Дмитрий Александрович з дружиною своею, и со князинею, и з детми и со всем двором своим бежа во Орду ко царю Ногою, и сказа ему вся поряду, известуяся ему со слезами, и много дары даде ему и всем князем его. Царь же Ногой послуша его и держаше его в чти» [ПСРЛ, 1885, с. 160—161]. Аналогичное, но более краткое описание этих событий приведено в Львовской летописи [ПСРЛ, 1910а, с. 169].

К сожалению, в летописях не указано имя золотоордынского «царя», который столь активно поддерживал кандидатуру

Андрея Александровича. В Никоновской летописи приведенное выше сообщение отнесено к 6790 г. (1282—1283) Если учесть, что Дмитрий Александрович стал великим князем в 1276 г., станет ясно, что этот титул он получил от Менгу-Тимура. До 1282 г. никаких серьезных противоречий между сыновьями Александра Невского не возникало. Поэтому наиболее вероятно, что одной из причин конфликта была смерть Менгу-Тимура, воцарение Туда-Менгу и значительная активизация политической деятельности Ногай.

В это же время (июнь — июль 1282 г.) Ногай отправил в Египет первое самостоятельное посольство [Тизенгаузен, 1884, с. 362]. В 1286 г. в Каир снова прибыл личный посол Ногай [Закиров, 1966, с. 65]. Эти факты позволяют утверждать, что с самого начала правления Туда-Менгу Ногай установил дипломатические отношения с египетскими султанами независимо от ханской администрации. Весьма показательны, что все эти действия Ногай не вызвали жесткой ответной реакции со стороны Туда-Менгу.

Вскоре после воцарения Туда-Менгу также направил ко двору египетского султана посольство, которое возглавили мусульманские правоведы Медж ад-Дин Ата и Нур ад-Дин. Они привезли официальное письмо о восшествии Туда-Менгу на престол. В послании также сообщалось, что Туда-Менгу принял «ислам и установил (у себя) законы религии мухаммеданской». Через своих послов хан просил султана «даровать ему в прозвище одно из имен мусульманских и прислать ему знамя халифское, да знамя султанское, с которыми он будет сражаться против врагов религии» [Тизенгаузен, 1884, с. 105, 165]. После выполнения возложенных на них поручений, золотоордынские послы совершили паломничество в Мекку и благополучно вернулись на родину.

Весть об обращении Туда-Менгу в ислам была с нескрываемой радостью встречена в Египте. В марте 1284 г. султан направил своих послов в Золотую Орду с поздравлениями и богатыми подарками [Тизенгаузен, 1884, с. 105]. Еще одно посольство отправилось из Каира в Сарай в ноябре 1287 г. Кроме множества дорогих подарков египетские послы взяли с собой различные «припасы для мечети, которая строилась в Крыму... был также послан каменщик-каменосек для иссечения на упо-

мяннотой мечети султанских титулов» [Тизенгаузен, 1884, с. 363]. Факт строительства соборной мечети в Крыму достаточно интересен, поскольку свидетельствует об определенных успехах исламизации городского населения Золотой Орды в годы правления Тула-Менгу.

Достоверность всех этих сведений особых сомнений не вызывает. Тем не менее в исторической литературе существует точка зрения о том, что Тула-Менгу мусульманином не был, хотя это мнение обычно основывается только на кратком сообщении ал-Калкашанди, который писал, что все золотоордынские ханы, правившие после Берке, «не исповедывали ислама до тех пор, пока между ними не явился Узбекхан» [Бартольд, 1968, с. 142; Карташев, 1991, с. 281; Петрушевский, 1977а, с. 237; Тизенгаузен, 1884, с. 406]. Прежде всего, отметим, что ал-Калкашанди писал свою книгу на рубеже XIV—XV вв., то есть более чем через столетие после правления Тула-Менгу, поэтому можно усомниться в правильности его точки зрения, тем более что ни у одного из других известных нам средневековых авторов такой информации не имеется. Кроме того, дальнейшие события подтверждают факт обращения Тула-Менгу в ислам.

В сочинениях многих египетских авторов имеются сведения о том, что Тула-Менгу окружил себя религиозными фанатиками и именно поэтому постепенно совершенно отстранился от государственных дел. Причем везде речь идет не о «ламах, мудрецах, волшебниках или врачах», а о «леврицах, факирах, шейхах, Богомолах и благочестивцах», то есть об ортодоксальных приверженцах ислама [Тизенгаузен, 1884, с. 105, 155, 381]. Хорошо известно, что для большинства представителей этих религиозных течений характерно отречение от мирской жизни, длительные посты, многочасовые радения, ношение рубища и т. д. Поэтому вполне понятными становятся замечания о том, что Тула-Менгу «стал выказывать склонность к отшельничеству... и довольствовался в своей пище (малым)» [Тизенгаузен, 1884, с. 155]. Учитывая это, нетрудно догадаться, почему в средневековой литературе была столь широко распространена версия о помешательстве Тула-Менгу [Тизенгаузен, 1884, с. 105, 405; 1941, с. 69]. В «Чингиз-наме» он представлен как самый настоящий сумасшедший [Утемишхаджи, 1992, с. 99—101].

Такой хан вполне устраивал политических авантюристов, которые стремились сосредоточить всю реальную власть в своих руках и только прикрываться именем законного правителя. В это время одну из ведущих ролей в политической жизни Золотой Орды играла Джиджек-хатун. Именно она фактически управляла государством, в то время как Тула-Менгу «полно отдал себя сообществу шейхов-факиров» [Тизенгаузен, 1884, с. 105, 381]. Ногай, очевидно, получил полную свободу действий в пределах своего обширного улуса, во всяком случае, нам не известно ни одного факта, свидетельствующего об его открытом противоборстве с Тула-Менгу. Он беспрепятственно организовывал набеги на соседние территории, вел переговоры с султанами, царями и князьями, активно вмешивался во внутренние дела Болгарии, Сербии и Валахии.

Именно в годы правления Тула-Менгу произошли некоторые изменения в организации системы сбора дани с русских земель. В Никонской летописи под 6792 г. (1284—1285) сказано следующее: «Бе убо обычай царем ординским и князем его на всей русской земле дань взимати, овогда же убо откупаху даньския пошлины русских князей, овогда же сами князи на своих княжениях забираху дань и отвожаху во Орду, овогда же... одинския гости... откупаху дань в русских княжениях, и тако корысть себе приобретаху» [ПСРЛ, 1885, с. 162].

Все эти факты свидетельствуют о серьезном ослаблении центральной ханской власти в годы правления Тула-Менгу. Поэтому можно полностью согласиться с мыслью А.Ю. Якубовского о том, что его правление было не чем иным, как политической фикцией [Греков, Якубовский, 1950, с. 84].

Такое положение, безусловно, не устраивало многих золотоордынских аристократов. Сыновья и племянники Менгу-Тимура, фактически отстраненные от власти в результате деятельности Ногай и Джиджек, стремились к изменению сложившейся ситуации. По-видимому, эта партия, возглавляемая племянником Менгу-Тимура Тула-Бугтой, имела большой политический вес. Кроме Тула-Бугты в нее входили сыновья Менгу-Тимура Алгуй, Кадан, Кудукал, Малаган, Тогруджа и другие царевичи и эмиры.

Повод для смещения Тула-Менгу найти было не очень трудно: «Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо,

чтобы им правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от него (царства) в пользу брата сына своего Тулабути, да что его душа обрадовалась этому. И согласились с ним жены, братья, дядя, родственники и приближенные» [Тизенгаузен, 1884, с. 105—106].

Судя по этому сообщению, Тула-Менгу добровольно отрекся от престола, а утверждение кандидатуры нового хана происходило на курултае. В сочинениях персидских авторов эти события освещены иначе. У Рашид ад-Дина отмечено, что сыновья и племянники Менгу-Тимура под предлогом того, что Тула-Менгу помешан, свергли его и «сообщи 5 лет управляют государством». В «Истории Вассафа» сказано, что они «упрятали его, как вышедшую из обращения золотую монету» [Тизенгаузен, 1941, с. 69, 86].

Сейчас довольно трудно отдать предпочтение одной из этих двух версий и установить какую роль в этих событиях играли Ногай и Джиджек-хатунь. Но в любом случае ясно, что Тула-Менгу был смещен по инициативе партии Тула-Бути, а Ногай либо вообще не принимал участия в этой борьбе, либо он и его сторонники на курултае по выборам нового хана оказались в меньшинстве. Ни в одном из известных источников нет сведений о том, что Тула-Бути был ставленником Ногая. Как уже отмечалось, Ногай вполне устраивала политическая безынициативность Тула-Менгу, а приход к власти новой партии во главе с Тула-Бутой не сулил ему ничего хорошего. Следовательно, сам факт отстранения от власти Тула-Менгу можно расценивать как ответную реакцию части золотоордынской аристократии на деятельность Ногая.

Необходимо отметить, что Тула-Бути имел законные права на золотоордынский престол после смерти или отречения Тула-Менгу. Такими же правами, несомненно, обладал и его двоюродный брат Алгуй. Оба они были не только племянниками Тула-Менгу, но и старшими сыновьями его старших братьев — Тарбу и Менгу-Тимура. Интересно, что в сочинениях многих средневековых авторов имена Тула-Бути и Алгуй поставлены рядом, при этом везде они представлены не как противники или соперники, а только как союзники. В некоторых русских летописях и Алгуй, и Тула-Бути названы «царями» [ПСРЛ, 1841, с. 65]. В связи с этим версия о соправительстве некоторых по-

томков Менгу-Тимура, представленная в сочинении Рашид ад-Дина, кажется весьма вероятной.

Тула-Менгу был отстранен от власти в 1287 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 105, 122, 155—156, 405]. После этого он окончательно отошел от политической деятельности, и его имя в источниках больше ни разу не упоминается. Очевидно, Тула-Бути с самого начала не устраивал Ногай, и он мирился со сложившейся ситуацией только потому, что новый хан какое-то время не вмешивался в его дела. Но такое положение сохранялось очень недолго.

По-видимому, уже в начале своего правления Тула-Бути предпринимал попытки ограничить влияние Ногая, однако они не приносили желаемых результатов или вообще завершались неудачно. В этом отношении определенный интерес представляет хорошо известный летописный рассказ о конфликте князей Олега Рыльского и Святослава Липовичского с баскаком Ахматом. К сожалению, сейчас невозможно точно установить, когда именно происходили эти события, так как приведенная в летописях дата 6791 г. (1283—1284) неверна, а сам рассказ представляет собой позднюю вставку в летописный текст [Насонов, 1996, с. 231, примеч. 7]. Тем не менее из общего контекста сообщения следует, что речь здесь идет о времени правления Тула-Бути [ПСРЛ, 1856, с. 178; 1885, с. 165—166; 1910а, с. 170; 1927, стб. 482; 1949, с. 154—155].

Баскак Ахмат, посланный от Ногая, основал недалеко от Курска две слободы, куда довольно быстро стеклось окрестное русское население, очевидно, привлеченное определенными экономическими выгодами. Князья не могли примириться с оттоком населения из их владений и приняли меры к его возвращению [Егоров, 1985, с. 39—40].

Олег отправился с жалобой к Тула-Бути и по его распоряжению вместе с ханским «приставом» разогнал слободы, которые позднее, уже без разрешения хана, «разбоєм» разгромил Святослав. За эти самовольные действия он должен был идти «на исправу» либо к «царю» Тула-Бути, либо к Ногаю. После убийства Святослава Олег, из опасения за свою жизнь, не явился к Ногаю, и тот послал против князя большую рать, чтобы «его изнимать, а княжение его вятии все» [ПСРЛ, 1910а, с. 170]. Позднее брат Святослава Александр убил Олега и двух его сыновей — Давида и Семюна [Зотов, 1892, с. 199—200].

А.Н. Насонов в своей работе неоднократно отмечал, что эти события наглядно отразили двойственность положения. Верховная власть признается за Тула-Бутой, но хозяйничает в «курской области» Ногай. По мысли историка, это является свидетельством того, что в Золотой Орде фактически существовало двоевластие [Насонов, 1996, с. 123—124]. Такой вывод представляется слишком категоричным и, по-видимому, несколько упрощает действительное положение. Дело в том, что Ногай сурово наказал виновных за разгон и разорение своих слобод, так как основаны они были его ставленником. Кроме того, князь Светослав был убит Олегом «по цареву слову», то есть по распоряжению Тула-Буги, который в этом вопросе был солидарен с Ногаем и считал необходимым казнить «разбойника». Против Олега рать была послана потому, что он не явился на зов Ногая. Не менее важно и то, что «курская область» непосредственно граничила с улусом Ногая и, несомненно, входила в сферу его влияния [Зотов, 1892, с. 198].

Выводы о том, что в Золотой Орде существовало «двоевластие», а Ногай являлся «суверенным» правителем и не признавал власти хана, представляются не совсем правильными [Костомаров, 1997, с. 172; Греков, Якубовский, 1950, с. 85—86; Закиров, 1966, с. 64; Насонов, 1996, с. 123—124]. Если бы Ногай действительно был суверенным правителем, то вряд ли бы он принимал столь активное участие в придворных интригах, а его мнения в среде потомков Бату не имели бы такого значения. Если бы Ногай не признавал власти хана, то он, конечно же, не подчинился бы и его распоряжениям. Однако нам известно, что в октябре 1288 г. он принимал участие в походе против хана Аргуна [Тизенгаузен, 1941, с. 68]. Этот поход, несомненно, был организован по решению ханской администрации, так как боевые действия велись на Кавказе, который не входил в сферу влияния Ногая, и для того чтобы добраться до Дербента, его войскам необходимо было пройти сотни километров по территории ханского улуса.

Еще более показательным в этом отношении является поход против Польши, который состоялся в конце 80-х гг. XIII в. (хронология сбивчива) [Веселовский, 1922, с. 30—37]. Судя по сообщениям египетских авторов, инициатором его был Тула-Буга, который «приказал Ногаю двинуться с находившимися

при нем тьмами, тот направился к нему и они сошлись в указанном месте» [Тизенгаузен, 1884, с. 156]. Таким образом, Ногай в данном случае подчинился Тула-Буге и принимал участие в походе по его распоряжению.

В источниках сохранились сообщения о нескольких походах Тула-Буги с Ногаем, Алгуем и русскими князьями против Польши и Венгрии [Пашуто, 1950, с. 297—298]. В.Л. Егоров считает, что таких походов было три [Егоров, 1985, с. 191]. Н.И. Веселовский отмечает, что во многих летописях и хрониках эти события изложены с серьезными ошибками, а хронология явно нарушена [Веселовский, 1922, с. 30—37]. Тем не менее ясно, что в одном из таких походов Ногай бросил Тула-Бугу на произвол судьбы, в результате чего последний потерял все свое войско, едва не погиб и вернулся домой «со своею женою об одной кобыле» [Тизенгаузен, 1884, с. 107, 156; ПСРЛ, 18436, с. 210—211].

Тула-Буга «заподозрил его в измене по этому делу и стал мстить ему за самоупраство» [Тизенгаузен, 1884, с. 381]. Однако сделать это было не так-то просто, поскольку Ногай к этому времени усилился настолько, что вполне мог вступить в открытое противоборство с ханом [Егоров, 1974, с. 41]. Положение было столь шатким, что «боястася оба, сий его, а сей сего» [ПСРЛ, 18436, с. 212].

Тем не менее хан привел в боевую готовность все свои войска, которые должны были по первому сигналу выступить в поход против Ногая. Но до вооруженного столкновения дело не дошло. Еще до резкого обострения ситуации Ногай много сделал для того, чтобы посеять раздор в лагере сторонников Тула-Буги. Решение этой задачи облегчалось тем обстоятельством, что между сыновьями Менгу-Тимура возникли серьезные разногласия. Одному из них — Токте даже пришлось бежать и искать защиты у старших родственников [Тизенгаузен, 1941, с. 69]. По-видимому, Ногай не скупился на обещания и поэтому добился желаемого — сыновья Менгу-Тимура Бурлюк, Токта, Тудан и Сарай-Буга стали его союзниками.

Ногай, притворившись смертельно больным, с дивными миротворческими обещаниями двинулся навстречу Тула-Буге и сумел заманить его самого и всех его союзников в ловушку. Когда они были окружены, Ногай предложил Токте умертвить

их всех. «Им покрыли головы и переломали спины. Это были Тулабуга, Алгуй, Тогрулджа, Малаган, Кадаг и Кутуган» [Тизенгаузен, 1884, с. 108]. Все египетские авторы датируют эти события 1291 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 122, 156, 382, 405, 435]. Такую же дату гибели Тула-Буги и Алгуя дают и русские летописи [ПСРЛ, 1841, с. 65; 1848, с. 44; 1885, с. 168].

Таким образом, можно не сомневаться в том, что Токта был посажен на трон при самом активном участии Ногай и стал официально управлять государством после переворота, в результате которого был убит законный хан Золотой Орды. Токта имел определенные права на золотоордынский престол, однако его реальные возможности были весьма призрачны и могли воплотиться в жизнь только в результате стечения целого ряда обстоятельств. Прежде всего, он являлся не родным, а двоюродным братом Тула-Буги и к тому же был не старшим, а только пятым сыном Менгу-Тимура. После смерти Тула-Буги гораздо больше прав на трон имел его младший брат Кунчек, а также старшие братья Токты — Абачи, Тудан и Бурулюк.

Не совсем ясно, почему Ногай остановил свой выбор именно на кандидатуре Токты. По-видимому, определенную роль в этом сыграла позиция, которую он занял после бегства от Тула-Буги и его многочисленных сторонников. Под угрозой смертельной опасности Токта заявил: «Пока я буду жив, я буду подвластен старшему (ака) и не стану выходить из пределов угодного ему» [Тизенгаузен, 1941, с. 69]. Старшим в Золотой Орде в это время был Ногай, и такое открытое заявление одного из потенциальных претендентов на трон открывало перед ним самые широкие политические перспективы.

В сочинениях некоторых египетских авторов сообщается, что во время вступления на престол Токте было всего лишь 7 лет [Тизенгаузен, 1884, с. 174, 276—277, 437]. Если сопоставить год смерти Менгу-Тимура, год воцарения Токты, а также тот факт, что у него было шесть младших братьев, станет ясно, что это явная хронологическая неувязка [Веселовский, 1916, с. 10]. Если даже принять наиболее позднюю дату смерти Менгу-Тимура и допустить, что Токта был самым младшим из его сыновей (что не соответствует генеалогии Рашид ад-Дина), а также то, что он появился на свет после смерти своего отца, то и в этом случае придется признать, что он не мог родиться

позднее 1283 г. Кроме того, нам известно, что сыновья Токты Ильбасар и Тукель-Буга в 1301 г. были уже не малолетними детьми, так как оба отправились в «земли Ногай» в качестве наместников хана [Тизенгаузен, 1884, с. 161]. Тем не менее, совершенно ясно, что в момент вступления на престол Токта был еще молодым человеком и поэтому в первые годы своего правления находился под влиянием Ногай, следуя всем его советам и пожеланиям.

Посадив на трон Токту и решив тем самым основную проблему, Ногай возвратился в свой улус, желая этим продемонстрировать невмешательство в вопросы общегосударственной политики и полное безразличие к придворным интригам. Токта «несколько раз посылал послов за Ногаем и, давая ему разные хорошие обещания, приглашал его к себе, но Ногай не соглашался» [Тизенгаузен, 1941, с. 70].

Совершенно ясно, что, удалившись от ханского двора, Ногай по-прежнему находился в центре политической жизни и был прекрасно осведомлен обо всех важнейших событиях. Он никогда не забывал своих личных врагов и не прощал их. «Оставшись у него в памяти те из эмиров, которые с Тулабугой действовали против него» [Тизенгаузен, 1941, с. 157]. По-видимому, с ними Ногай мог расправиться сразу же после воцарения Токты, но не сделал этого, так как всегда предпочитал осуществлять свои коварные замыслы чужими руками. В 1293 г. он отправил к хану свою жену Байлак, которая, прибыв к Токте, передала ему «пожелание» Ногай казнить более 20 эмиров, выступавших ранее на стороне Тула-Буги. Токта «потребовал их к себе и умертвил их всех» [Тизенгаузен, 1884, с. 157—158]. Таким образом, Ногай не только устранил неудобных ему эмиров, не запятнав при этом своего имени, но и значительно ослабил положение Токты, так как многие из его приближенных, напуганные столь широкими репрессиями, стали постепенно склоняться на сторону Ногай.

В сочинении Руки ад-Дина Бейбарса имеются лаконичные сообщения о том, что в следующем 1294 г. «Ногай казнил множество татар» и отдал распоряжение «об удущении бывшей жены Менгу-Тимура Джиджек. Не ясно, как отреагировал на эти новые распри Токта, однако и в этом случае Ногай сумел создать видимость того, что действовал не по собственной

инициативе, а лишь выполнил волю тех, кому «стал... в тягость пьет» Джиджек [Тизенгаузен, 1884, с. 109].

В первые годы правления Токты отношения между ханским двором и Ногаем были стабильными и даже дружественными. Подтверждением этого служит хотя бы то, что отец матери Токты старший эмир Салджидай, которого молодой хан почитал как «отца и воспитателя», посватал «для своего сына Яйлага... дочь Ногая по имени Кабак. Ногай согласился... свадьба была справлена» [Тизенгаузен, 1941, с. 71]. Когда в 1293 г. ко двору Токты прибыла жена Ногая Байлак, то она была встречена «с почетом... и чрезвычайным вниманием» [Тизенгаузен, 1884, с. 157—158]. Однако постепенно положение меняется. Между Токтой и Ногаем возникают споры, взаимные претензии и противоречия. Повзрослевший хан не желает более мириться с всевластием Ногая, а последний начинает видеть в Токте очень опасного противника.

По сообщению русской летописи, в 1293 г. Токта направил на Русь большую рать под командованием Дюдены или, как полагают Тудана, одного из старших сыновей Менгу-Тимура. Сейчас довольно трудно установить конкретные цели этой карательной экспедиции, хотя и известно, что организована она была по жалобе многих русских князей и представителей высшего духовенства на великого князя Дмитрия Александровича [ПСРЛ, 1885, с. 168—169]. Не исключено, что поход Дюденовой рати являлся следствием начавшейся борьбы Ногая и Токты за политическое господство над русскими княжествами.

В это время Ногай продолжал осуществлять прямые контакты с некоторыми русскими князьями. По предположению А.Н. Насонова, Михаил Тверской, возвратившийся домой во время нашествия Дюденовой рати, прибыл на Русь из орды Ногая. Дмитрий Александрович до этих событий явно ориентировался на Ногая [ПСРЛ, 1885, с. 160—161]. Он немедленно вступил в переговоры с князем Михаилом, ища у него поддержки и защиты, переехал в Тверь и оттуда вел переговоры с Андреем Александровичем. Эти действия тверского князя привели к тому, что в эту же зиму на Тверь пришла орда некоего Ток-Тимура, сформированная по распоряжению Токты [Насонов, 1996, с. 129—130].

В средневековых источниках приводится много различных причин, побудивших Токту открыто выступить против Ногая: бегство супруги Ногая Байлак от собственного сына эмира Джеки и Теки, отказ Токты выдать Ногаю эмира Салджида, переход многих эмиров Токты под покровительство Ногая и т. д. [Тизенгаузен, 1884, с. 158; 1941, с. 70]. Однако главное заключалось в том, что «Токте не понравилось быть подвластным ему (Ногаю); он старался сразиться с ним и хлопотал о войне с ним» [Тизенгаузен, 1884, с. 111]. Почти все авторы единодушны в признании того факта, что инициатива в разжигании боевых действий принадлежала Токте и именно он начал наступление против Ногая.

Монгол с лошады

Не случайно сражение произошло на правом берегу Дона, а не в нижневолжской степи. Большинство современных исследователей относят первое крупное столкновение между армией хана Токты и Ногая к 1298 г. По мнению Г.В. Вернадского, армии Токты и Ногая сражались в междуречье Днестра и Прута [Вернадский, 1997, с. 194]. В.Л. Егоров, проанализировав данные письменных источников, предположил, что сражение про-

изошло на территории, ограниченной правым берегом Дона и нижним течением Северского Донца [Егоров, 1985, с. 200].

Известно, что войска встретились на границе владений Токты и Ногай, «на берегу реки Тан». Хотя данные источников довольно противоречивы и место сражения у разных авторов названо по-разному: Бахтияри, Негри, Кендулан, — его можно локализовать достаточно точно [Тизенгаузен, 1884, с. 159; 1941, с. 71; Марко Поло, 1955, с. 234]. В сочинении Рукн ад-Дина Бейбарса сообщается, что войска Ногай и Токты «сразились при реке Яса» [Тизенгаузен, 1884, с. 111]. У ан-Нувеири указано, что они «встретились на Яксае» [Тизенгаузен, 1884, с. 159]. Оба эти названия В.Г. Тизенгаузен обоснованно сопоставил с несколькими искаженными наименованием современной реки Аксай. В одном из вариантов рукописи ан-Нувеири, кроме упоминания о «Яксае», имеется еще одно уточнение — «у Кендулана, а Кендулан — большая вода» [Тизенгаузен, 1884, с. 159, примеч. 1]. Судя по контексту большинства сообщений, сражение произошло на правом берегу Дона, недалеко от него. Если сопоставить все эти данные, то станет ясно, что войска Токты и Ногай встретились в междуречье Дона и Аксая, скорее всего, в районе современного г. Новочеркасска. Название Кендулан, очевидно, следует связывать с нижним течением Дона или Таганрогским заливом Азовского моря.

На стороне Ногай сражалось много эмиров, незадолго до этого бежавших от Токты. Наиболее влиятельными среди них были: Абаджи, Караджин, Маджи, Янджи, Тунгуз, Таз, Сангай, Судан и др. По данным Марко Поло, в сражении принимало участие 350 тыс. всадников, оно было очень упорным и закончилось поражением Токты [Марко Поло, 1955, с. 235—236]. Ногай преследовал противника только до правого берега Дона. Часть воинов Токты сумела переправиться через реку и спастись, а часть «бросилась в нее и утонула, Ногай приказал своим войскам не преследовать бегущих и не бросаться на раны, захватил добычу, пленных и багаж (неприятельский) и вернулся восвояси» [Тизенгаузен, 1884, с. 111]. Токта с остатками своего войска благополучно добрался до Сарая.

Хотя деморализованное и обескровленное войско Токты не могло оказать серьезного сопротивления на левом берегу Дона и у Ногай была реальная возможность расправиться с непокорным

ханом, он остановил армию и не стал развивать свой успех. Видно ли это произошло только потому, что он не был уверен в своих силах. По-видимому, такое развитие событий противоречило основным политическим принципам Ногай. Сражаясь с армией хана на Аксае, Ногай только оборонялся и отстаивал права на свой улус. Форсировав Дон, он не только начинал наступательные боевые действия против законного правителя Золотой Орды, но и вторгся на территорию ханского домена, что в глазах современников низводило его до уровня заурядного мятежника.

Египетские авторы датируют первое столкновение Токты и Ногай 697 г. х. (19 октября 1297 г. — 8 октября 1298 г.) [Тизенгаузен, 1884, с. 110, 159]. Судя по тому, что при переправе через Дон многие воины Токты утонули, но многим удалось добраться до противоположного берега, можно предположить, что сражение произошло в то время, когда река была свободна от льда. В египетских хрониках есть данные о том, что сообщение о поражении Токты прибыло в Египет в фебрале или марте 1298 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 435]. Следовательно, наиболее вероятная дата битвы — осень 1297 г. Правда, у Рашид ад-Дина это событие отнесено к 1299 г., но в это очень трудно поверить [Тизенгаузен, 1941, с. 71]. Во-первых, такая датировка абсолютно не согласуется с хронологией последующих событий. Во-вторых, сражение между войсками Токты и Ногай подробно описано в книге Марко Поло, а ее великий путешественник проделывал в генуэзской тюрьме, в которую был заключен не позднее сентября 1298 г. [Марко Поло, 1955, с. 32].

Победа над Токтой значительно укрепила положение Ногай. Наиболее опасные противники были повержены, и теперь можно было не сомневаться в том, что они надолго отстранены от активной борьбы. Многие эмиры, выступавшие на стороне Ногай, надеялись, что он не забудет их преданности и вознаградит за ратные подвиги. Однако время шло, а положение практически не менялось. Всеми делами по-прежнему заправляли Ногай, его сыновья Джека, Тека и Турай, внук Актаджи, зять Таз со своим ближайшим сподвижником Тунгузом. Остальные эмиры, очевидно, не получили того, на что они рассчитывали, когда переходили на сторону Ногай. Между тем среди них было немало могущественных и именитых аристократов, которых такое поведение Ногай попросту оскорбило.

Это в первую очередь относилось к трем братьям — эмирам Абаджи, Янджи и Караджину, «принадлежавшим к числу старших военачальников и командовавших тымами... Они были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска» [Тизенгаузен, 1884, с. 112]. Посоветовавшись, братья решили отложиться от Ногая и перейти на сторону Токты. Однако сделать этого им не удалось. Они были остиновлены войсками сыновей Ногая и предательски убиты. Бежать удалось только Янджи — младшему из братьев. Войска Абаджи, Караджина и Янджи были перепиты или уведены в плен. Репрессии подверглись даже те из их сторонников, которые добровольно вернулись к сыновьям Ногая. Столь жестокая расправа с влиятельными эмирами насторожила остальных подданных Ногая, некоторые из которых стали постепенно склоняться на сторону Токты.

Характеризуя политическую ситуацию, сложившуюся в Золотой Орде после поражения Токты, нельзя не обратить внимания на события конца 1298 г. В это время Ногай предпринял энергичные действия по укреплению своего влияния в Крыму. Он направил джуга Актаджи «в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на жителей его. Тот пришел в Кафу... и потребовал от его жителей денег... Тогда они (жители)... убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая... который отправил в Крым огромное войско в союзе с Маджи, одного из эмиров. Оно ограбило его (город Кафу), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман, Кырк-Ер, Керчь и др.» [Тизенгаузен, 1884, с. 111—112].

На рубеже 1298—1299 гг. Ногай с большим войском пришел в Судак и приказал, «чтобы все, которые были за него, вышли за город со своим людом... Вышли все приверженцы его, а их было более $\frac{1}{3}$ (населения). Потом он приказал войскам окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим, истязал его и отбирал все его имущество, а затем убивал его, так что умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его (город) и уничтожил его до тла... Причиной этому было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими ширями, один из них был... Токтай... Говорили, что шари, которые были сопровителями его,

обычали наместников его при (дележе) приходившихся на его долю доходов. Это и побудило его к тому, что он сделал» [Тизенгаузен, 1884, с. 195].

В сочинении Рашид ад-Дина имеется краткое упоминание о том, что войска Ногая «опустошили город Крым и забрали множество пленных. Тамашские жители обратились к Ногаю с просьбой о возвращении забранных в плен, и Ногай приказал возратить пленных» [Тизенгаузен, 1941, с. 71].

Очевидно, разрушение Кафы, Сарукермана, Керчи, Чуфуткале, Судака, Крыма и других городов — результатом одного похода, который был организован и проведен Ногаем после победы над Токтой. Рукн ад-Дин Бейбарс сообщает о том, что Ногай, «поразил царя Токту, овладел областями его», причем из общего контекста следует, что речь здесь идет именно о Крыме [Тизенгаузен, 1884, с. 111].

Совершенно ясно, что после битвы на Аксае Токта был не в состоянии эффективно бороться с Ногаем, который, воспользовавшись ослаблением ханской власти, попытался расширить сферы своего влияния в Крыму. Но при этом следует учитывать, что и до этих событий Ногай обладал весьма широкими полномочиями в управлении крымскими городами и имел законные права на получение определенной доли доходов. В этом убеждает приведенный выше рассказ о распределении доходов с города Судака между четырьмя татарскими «шарями», одним из которых был Ногай, а также небольшая приписка на полях рукописи Рукн ад-Дина Бейбарса, из которой следует, что Токта «подарил» Ногаю Крым [Тизенгаузен, 1884, с. 111, примеч. 1]. Правда, текст этой приписки довольно обличен и позволяет допустить, что речь здесь идет не о Токте и Ногае, а о Ногае и его внуке Актаджи. Однако такое предположение наталкивается на определенные противоречия — право Токты получать часть податей с Судака, особый статус Кафы — города, «принадлежавшего генуэзским франкам», и, наконец, крайне жесткой позиции населения крымских городов, не желавших подчиниться требованиям представителей администрации Ногая.

Последнее обстоятельство особенно важно. Актаджи был убит жителями Кафы, в Судаке Ногай поддерживало менее половины населения, а все остальные города подверглись раз-

рушению, то есть его требования и здесь были отвергнуты. Следовательно, Ногай не мог передать власть над Крымом своему внуку, прежде всего потому, что сам он не был здесь полновластным правителем. По-видимому, хан «подарил» Ногаю лишь право на получение какой-то доли доходов с некоторых крымских городов, причем это произошло в первые годы правления Токты, так как в условиях политического и вооруженного противоборства подобные действия Токты кажутся невероятными. Заявление Руки ад-Дина Бейбарса о том, что Ногай «окалдел» Крымом, представляется слишком категоричным, более уместны в данном случае термины «разрушил» или «разграбил» [Тизенгаузен, 1884, с. 111].

Если бы основной причиной, побудившей Ногая начать вторжение в Крым, являлось убийство Актаджи, то разрушению подверглась бы только Кафа, так как население именно этого города было повинно в его гибели. Однако войска Ногай разорили почти все крупные крымские города, некоторые из которых после этого навсегда утратили свое прежнее торговое значение. Даже Сулак, с которого Ногай получал немалые прибыли, был сожжен дотла. Это наводит на мысль о том, что после победы над Токтой Ногай решил резко повысить в свою пользу налоги с большинства крымских городов. Иное объяснение найти довольно трудно, тем более что у ал-Муфаддала и Руки ад-Дина Бейбарса речь идет именно о взимании налогов с Кафы и Судака.

По-видимому, эта новая экономическая политика Ногай не только значительно ущемляла интересы сарайского правительства, но и тяжким бременем ложилась на плечи городского населения Крыма. Именно поэтому действия Актаджи, Ногай и Маджи повсеместно натолкнулись на ожесточенное сопротивление местных жителей.

В результате разрушения и ограбления богатых городов Крыма в руки Ногай и его приближенных попала огромная добыча. Нам не известно, каким образом она была распределена между участниками крымского похода. Можно лишь предполагать, что почти вся она поступила в распоряжение самого Ногай, так как после этого «войны сразу озлобились» на него, подняли митех и, взяв в заложники его сына Теку, отправили посольство к Токте, выражая желание перейти под его покрови-

тельство. Часть митехных войск была разгромлена туменами Джеки, но многим удалось уйти [Тизенгаузен, 1941, с. 71]. Среди них был и один из главных участников крымского похода эмир Маджи, а также эмиры «Сулду, Утрадж, Акбуга и Тайна, и с ними 30 000 всадников» [Тизенгаузен, 1884, с. 113].

Ногай прекрасно понимал, что его положение с каждым днем становилось все более и более шатким. Многие эмиры, бывшие еще совсем недавно его верными союзниками, вместе со своими войсками перешли на сторону Токты. Одни из них просто чувствовали себя униженными и обделенными, а наиболее дальновидные, очевидно, поняли, что временам вселастия Ногай приходит конец.

В этой сложной обстановке Ногай попытался получить поддержку со стороны Ирана, с которым ему уже давно удалось наладить не только дружественные, но даже родственные отношения (его младший сын Турай был женат на дочери хана Абаги). Он неоднократно отправлял посольства ко двору хана Газана, просил его о помощи и даже изъявлял желание перейти под его покровительство. Сейчас трудно сказать, насколько искренен был Ногай в этом заявлении, скорее всего, это очередной политический маневр. Тем не менее сам по себе этот факт достаточно красноречив.

Токта был хорошо осведомлен о деятельности своего противника и о его попытках наладить военный союз с Ираном. Поэтому он отправил к Газану своих послов с предложениями дружбы и добрососедства. Вопреки желанию Ногай, Газан решил занять нейтральную позицию и не вмешиваться в его противоборство с Токтой. Ильяхан вполне устраивала нестабильная политическая ситуация в Золотой Орде, так как она гарантировала безопасность северных границ Ирана. Для того чтобы наглядно продемонстрировать свой нейтралитет, Газан ушел далеко от пограничных районов и зимовал в Багдаде [Тизенгаузен, 1941, с. 72].

Таким образом, к концу 90-х гг. XIII в. обстановка в Золотой Орде накалилась до предела и неизбежность нового столкновения Ногай и Токты стала очевидной. Под ханские знамена вернулись многие представители золотоордынской кочевой аристократии. Соотношение сил сложилось явно не в пользу Ногай. Тем не менее Токта, наученный горьким опытом поражения, тщательно готовился к новой войне. Заручившись ней-

транзитом Ирана, он смог отозвать из Дербента крупные воинские подразделения под командованием Тома-Токты. По свидетельству Рашид ад-Дина, Токта сумел собрать около 60 тысяч человек, в то время как Ногай располагал лишь 30, да и те были не очень надежны [Тизенгаузен, 1941, с. 71].

Новая война началась в 1299 г. Наступление вновь повел Токта. Решающая битва произошла в местности Куканык, по-видимому, на левобережье Днепра, «где находился старинный юрт Ногаев» [Тизенгаузен, 1884, с. 159; 1941, с. 71]. Сражение продолжалось целый день и завершилось разгромом армии Ногаев. Сам он, брошенный всеми на произвол судьбы, погиб, а его лагерь был отдан на разграбление. После этого Токта победоносно возвратился в свою столицу.

Хотя победа над Ногаем имела очень большое значение, она не обеспечила Токте полного спокойствия. Всем сыновьям Ногаев, а также многим другим его родственникам и союзникам удалось благополучно покинуть место сражения и скрыться.

Глава 5

Золотая Орда в начале XIV в.

Политическая ситуация, сложившаяся в Золотой Орде после гибели Ногаев, то есть на рубеже XIII—XIV вв., не привлекала особого внимания исследователей и подробно не анализировалась. Только в работе Н.И. Веселовского представлены подробные данные всех известных к тому времени письменных источников. Однако отрывки из сочинений средневековых авторов в книге Н.И. Веселовского в большей части просто цитированы, без каких-либо специальных комментариев [Веселовский, 1922, с. 55—58].

Неоднократно высказывалась мысль о том, что вскоре после победы над Ногаем Токте удалось поставить под свой контроль его улус, разделив земли между союзниками и родственниками, и ликвидировать центробежные устремления феодалов [Греков, Якубовский, 1950, с. 88; Егоров, 1974, с. 41; Трепавлов, 1993, с. 91; Федоров-Давыдов, 1973, с. 73].

Обычно этот краткий, но насыщенный событиями период в исторических работах характеризуется весьма общиной и представляется как пример мелкой феодальной распри в среде некоторых наследников Ногаев [Егоров, 1985, с. 201]. С этим довольно трудно согласиться, так как борьба за контроль над огромным улусом продолжалась около двух лет и проходила на обширной территории при самом непосредственном участии многих золотоордынских царевичей и эмиров. Кроме того, именно события 1300—1302 гг. проливают свет на характер взаимоотношений центральной ханской власти с наиболее влиятель-

нами представителями кочевой аристократии и поэтому представлял определенный интерес.

После того как Токта, одержав победу, вернулся в свою столицу, сыновья Ногая попытались выработать единые принципы дальнейших действий. Необходимо было либо выразить полную покорность хану, либо с оружием в руках сражаться за сохранение политической обстановки, сложившейся в Золотой Орде в последние десятилетия XIII в.

Мнения разделились. Средний сын Ногая Тека и его мать Джуну считали, что пора прекратить вражду и отправиться на переговоры с Токтой. По-видимому, этой же точки зрения придерживался и младший сын Ногая Турай. Джека твердо стоял на позиции непримиримости и считал необходимым продолжать политику погибшего отца. Судя по всему, никакого компромиссного решения выработать так и не удалось [Тизенгаузен, 1941, с. 72].

Джека понял, что братья не будут его поддерживать, и поэтому повел себя очень решительно: «присвоил себе прежние владения отца своего, заявил исключительное право свое на них, помимо брата своего» [Тизенгаузен, 1884, с. 115]. Это еще более укрепило желание Теки перейти на сторону Токты, но сделать этого он не успел, так как был убит людьми, посланными Джекой в 1300 г.

Расправившись с братом и став единовластным правителем, Джека назначил наместником своих владений старшего эмира Тунгуза, бывшего долгое время одним из самых последовательных сторонников Ногая. Тунгуз обладал опромным влиянием и сочетал в себе качества отважного воина и расчетливого политика. По-видимому, он считал положение Джеки очень непрочным, поскольку после убийства Теки некоторые из его подданных относились к нему с недоверием и считали узурпатором. В связи с этим очень скоро против Джеки был составлен заговор, во главе которого встали зять Ногая Таз со своей женой Тутулджой, наместник Тунгуз и некоторые другие влиятельные эмиры. Однако заговорщики явно недооценили возможности Джеки, которому удалось скрыться и в короткий срок сформировать большое войско. В ожесточенном сражении тумыни Тунгуза и Таза были разгромлены, а сами они бежали [Тизенгаузен, 1884, с. 115—117, 160—161].

Токта с пристальным вниманием следил за всеми этими событиями, но не вмешивался в них. Он прекрасно понимал, что кровавые усобицы в среде потомков Ногая и других его потенциальных преемников неизбежно приведут к их взаимному ослаблению. Нужно было только подождать, когда одна из противоборствующих партий обратится к нему за помощью. И в этом Токта не ошибся. Положение Тунгуза и Таза было критическим. Они с оружием в руках выступили против Джеки и, потерпев поражение, были вынуждены скрываться от него. Переходить на сторону хана им тоже было очень опасно, так как оба они слишком долго верой и правдой служили Ногаю и принимали самое активное участие во всех военных походах против Токты. Посовещавшись со своими сторонниками и женами, Тунгуз и Таз отправили послание хану, в котором выражали полную покорность и просили оказать им вооруженную поддержку [Тизенгаузен, 1884, с. 117].

Токта с готовностью откликнулся на это предложение и послал к эмирам большое войско, во главе которого поставил своего старшего брата Бурлука. Джека «не был в состоянии оказать им сопротивление и бежал в землю валахов», где в 1301 г. был арестован и убит [Тизенгаузен, 1884, с. 161, 384].

Только после этого Токта распределил территорию улуса Ногая между своими ближайшими родственниками и союзниками: Сарай-Бутой, Тукель-Бутой, Ильбасаром и другими. Тунгуз и Таз были прощены и, несомненно, тоже получили большие улусы, так как на протяжении последующих десяти лет никаких серьезных конфликтов с центральной властью у них не возникло [Тизенгаузен, 1884, с. 117, 384].

Из сыновей Ногая в живых остался только Турай. Зимой 1302 г. он организовал заговор с целью свержения Токты и утверждения на золотоордынском престоле Сарай-Буги. Отметим, что Сарай-Буга был младшим братом Токты, следующим за ним по возрасту и поэтому являлся одним из главных претендентов на ханский трон после его смерти или отречения. Правда, в случае успеха Сарай-Буга был бы уже третьим представителем одного поколения потомков Бату на золотоордынском престоле, и это несколько ослабляло его позиции. Тем не менее выбор Турая представляется вполне обоснованным.

Заговорщики со своим десяти тысячным войском переправились на левый берег Волги и попытались заручиться поддержкой старшего брата Токты Бурюка, который обещал помочь, но тайно направил своих людей в ханскую ставку с известием о замыслах Турая и Сарай-Буги. Хан немедленно потребовал заговорщиков к себе и казнил обоих [Тизенгаузен, 1884, с. 118—119]. Примерно в это же время сын Джеки Каракишек, оказавшись репрессий со стороны хана, в сопровождении ближайшего окружения бежал в район Кракова, где и оставался вплоть до кончины Токты [Тизенгаузен, 1884, с. 119, 161—162, 384].

При сопоставлении всех этих фактов может сложиться впечатление, что действия некоторых участников событий 1300—1302 гг. нелогичны и непоследовательны. Особенно странной представляется позиция хана Токты. После разгрома вражеской армии и гибели Ногая он полностью контролировал положение и поэтому имел реальную возможность привести к покорности или уничтожить любую оппозицию и утвердить свою власть на всей территории Северного Причерноморья. Однако, как это ни странно, Токта отдал инициативу своим политическим противникам и ушел в Сарай. Он не только не распределял земли улуса Ногая между своими ставленниками, но даже оставил здесь ни одного наместника или представителя. Таким образом, общие результаты блестящей победы над Ногоем оказались довольно скромными, а политическое противостояние между правым крылом и центром фактически сохранилось.

Во главе улуса Ногая утвердился Джеки, и хотя вопрос о его назначении, по-видимому, решался без согласования с ханской администрацией, сложившееся положение не вызвало немедленной жесткой реакции со стороны Токты. Весьма показательно, что на первых порах положение Джеки было достаточно устойчивым. Ему удалось не только захватить власть, но и собственными силами расправиться с внутренней оппозицией, возглавляемой могущественными эмирами. Следовательно, политическая деятельность Джеки находила понимание и поддержку у многих представителей местной феодальной знати.

Не менее интересна и деятельность Турая — младшего сына Ногая. Вероятно, до начала 1302 г. он не принимал активного участия в борьбе хана, царевичей и эмиров за контроль над правым крылом Золотой Орды. Только после того как улус Ногая

фактически перестал существовать, Турай выступил инициатором заговора против Токты, при этом совершенно ясно, что он не стремился сам утвердиться на золотоордынском троне, так как в случае успеха новым ханом должен был стать Сарай-Буга. Это значит, что для Турая гораздо важнее было решить какие-то другие проблемы. Какие именно? Почему именно он более других был заинтересован в устранении Токты?

Монгольский всадник

Сейчас довольно трудно с исчерпывающей полнотой ответить на эти вопросы. Действия того или иного политического лидера обычно бывают обусловлены целым комплексом известных и неизвестных причин, поэтому далеко не всегда их можно выстроить в стройный логический ряд. Тем не менее с большой долей вероятности можно предположить, что все наиболее важные события рассматриваемого периода неразрывно связаны одной ключевой проблемой — политическим статусом правого крыла Золотой Орды.

Этот вопрос уже неоднократно обсуждался в исторической литературе. Наиболее вероятной представляется точка зрения, согласно которой эта обширная территория представляла

собой наследственное владение потомков седьмого сына Джучи Бувала [Сафаргалиев, 1996, с. 327; Трепавков, 1993, с. 89]. Во-первых, многие исследователи считают, что территория левого крыла Золотой Орды в течение более 200 лет управлялась потомками пятого сына Джучи Шибана, то есть была наследственным владением династии Шибанидов [Бартольд, 1968, с. 134—135]. Следовательно, можно предполагать, что политическая организация правого крыла была очень близкой, если не полностью аналогичной. Во-вторых, признание того, что до начала XIV в. правым крылом Золотой Орды правила представители одного династического рода, снимает многие недоуменные вопросы, а отдельные поступки политических лидеров уже не кажутся опрометчивыми, непоследовательными и нелогичными.

При таком подходе становится ясно, что после смерти Ногай законными правителями правого крыла Золотой Орды могли быть только его кровные родственники, и никто другой не имел возможности, не нарушив традиции, претендовать на это место. Хан, как верховный правитель, имел право оказывать серьезное влияние на результаты выборов и даже заменить одного претендента другим, но и для него первоочередное значение должна была иметь родовая принадлежность того или иного кандидата. Хан мог наказать или устранить любого из своих подданных, но, очевидно, не имел права без экстренной необходимости полностью истребить целую ветвь Джучидов.

В связи с этим становится понятно, почему после гибели Ногай Токта не только не разделил земли его улуса, но даже не оставил здесь своих представителей. В нашем распоряжении нет никаких сведений о братьях или племянниках Ногай, поэтому после его гибели власть над правым крылом Золотой Орды по закону должна была достаться его старшему сыну Джеке. Очевидно, именно поэтому он пользовался поддержкой многих кочевых аристократов, которые помогли ему сначала утвердиться у власти, а позднее справиться с мятежниками. Токта не считал возможным открыто вмешиваться во внутренние дела улуса Джеки, а лишь «оказывал поддержку» его политическим противникам (между прочим, тоже родственникам Ногай).

Очевидно, Турай в это время занимал нейтральную, выжидательную позицию, надеясь на то, что после гибели или бегства других претендентов хан назначит его правителем пра-

вого крыла, тем более что в начале 1302 г. именно он являлся единственным законным приемником Джеки, так как был его младшим братом. Однако этого не произошло. По-видимому, Токта, испытав все трудности борьбы с Ногаем и его потомками, в условиях почти полного отсутствия законных претендентов на место Ногай, решил распределить земли правого крыла Золотой Орды между своими родственниками и союзниками и тем самым уничтожить наследственное владение потомков Бувала. Именно это обстоятельство побудило Турай организовать заговор против Токты с целью возведения на престол Сарай-Бути и восстановления своих прав на улус погибшего отца.

В сочинении Руки ад-Дина Бейбарса сообщается, что действия Турай руководило желание отомстить Токте за смерть отца и брата [Тизенгаузен, 1884, с. 118]. Вряд ли это действительно так. Если бы Турай просто метил Токте, то он бы начал свою деятельность несколько раньше и, скорее всего, готовил бы покушение на хана, а не занимался подготовкой государственного переворота, осуществить который было намного сложнее. Кроме того, нам известно, что Токта не только не был повинен в гибели отца Турая, но и отдал приказ о казни русского воина, осмелившегося убить Ногай [Тизенгаузен, 1884, с. 114, 160]. Отношения между Джекой и Тураем, судя по всему, были довольно напряженными. Джека не только захватил власть над правым крылом Золотой Орды «помимо брата», но и назначил своим заместителем эмира Тунгуза, а не Турая. Следовательно, Турай мог претендовать на улус отца только после смерти Джеки и поэтому, в определенной мере был даже заинтересован в его устранении. Как уже отмечалось, политическая деятельность Турая закончилась полным провалом и являлась последним эпизодом длительной и кровопролитной борьбы.

Токте вновь удалось объединить весь улус, отошедший когда-то Бату, причем его победа была обусловлена не только случайным стечением благоприятных обстоятельств. Ногай и его наиболее последовательные сторонники представляли интересы той части золотоордынской аристократии, которая придерживалась традиционных форм ведения кочевьего хозяйства. Утвердившись в своих улусах, они стали противниками усиления централизованного правления. Их экономические и политичес-

кие устремления не соответствовали закономерным тенденциям государственного развития, которые вполне отчетливо проявились на рубеже XIII—XIV вв.

В это время в Золотой Орде начинается процесс постепенного оседания части кочевников на землю, развиваются города, ремесленное производство, торговля, формируется разветвленный аппарат государственных чиновников. Токта со своими приближенными стремился к созданию сильного централизованного государства и укреплению ханской власти. Его политику активно поддерживали представители придворного сословия, кушды, жители городов, духовенство и та часть монгольской аристократии, которая осознала необходимость проведения крупных общегосударственных реформ. Все эти силы были кровно заинтересованы в дальнейшем экономическом развитии и политической стабильности.

Наиболее отчетливо изменения в отношении кочевой монгольской аристократии во главе с ханом к вопросам управления торгово-ремесленными центрами проявились в крупнейшей денежной реформе, проведенной правительством Токты в 1310—1311 гг. Существовавшая до этого система денежного обращения не способствовала развитию ремесла и торговли. Неодинаковые по весу и курсу монеты, чеканенные в различных центрах (Нижнем Поволжье, Волжской Болгарии, Крыму), сильно затрудняли денежные расчеты и являлись серьезным тормозом стабилизации экономической жизни государства. Реформа Токты носила общегосударственный характер. Все старые монеты были изъяты и запрещены, на смену им пришли дирхемы столичной чеканки стандартного веса и оформления [Федоров-Давыдов, 1973, с. 80]. Реформа была проведена настолько удачно, что сарайские дирхемы Токты находились в обращении до конца XIV столетия [Федоров-Давыдов, 1974, с. 179—180].

Стабилизация экономической и политической обстановки позволила Токте значительно активизировать дипломатическую деятельность. Уже в 1303 г. он выразил свои претензии на Азербайджан и даже угрожал хану Газалу войной. Но дальше угроза дело не пошло [Тизенгаузен, 1941, с. 83—84]. В годы правления Токты граница между Золотой Ордой и Ираном оставалась неизменной. Активных боевых действий здесь не велось, если не

считать нескольких мелких пограничных стычек, которые носили случайный характер и ни к каким серьезным последствиям не привели [Тизенгаузен, 1884, с. 120]. Торговые связи между Золотой Ордой и Ираном, осуществляемые в основном через Кавказ, в начале XIV в. значительно расширились.

В 1304 г. были восстановлены дипломатические отношения с Египтом, прерванные еще в середине 80-х гг. XIII столетия. Хотя послам Токты не удалось склонить султана Калсуна к возрождению военного союза против Ирана, отношения Золотой Орды и Египта постепенно становились все более и более дружественными, а обмены письмами и посольствами происходили почти ежегодно [Закиров, 1966, с. 67—70].

О событиях последних лет правления хана Токты сохранились лишь краткие и отрывочные сведения. Известно, что незадолго до своей болезни он занимался подготовкой похода на русские земли и в то же время «стал домогаться канства, но... умер, не добыв его» [Тизенгаузен, 1884, с. 162, примеч. 1; 1941, с. 141]. Токта скончался в январе 1313 г. По свидетельствам средневековых авторов, в это время ему было около 30 лет. Он «поклонился идолам и звездам, любил лам, мудрецов да врачей» [Тизенгаузен, 1884, с. 277]. Был он «государь чрезвычайно незлобивый, терпеливый и исполненный достоинства» [Тизенгаузен, 1941, с. 141].

Подводя итоги деятельности хана Токты, необходимо, прежде всего, отметить его энергичные и последовательные действия, направленные на укрепление государства, едва не распавшегося на части в результате происков Ногай и его последователей. На этом поприще Токта проявил себя как смелый полководец и дальновидный политик. Огромное значение имели экономические реформы, начатые Токтой. При нем был заложен фундамент экономического обновления Золотой Орды, и именно «в дни его царствования те страны дошли до чрезвычайного благосостояния, и весь улус его стал богат и доволен» [Тизенгаузен, 1941, с. 141].

В последние годы правления хана Токты одну из высших административных должностей в Золотой Орде занимал Кутлут-Тимур. Именно он «распоряжался управлением государства, устройством дел его и сбором податей», опираясь на помощь двух своих братьев — Мухаммед-ходжи и Сарай-Тимура, «ко-

торы вели для него дело» [Тизенгаузен, 1884, с. 515]. Хотя о деятельности Кутлуг-Тимура при Токте ничего не известно, можно предполагать, что его выдвижение было связано, прежде всего, с активным участием в экономических реформах. Во всяком случае, в войнах с Ногаем и его последователями он себя никак не проявил и в источниках его имя в связи с этими событиями ни разу не упоминается. Уже в это время Кутлуг-Тимур исповедовал ислам, придерживаясь суннитских взглядов. Совершенно ясно, что мусульманином был и его брат Мухаммед-ходжа.

После смерти Токты Кутлуг-Тимур не только сохранил огромное политическое влияние, но и сумел провести на престол своего двоюродного брата Узбека (мать Кутлуг-Тимура была дочерью Менгу-Тимура, то есть сестрой отца Узбека Тогрулджы) [Ибрагимов, 1988, с. 75].

Дата рождения Узбека неизвестна, ясно лишь то, что он родился не позднее 1291 г., так как в этом году был казнен его отец. Узбек занял ханский трон в возрасте около 30 лет. «Это молодой человек красивой наружности, отличного характера... храбрый и энергичный» [Тизенгаузен, 1884, с. 197].

Еще до окончательного решения вопроса престолонаследия Кутлуг-Тимур поставил перед Узбеком целый ряд условий, основным из которых было обращение последнего в ислам. Это требование, безусловно, носило не только религиозный, но также политический и экономический характер, поскольку утверждение ислама в Золотой Орде было неразрывно связано с идеей дальнейшей централизации государства, укреплении ханской власти, развитием городов, ремесла и торговли.

Судя по последующим событиям, все эти требования были Узбеком добросовестно выполнены. Кутлуг-Тимур остался в должности визиря и занимал самое почетное место при дворе нового хана. В это время ни один важный вопрос внешней и внутренней политики не решался без его ведома. Именно он возглавляет походы золотоордынских войск, предлагает наиболее действенные способы борьбы с заговорщиками, советует молодому хану отказаться от претензий на трон Хорасана, дает наставления ханским послам по поводу предстоящего сватовства царевны из дома Узбека с султаном Египта.

В возведении Узбека на трон самую активную роль играла старшая жена его отца Байлунь. Она происходила из знатного и влиятельного рода, ее брат Бай-Тимур долгое время был наместником Хорезма. Для того чтобы посадить Узбека на трон, Байлунь потратила огромное количество денег и опутала всех сетями интриг, подкупа и шантажа. Позднее Байлунь неоднократно заявляла, что именно она добила Узбеку-царство. На Байлунь Узбек женился сразу же после своего воцарения, и она стала его старшей женой — царицей, именно под таким титулом ее имя упоминается в русских летописях и именно так называют ее Ибн Баттута [Прицелков, 1950, с. 357; Тизенгаузен, 1884, с. 293, 298].

Брак с вдовой своего отца для мусульманина Узбека был незаконным, хотя по монгольским обычаям считался вполне нормальным явлением [Марко Поло, 1955, с. 88]. Для разрешения этого конфликта Узбек обратился к одному из мусульманских правоведов Имад ад-Дину, который позволил ему жениться на Байлунь, обосновав свое решение тем, что «отец его (Узбека) был неверный, вследствие чего его брак был преступен» [Тизенгаузен, 1884, с. 324].

В настоящее время довольно трудно установить, как именно Узбек овладел золотоордынским тронном, так как в источниках содержится несколько версий его вступления на престол. Например, в «Продолжении сборника летописей» Рашид ад-Дина это событие описано следующим образом. После смерти хана Токты «эмиры и нойоны стали спорить относительно царской власти. Кутлук-Тимур, эмир Сарая, сказал: "Царство принадлежит сыну Токтая, но сперва нужно схватить Узбека, потому что он враг (нам), а после того уже можно сделать царем сына Токтая". Они (эмиры) согласились с этим... В числе их (находился) один эмир, по имени также Кутлук-Тимур; он известил Узбека о замысле их. Причину вражды эмиров к Узбеку было то, что Узбек постоянно требовал от них обращения в православие и ислам и побуждал их к этому... они же, вследствие этого, чувствовали к нему вражду и старались устранить его. С этой целью они устроили пирушку, чтобы (на ней) покончить с ним. Когда Узбек прибыл на пир, то Кутлук-Тимур сообщил ему секретно о замысле эмиров... Узбек немедленно сел на коня, ускакал и, собрав войско, одержал верх (над ними). Сына Ток-

так со 120 царевичами... он убил, а тому эмиру, который предупредил его, оказал полное внимание и заботливость... Узбек сделался государем на престоле царства Джучи-хана и стал могущественным властителем» [Тизенгаузен, 1941, с. 141].

Вряд ли можно сомневаться в достоверности большинства исторических фактов, приведенных в этом сообщении, однако общий контекст повествования, а также расстановка акцентов не всегда понятны и поэтому вызывают целый ряд вопросов.

Во-первых, не ясно, почему «законного» претендента на золотоордынский трон можно было возвести на престол только после (!) устранения царевича Узбека. Такое решение вопроса престолонаследия предполагает, что полноправным преемником хана Токты был не его старший сын, а именно Узбек.

Во-вторых, очень трудно понять, каким образом один царевич, пусть даже и достаточно влиятельный, мог оказывать настолько сильное давление на эмиров, что они вынуждены были составить против него заговор. Как уже отмечалось, еще в годы правления Токты некоторые высшие государственные служащие (визирь Кутлуг-Тимур, его заместитель Мухаммед-ходжа, правовед Имад ад-Дин, посол Токты в Египте Аля ад-Дин Али) открыто исповедовали ислам, и никто за это их убивать не собирался.

В-третьих, и это самое главное, сейчас можно считать установленным, что Узбек стал мусульманином только после воцарения. Этот факт подтверждается независимыми источниками — египетскими хрониками и русскими летописями. В сочинениях некоторых египетских авторов отмечено, что Узбек принял ислам уже после того, как стал ханом Золотой Орды [Тизенгаузен, 1884, с. 323]. В русских летописях есть прямые указания на то, что «новый царь Азюк сяде на царстве» и только после этого «обесерменился» [ПСРЛ, 1885, с. 178; 1913, с. 87].

Это обстоятельство имеет очень большое значение для правильного понимания деятельности Кутлуг-Тимура, Балдуна и других сторонников Узбека. Все они были опытными, дальновидными политиками и прекрасно понимали, что возведение на престол претендента-мусульманина будет сопряжено с определенными трудностями, так как неизбежно натолкнется на ожесточенное сопротивление наиболее реакционных

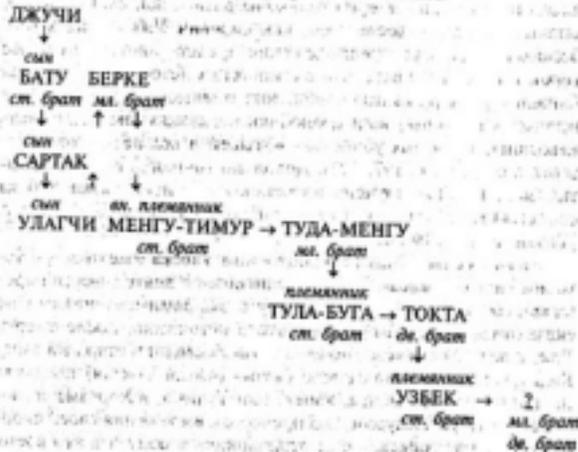
представителей золотоордынской аристократии. В такой ситуации было гораздо проще и разумнее утвердить на троне полноправного царевича, кандидатура которого не вызвала бы особых возражений ни в одной из влиятельных политических группировок, предварительно обговорив с ним все наиболее важные условия. После этого, в случае успеха, оставалось только официально объявить о том, что молодой хан обратился в ислам, и таким образом поставить всех оппозиционеров перед свершившимся фактом. Именно поэтому Кутлуг-Тимур до решения вопроса престолонаследия и не пытался обратить Узбека в ислам, а только «наил с него слово, что когда он вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама» [Тизенгаузен, 1884, с. 323].

Следовательно, можно предполагать, что приведенный в «Продолжении сборника летописей» рассказ повествует о реальных событиях. Неверна только их датировка. Скорее всего, они происходили после того, как царевич Узбек стал ханом Золотой Орды. Это предположение представляется тем более вероятным, если учесть, что в египетских источниках имеются близкие по содержанию сообщения о мятеже группы эмиров против нового хана, религиозной войне, казнях «эмиров и знатных лиц», массовых убийствах «бахшей и волшебников» [Тизенгаузен, 1884, с. 197, 323]. Довольно точная дата этих событий может быть получена на основании письма хана Узбека египетскому султану, которое прибыло в Каир весной 1314 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 163].

Интересные данные о воцарении Узбека имеются в «Истории Шейх-Уэйса». Здесь о религиозной деятельности царевича Узбека и его борьбе за веру с эмирами-язычниками не сказано ни слова. По данным этого источника, после смерти Токты остался его «сын по имени Ильбасмыш и старший эмир Кадак, который желал после Газана (чигай Токтая) посадить на престол Ильбасмыша. Узбек, сын Тулгичи, в Хорезме сговорился с Кутлуг-Тимуром, под предлогом выражения своей скорби (о смерти) государя они отправились в орду и в это время (ауденции) Узбек вонзил нож в Ильбасмыша, а Кутлуг-Тимур ударил ножом Кадака, и они обоих убили. Царствование перешло к Узбеку, и он вступил на престол султанства» [Тизенгаузен, 1941, с. 100].

Большинство специалистов по истории Золотой Орды принимают эту версию и не сомневаются в том, что Узбек был ууршатором [Греков, Якубовский, 1950, с. 90; Егоров, 1990, с. 52; Насонов, 1996, с. 134, примеч. 37; Федоров-Давыдов, 1973, с. 103—105]. Имеются и точки зрения, допускающие мирное развитие событий [Малов, Малышев, Ракушин, 1998, с. 105; Мыськов, 1994, с. 48—51].

Для решения этого вопроса необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего, отметим, что ни один из золотоордынских ханов от Берке до Узбека не был сыном предшествовавшего правителя. Следовательно, можно не сомневаться в том, что в начале XIV в. в Золотой Орде продолжала существовать традиция, которая предусматривала избрание нового хана из среды близких родственников умершего монарха, но не из числа его прямых потомков.

По основным правилам этой системы престолонаследия сыновья умершего хана (не основателя династического рода), вплоть до кончины следующего правителя исключались из числа претендентов на трон, и любые их попытки овладеть верхов-

ной властью рассматривались как незаконные. Именно поэтому старший сын Токты Ильбасар «специально воспитывался для командования войсками», а не для наследования трона [Тизенгаузен, 1884, с. 123].

В подавляющем большинстве источников нет сведений о том, что перед смертью Токта назначил себе преемника, хотя он и имел такую возможность, так как его кончина не была скорострительной. Узбек вполне мог законным образом претендовать на золотоордынский трон и, кроме того, в сравнении с другими потенциальными наследниками обладал серьезными преимуществами, поскольку не только был племянником умершего хана, но и являлся старшим сыном его брата Тогруджки. Он был одним из основных претендентов на золотоордынский трон, хотя его кандидатура была и не единственной. Кроме него на престол могли претендовать Юз-Буга — старший сын Кунчека, Улус-Буга — старший сын Мулака, Кункас — сын Кудукана. Именно поэтому Узбек и его сторонники должны были быть заинтересованы в союзе законного курултая, а не в подготовке государственного переворота.

Действия Баалуни и Кутлуг-Тимура после смерти Токты совсем не похожи на действия заговорщиков. Баалунь провела целую «предвыборную кампанию», стараясь склонить дареничей и влиятельных эмиров к кандидатуре Узбека. Для этого использовались все возможные средства. Она давала деньги «для того, кто требовал денег, коней, для того, кто требовал коней, одежды, для того, кто требовал одежду, улаживала... дела того, кто требовал... услуг» [Тизенгаузен, 1884, с. 516]. Заявление Баалуни о том, что именно она добыла Узбеку царство, также совершенно недвусмысленно свидетельствует, что именно ее деятельность обеспечила успех Узбека, при этом довольно трудно представить ее в роли убийцы законного наследника престола.

По мнению В.Л. Егорова, подавляющее большинство Джучидов категорически высказалось против выдвижения Узбека, так как он исповедовал ислам [Егоров, 1974, с. 42]. Конечно, Баалуни и Кутлуг-Тимуру не удалось привлечь на свою сторону всех золотоордынских аристократов, были и непримиримые противники, которые прекрасно понимали, к какому последствием может привести их дальнейшая политическая деятель-

ность. Однако, скорее всего, противники Узбека оказались в меньшинстве. Экономические реформы, начатые Токтой, судя по их успешной реализации, имели уже большое число сторонников. Теоретически Узбек мог захватить власть, «вонзить нож» в Илбасара (Ильбасмыша), но удержаться у власти, относительно быстро сломить сопротивление своих политических противников, успешно проводить в жизнь экономические и религиозные реформы можно было только при поддержке большинства золотоординских аристократов.

Интересно, что сведения об убийстве сына Токты содержится только в «Продолжении сборника летописей» Рашид ад-Дина и в «Истории Шейх-Увейса». Во всех других персидских и египетских источниках мы не находим даже намеков на то, что Кутлуг-Тимур, Бадунь и Узбек готовили заговор против «законного» наследника Токты, хотя содержатся некоторые данные, имеющие прямое отношение к интересующей нас теме.

В книгах Ибн Дукмака и ал-Айни приводится довольно подробный отчет о деятельности египетского посольства, находившегося в ставке Токты во время его болезни и смерти. «Когда они (египетские послы) прибыли в местность... Курна, на расстоянии 10 дней от города Сарая, то они застали там Токту больным и, вследствие болезни его, не виделись с ним, а явились к женам его, представили бывшие с ними подарки, и стали выжидать выздоровления его, но он умер; хатун снарядила обоих (послов) и назначила им на переезд из Крыма 30 000 дирхемов Крымских... Кутлуг-Тимур... обратился за помощью к... бывшей жене Тогрылджи, отца Узбекова, и уславился с нею возвести Узбека... Ему и присуждено было вступить на престол» [Тизенгаузен, 1884, с. 323, 515].

Это сообщение, по-видимому, написано со слов очевидцев — египетских послов, лично побывавших в Орде во время болезни и смерти Токты, поэтому его можно считать вполне достоверным. Действия основных участников этих событий описаны весьма правдоподобно, имеется даже конкретная информация по финансированию обратного путешествия египетских послов, которая представляется вполне реальной.

Если бы Токта при жизни назначил себе преемника, то он незамедлительно прибыл бы ко двору во время болезни или сразу же после смерти хана. Однако этого не произошло. Египетские послы отдали подарки женам Токты, довольно долго дожидаясь его выздоровления и отбыли в Крым, так и не увидев хана. В обратную дорогу их снарядила жена Токты. Эти факты достаточно убедительно свидетельствуют о том, что полноправного наследника у Токты просто не было, а Узбек был избран ханом на законном курултае, состоявшемся уже после отъезда египетских послов. В этом отношении весьма показательным замечанием о том, что Узбеку было «присуждено» вступление на престол.

В книге Ибн Дукмака имеется прямое указание на то, что Токта не оставил после себя наследников [Тизенгаузен, 1884, с. 323]. Известно, что его старший сын Илбасар умер за несколько лет до кончины Токты, в 1309—1310 гг. [Тизенгаузен, 1884, с. 123]. Правда, ал-Бирзали писал о том, что он оставил после себя сына, то есть внука Токты, которого хан якобы назначил своим преемником [Тизенгаузен, 1884, с. 174]. Даже если этот внук в самом деле существовал, то ему в 1313 г. никак не могло быть более 5—7 лет, и поэтому он вряд ли реально претендовал на престол. В генеалогии Джучидов упомянуты еще два сына Токты — Ябарыш и Тукель-Буга [Тизенгаузен, 1941, с. 51]. К сожалению, о них почти ничего не известно, только у ал-Нувейри есть краткое упоминание о назначении одного из них — Букул-Бути (Тукель-Бути?) «в земли Ногай» в первые годы XIV столетия [Тизенгаузен, 1884, с. 161]. В связи с более поздними событиями их имена нигде не упоминаются.

Очень важно, что в русских летописях нет никаких, даже самых кратких упоминаний об убийстве сына Токты, хотя восшествие Узбека отражено во многих летописных сводах. Среди них есть и весьма лаконичные сообщения: «Седе на царстве Озбек в Орде» и довольно пространные рассказы [ПСРЛ, 1856, с. 186; 1913, с. 87—88; 1928, стб. 529; 1949, с. 160; 1980, с. 27]. «В лето 6821 (1313—1314 гг.) умре царь Тахта татарский... Того же лета седе царь Азбек на царстве и обесерменился. Того же лета князь велики Михайло Ярославич тверской поиде во Орду, тако же и Петр, митрополит киевский и всея Руси, а купе с ним поиде во Орду того ради, поможет тогда во Орде Тахта царь умре, а новый царь Азбек сел на царстве, и вся обновилася, и вси прихажу во Орду и ярлыкни имаху» [ПСРЛ, 1885, с. 178].

Вряд ли можно заподозрить русских летописцев в особых сим-

патиях к тому или иному претенденту на золотоордынский трон и в сознательном искажении исторических фактов, особенно если учесть, что в летописях содержится сведения о кровопролитной борьбе Ногай со сторонниками Тула-Бути, о жестоком противостоянии Токты и Ногай, о братоубийствах Джанибека, Бердибека и многих других нелицеприятных фактах.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предполагать, что Узбек стал ханом Золотой Орды на вполне законных основаниях, а не в результате переворота и предательского убийства сына Токты. Это отнюдь не исключает вероятности упорной борьбы за власть между различными политическими группировками золотоордынских аристократов, однако физическое уничтожение наиболее рьяных противников реформ, по-видимому, было осуществлено уже после того, как Узбек овладел золотоордынским тронном.

С самого начала своего правления Узбек объявил ислам государственной религией и начал проводить политику исламизации, действуя активно, решительно и бескомпромиссно. Всем представителям золотоордынской аристократии было предъявлено ультимативное требование — немедленное обращение в исламство, в противном случае грозило смертью. Узбек «умертвил несколько эмиров и знатных лиц и убил множество бахшей и волшебников» [Тизенгаузен, 1884, с. 197]. Менее чем через год после прихода к власти Узбек сообщил египетскому султану, «что в государстве его оставалась еще шайка людей, не исповедовавших ислама, но что он... предоставил им выбирать или вступление в мусульманскую религию, или войну, что они отказались и вступили в бой, что он... уничтожил их посредством избивания или пленения» [Тизенгаузен, 1884, с. 163]. Совершенно ясно, что в данном случае речь идет о золотоордынской аристократии, а не о рядовых горожанах и кочевниках. Мнение о том, что с самого начала правления Узбека большая часть населения Золотой Орды обратилась в ислам, является ошибочным.

Дело в том, что ислам в Золотой Орде встретил на пути своего распространения серьезные трудности. Даже в городах в эпоху расцвета Золотой Орды, то есть в первой половине XIV в., население было мусульманизировано довольно слабо [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 158]. В кочевой степи это

процесс шел еще более медленными темпами. До начала XV в. отдельные группы кочевников продолжали придерживаться традиционных языческих обрядов и обычаев. Об этом со всей определенностью свидетельствуют данные письменных источников и археологические материалы [Мыськов, 1992, с. 20].

По сообщению Ибн Арабшаха, писавшего свое сочинение в начале XV в., «некоторые жители Деишт-Килчака еще до сих пор поклоняются идолам» [Тизенгаузен, 1884, с. 457]. Не менее интересно в этом отношении и замечание Руи Гонсалеса де Клавио, который в начале XV в. писал о том, что «Единей обращал и обращает татар в магометанскую веру» [Руи Гонсалес де Клавио, 1990, с. 144].

К настоящему времени исследованы сотни точно датированных золотоордынских погребальных комплексов, среди которых выделяется группа памятников с нумизматическими находками середины — второй половины XIV столетия. Многие из них представляют собой захоронения, не имеющие ничего общего с нормами мусульманской погребальной обрядности [Дремов, 1985, с. 243; Крупнов, Мунчаев, 1963, с. 240; Мамонтов, 1992, с. 27; Рыков, 1936, с. 116; Шиллов, 1959, с. 378].

Тем не менее бесспорно, что при хане Узбеке Золотая Орда вступила в новый этап своего развития. Первые шаги на пути экономического обновления государства были сделаны уже в самом начале XIV в. При хане Токте была проведена унификационная денежная реформа и осуществлен перенос экономического центра Золотой Орды из Болгара в Нижнее Поволжье [Мухаммадиев, 1983, с. 63]. Политика Узбека являлась непосредственным продолжением деятельности хана Токты, так как и при Токте, и при Узбеке она проводилась в жизнь одним и тем же человеком — Кутлуг-Тимуром.

В годы правления Узбека территория Золотой Орды уже не рассматривалась как родовая собственность всех потомков хана Бату. Уходит в прошлое обычай создавать курултай и решать на них наиболее важные вопросы. Наследование престола осуществляется по прямой линии — от отца к сыну (Узбек на троне сменил его сын Джанибек, которому наследовал его сын Бердибек). Все большую роль в экономической и политической жизни государства начинают играть не представители кочевой аристократии, а чиновники-эмиры. Скорее всего, именно по-

этому на золотоордынских монетах, отчеканенных после середины 30-х гг. XIV в., уже не изображают «Высокую тамгу» — знак единства власти всех представителей дома Бату.

При Узбеке Золотая Орда вступила в период политической стабильности и экономического процветания. Товарно-денежные отношения проникают во все сферы жизни, наблюдается бурное развитие городов, ремесел и торговли. Эти успехи были обусловлены глубокой продуманностью нового политического курса, настойчивостью и своевременностью проведенных реформ. Первый период истории Золотой Орды, характеризующийся безраздельным политическим господством кочевой монгольской аристократии, заканчивается.

Заключение

Анализ письменных источников, повествующих о наиболее важных исторических событиях XIII — начала XIV в., и использование данных нумизматики позволяют скорректировать существующую хронологию правлений первых золотоордынских ханов, по-новому взглянуть на некоторые проблемы политической истории Золотой Орды и более аргументированно связывать отдельные события с деятельностью того или иного политического лидера.

Наиболее вероятно, что идея проведения завоевательного похода против государств Центральной Европы зародилась в аристократических кругах Монгольской империи во второй половине 30-х гг. XIII в. Бату получил официальный приказ от верховного командования о вторжении в Польшу и Венгрию. Мнения о том, что Бату покорила Центральную Европу в связи с серьезными разногласиями между подчиненными ему царевичами-чингизидами и их стремлением оставить армию для участия в работе курултая по выборам нового кагана, недостаточно обоснованы.

Очевидно, уже в начале 40-х гг. XIII в. Бату стал весьма сдержанно относиться к идее дальнейшего расширения своих и без того необъятных территориальных владений, а смерть великого кагана Угедея освобождала его от необходимости выполнять приказы верховного командования и продолжать наступление в западном направлении. Тем не менее следует отметить, что поход 1241—1242 гг. закончился отнюдь не безрезультатно, и в зависимость от Золотой Орды попали некоторые государства Западного Причерноморья.

Анализ источников и сопоставление данных средневековых генеалогий с некоторыми традиционными правилами престолонаследия показывают, что в XIII — начале XIV в. в Золо-

той Орде имелись четкие представления о порядке наследования верховной власти. Правила престолонаследия в это время выдерживались довольно строго. Среди ханов, управлявших Золотой Ордой в XIII — начале XIV в., не было ни одного самозванца, хотя некоторых из них — Сартака, Улагчи и Токту — следует считать узурпаторами.

Старший сын Бату Сартак узнал о смерти своего отца в конце 1255 г., находясь при дворе великого кагана. Менгу назначил его ханом Золотой Орды, а Сартак дал официальное разрешение на завоевание обширных территорий, расположенных к западу от Амударьи, которые по завещанию Чингизхана должны были отойти под контроль Джучидов. Кроме того, по приказу Сартака на помощь армии Хулагу были направлены крупные воинские контингенты под командованием Балакана и Тутара. Все эти действия Сартака вызвали крайне отрицательную реакцию у большинства золотоордынских аристократов. Поэтому в 1256 г., вскоре после возвращения из Каракорума, он был убит.

Смерть Сартака не привела к серьезному изменению политической ситуации в Золотой Орде, так как позиции Каракорума в это время были еще достаточно сильны. В 1257 г. по повелению Менгу на трон был посажен малолетний сын Сартака Улагчи, а реальная власть на длительный срок отдала бывшей старшей жене Бату Боракчин. Эти назначения вновь были осуществлены не на курултае, а по распоряжению великого кагана, то есть в обход пожеланий большинства золотоордынских шаревичей и эмиров.

Боракчин явно ориентировалась на Каракорум, поэтому можно не сомневаться в том, что ее политическая деятельность во многом, если не во всем, совпадала с деятельностью Сартака и отвечала интересам партии Менгу. Данные египетских и персидских средневековых авторов о том, что формальное царствование Улагчи и правление Боракчин продолжались очень недолго, скорее всего, ошибочны. Судя по сообщениям русских летописцев и взаимосвязи наиболее важных исторических событий, Боракчин удерживалась у власти около 2 лет, до 1259 г. Именно в годы ее правления была проведена первая перепись населения Руси и осуществлен выпуск монет от имени великого кагана Менгу. При Бату, Сартаке и Борак-

чин Золотая Орда продолжала оставаться улусом Монгольской империи, однако если зависимость Бату от Каракорума была лишь формальной, то Сартак и Боракчин являлись марионетками великого кагана Менгу и проводили политику, которая серьезно ущемляла интересы большей части кочевой золотоордынской аристократии.

В августе 1259 г. положение резко изменилось. Скоропостижно скончался великий каган Менгу. Около полугода в империи вообще не было правителя, а затем появилось сразу два кагана — Хубилай и Ариг-Буга, которые начали вооруженную борьбу за императорский трон. Воспользовавшись нестабильной обстановкой, Джучиды сумели расправиться с Улагчи, устранить Боракчин и возвести на престол своего ставленника Берке, который имел законные права на золотоордынский трон после смерти Бату.

В начале 60-х гг. XIII в. во внешней и внутренней политике Золотой Орды происходят серьезные изменения. Начинаются кровопролитные войны с Ираном, устанавливаются прочные связи с Египтом, осуществляется военный поход против Византии. Золотая Орда выходит из состава Монгольской империи и становится фактически независимым государством, хотя в начале правления Берке не помышлял об обособлении своего улуса.

После смерти хана Берке в 1266 г. на золотоордынском престоле утвердился Менгу-Тимур. Очевидно, он был официально провозглашен преемником Берке еще при жизни последнего. Хотя Менгу-Тимур никогда не был мусульманином, его политика являлась прямым продолжением курса, избранного при Берке. В годы его правления дипломатические контакты между Капром и Сараем не только не ослабели, но стали еще более оживленными, а враждебные отношения с Китаем и Ираном неоднократно обострялись и даже принимали форму вооруженного противоборства. Отношения с Византией, по-видимому, были достаточно стабильными. Сведения средневековых авторов о походе войск Менгу-Тимура на Константинополь в 1269—1270 гг. или в 1271—1272 гг., скорее всего, ошибочны. В связи с этим нет особых оснований говорить о постоянном политическом противостоянии Золотой Орды и Византии.

С начала 80-х гг. XIII в. одну из главных ролей в политической жизни Золотой Орды стал играть Ногай. Сейчас можно не

сомневаться, в том, что он был полноправным Джучидом и занимал ответственные государственные посты на вполне законных основаниях. Ногай возвысился еще в годы правления Берке, однако в полной мере его политическое лидерство проявилось только после смерти Менгу-Тимура. Он являлся правителем правого крыла Золотой Орды, причем власть над этой территорией досталась ему по наследству от деда. Однако он не принадлежал к правящей династии и не мог законным образом претендовать на ханский престол. Именно поэтому Ногай никогда не стремился овладеть золотоордынским тронem, а предпочитал выступать как умудренный опытом «ака».

Основной задачей большинства политических предприятий Ногая было превращение собственных владений в фактически независимое государство, но только при условии их формального сохранения в качестве правого крыла «единой» Золотой Орды. Он не хотел быть ни явным сепаратистом, ни узурпатором, и именно этим следует объяснить успехи его политической деятельности.

Хотя Ногай обладал огромным влиянием и неоднократно назывался царем или правителем в сочинениях многих средневековых авторов, его власть почти всегда была в большей или меньшей степени ограничена. Постоянно контролируя положение дел при дворе и оказывая определяющее влияние на решение многих общегосударственных проблем, он выполнял отдельные приказы ханов, подчеркивал свое зависимое положение и в большинстве случаев опирался не столько на подчиненные ему силы, сколько на противоборствующие придворные группировки. Мнение о том, что Ногай неоднократно по своей воле менял золотоордынских ханов, не подтверждается имеющимися данными и несколько искажает действительную политическую ситуацию, сложившуюся в Золотой Орде в последние десятилетия XIII в.

Возведение на золотоордынский престол полноправного преемника Менгу-Тимура — царевича Тула-Менгу в 1282 г. происходило при непосредственном участии Ногая, однако этого хана вряд ли можно в полной мере считать его ставленником. Известно, что кандидатуру Тула-Менгу активно поддерживали и другие влиятельные представители золотоордынской аристократии, например Джиджек-хатунь. Очевидно,

сторонники возведения на трон безвольного Тула-Менгу изначально стремились к разделу сфер влияния: Джиджек-хатунь стала во главе сарайского правительства, а Ногай получил полную свободу действий в пределах своего обширного улуса.

Наиболее вероятно, что Тула-Менгу был отстранен от власти по инициативе партии Тула-Буги, а Ногай либо вообще не принимал участия в этой борьбе, либо он и его сторонники на выборах нового хана оказались в меньшинстве. В источниках нет сведений о том, что Тула-Буга был ставленником Ногая, отдельные факты, скорее, свидетельствуют об обратном. Следовательно, можно предположить, что отстранение от власти Тула-Менгу являлось своеобразной ответной реакцией части золотоордынской аристократии на политическую деятельность Ногая.

Ногай был одним из главных инициаторов физического устранения всех членов партии Тула-Буги и возведения на престол Токты в 1291 г. Но и в этом случае он пользовался поддержкой многочисленных эмиров и царевичей, возглавляемых Токтой, Бурлюком, Туданом и Сарай-Бугой. Токта, несомненно, был ставленником Ногая. По традиционным правилам престолонаследия некоторые из его родственников имели больше прав на золотоордынский трон, тем не менее ханом был провозглашен именно он.

Первое крупное столкновение армий Токты и Ногая произошло в нижнем течении Дона осенью 1297 г. После поражения Токты Ногай попытался значительно расширить сферы своего влияния в Крыму. Однако эта попытка не увенчалась успехом и свелась к погрому и ограблению многих крымских городов. После этих событий большая часть золотоордынской аристократии постепенно перешла на сторону хана. В 1299 г. Токта организовал второй поход, в результате которого армия Ногая была разбита, а сам он погиб.

Эта победа имела очень большое значение, но не обеспечила Токте возможности поставить под свой контроль территорию правого крыла Золотой Орды, так как полноправными преемниками Ногая могли быть лишь его прямые потомки. Только после гибели старших сыновей Ногая Токта смог разделить территорию правого крыла Золотой Орды между своими родственниками и союзниками, уничтожив тем самым наследственное владение потомков Бувала.

Деятельность Ногай и его сторонников не соответствовала закономерным тенденциям государственного развития, которые вполне отчетливо проявились в Золотой Орде на рубеже XIII—XIV вв. Токта вместе со своими приближенными стремился к укреплению ханской власти и созданию сильного централизованного государства. Именно поэтому его политика находила понимание и поддержку в среде придворного сословия, духовенства, купечества, городского населения и той части золотоордынской аристократии, которая осознала необходимость политической стабилизации и экономических реформ.

После смерти Токты в 1313 г. на золотоордынском престоле утвердился Узбек. Анализ источников позволяет предполагать, что он стал ханом Золотой Орды на вполне законных основаниях, а не в результате убийства сына Токты и дворцового переворота, как об этом сообщают некоторые персидские авторы.

Политика Узбека являлась непосредственным продолжением деятельности хана Токты, так как и при Токте, и при Узбеке она проводилась в жизнь одним и тем же человеком — Кутлуг-Тимуром. Уже в первые годы правления Узбека в политической и экономической жизни государства произошли кардинальные изменения. Золотая Орда вступила в новый этап своего развития, изучение которого должно стать темой специального исследования.

Список литературы

Али-Заде, 1956: *Али-Заде А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку.

Амброджио Контарини, 1986: *Амброджио Контарини.* Рассказ о путешествии в Москву в 1476—1477 гг. // *Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.* Л.

Аннинский, 1940: *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе // *Ист. архив.* Т. III. М.; Л.

Астайкин, 1996: *Астайкин А.* Летописи о монгольских вторжениях на Русь: 1237—1480 // *Русский разлив.* М.

Бартольд, 1963: *Бартольд В.В.* Соч. Т. II, ч. 1. М.

Бартольд, 1968: *Бартольд В.В.* Соч. Т. V. М.

Бережков, 1963: *Бережков Н.Г.* Хронология Русского летоисчисления. М.

Березин, 1864: *Березин И.Н.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева // *Тр. Вост. отд-ния Рус. археол. об-ва.* Ч. 8. СПб.

Бокшанин, 1977: *Бокшанин А.А.* Попытки монголо-китайского вторжения в страны Юго-Восточной Азии // *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М.

Босворт, 1971: *Босворт К.Э.* Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. М.

Брун, 1867: *Брун Ф.* О дипломатических сношениях египетского султана Бибарса с золотоордынским ханом Берке // *Зап. одес. об-ва истории и древностей.* Т. 6. Одесса.

Вернадский, 1997: *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; М.

Веселовский, 1916: *Веселовский Н.И.* Заметки по истории Золотой Орды // *Изв. отд-ния рус. яз. и словесности император. Акад. наук.* Т. XXI, вып. 1. Пг.

Веселовский, 1922: *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // *Зап. Рос. Акад. наук.* Т. XIII. Пг.

Владимирцов, 1934: *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Л.

Галстян, 1962: *Галстян А.Г.* Армянские источники о монголах. М.

- Галстян, 1977: *Галстян А.Г.* Завоевание Армении монгольскими войсками // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987: *Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.* Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Горский, 1995: *Горский А.А.* Москва, Тверь и Орда в 1300—1339 годах // Вопр. ист. № 4.
- Греков, Шахмагонов, 1988: *Греков Н.Б., Шахмагонов Ф.Ф.* Мир истории: Русские земли в XIII—XV веках. М.
- Греков, Якубовский, 1950: *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Григорьев, 1983: *Григорьев А.П.* Золотоордынские ханы 60—70-х годов XIV в. Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. Л.
- Гумилев, 1977: *Гумилев Л.Н.* «Тайная» и «внятая» история монголов XII—XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Гумилев, 1994: *Гумилев Л.Н.* В поисках вымышленного царства. СПб.
- Давидович, 1972: *Давидович Е.А.* Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Масудбека (XIII в.). М.
- Далай, 1977: *Далай Ч.* Борьба за великокняжеский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Дашков, 1996: *Дашков С.Б.* Императоры Византии. М.
- Джамал Карши, 1988: *Абу-Файд ибн Мухаммад Джамал ад-Дин Карши.* Мухаллат ас-сурах // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X—XIX вв. Ташкент.
- Дремов, 1985: *Дремов И.И.* Погребение воина с джучидскими монетами // Сов. археол. № 4.
- Егоров, 1974: *Егоров В.Л.* Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопр. ист. 1974.
- Егоров, 1985: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М.
- Егоров, 1990: *Егоров В.Л.* Золотая Орда: мифы и реальность. М.
- Егоров, 1992: *Егоров В.Л.* Русь противостоит Орде // Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. Прил. М.

- Закиров, 1966: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII—XIV вв.). М.
- Зотов, 1892: *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб.
- Зуев, 1981: *Зуев Ю.А.* Историческая проекция казахских генеалогических преданий // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата.
- Ибрагимов, 1988: *Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. М.
- Изборник, 1986: *Изборник:* Повести Древней Руси. М.
- Иловайский, 1996: *Иловайский Д.И.* История России. Становление Руси. М.
- История Болгарии, 1954: *История Болгарии.* Т. 1. М.
- История ТАССР, 1973: *История Татарской АССР.* Казань.
- История Татарии, 1937: *История Татарии* в документах и материалах. М.
- Карамзин, 1992: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV. М.
- Каргалов, 1966: *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. М.
- Каргалов, 1968: *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси // Феодальная Русь и кочевники. М.
- Карташев, 1991: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М.
- Клишторный, Султанов, 1992: *Клишторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан: Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата.
- Костомаров, 1997: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 1. М.
- Костоюков, 1997: *Костоюков В.П.* Памятники кочевников XIII—XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Крушков, Мунчаев, 1963: *Крушков Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Кульпин, 1998: *Кульпин Э.С.* Золотая Орда. М.
- Кучкин, 1991: *Куман В.А.* Русь под игом: как это было? М.

- Мавродина, 1983: *Мавродина Р.М.* Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Л.
- Майский, 1962: *Майский И.М.* Чингиз-хан // Вопр. ист. № 5.
- Макарий, 1995: *Макарий.* История русской церкви: Кн. третья. М.
- Малов, Малышев, Ракушин, 1998: *Малов Н.М., Малышев А.Б., Ракушин А.И.* Рейнгия в Золотой Орде. Саратов.
- Мамонтов, 1992: *Мамонтов В.И.* Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
- Марков, 1905: *Марков А.К.* О монетах хана Ногай // Тр. Моск. пушмант. об-ва. Т. III, вып. 2 М.
- Марко Поло, 1955: Книга Марко Поло. М.
- Матвей Меховский, 1936: *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л.
- Матфей Парижский, 1996: *Матфей Парижский.* Великая Хроника // Русский разлив. М.
- Мелихов, 1977: *Мелихов Г.В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Мисюгин, 1980: *Мисюгин В.М.* «Правило Ндугу» и следы социально-возрастного деления у некоторых европейских народов раннего средневековья // AFRICANA: Афр. этнограф. сб. Т. XII. Л.
- Мухаммадиев, 1983: *Мухаммадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М.
- Мухаммадиев, 1990: *Мухаммадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань.
- Мыськов, 1992: *Мыськов Е.П.* О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья // Материалы межрегион. конф. «Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды». Волгоград.
- Мыськов, 1994: *Мыськов Е.П.* Воцарение Узбека // Вопр. краеведения. Вып. III. Волгоград.
- Мыськов, 1997: *Мыськов Е.П.* О походах золотоордынских войск на Константинополь в XIII в. // Чтения в Волгоградском областном обществе краеведов. Год 8. Волгоград.
- Мыськов, 1998: *Мыськов Е.П.* Золотая Орда при Сартаке и Улагчи // Нижневолж. археол. вестн. Вып. 1. Волгоград.

- Мыськов, 1999: *Мыськов Е.П.* О золотоордынских монетах, чеканенных от имени кагана Менгу // Нижневолж. археол. вестн. Вып. 2. Волгоград.
- Нагел, 1997: *Нагель Т.* Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья. Ростов н/Д.
- Нарожный, 1989: *Нарожный Е.И.* О роли христианства в хулагуидо-джучидских взаимоотношениях в предкавказской зоне // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов н/Д.
- Насонов, 1996: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь // Русский разлив. М.
- Новгородская, 1950: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* М.; Л.
- Памятники, 1981: *Памятники литературы Древней Руси.* XIII в. М.
- Патканов, 1871: *Патканов К.Н.* История монголов инок Магачи. СПб.
- Патканов, 1874: *Патканов К.Н.* История монголов по армянским источникам. СПб.
- Пашуто, 1950: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.
- Пашуто, 1977: *Пашуто В.Т.* Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Петрушевский, 1927а: *Петрушевский И.П.* Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256—1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Петрушевский, 1927б: *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Погодин: *Погодин А.Л.* История Сербии, СПб.
- Полубояринова, 1978: *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.
- Полак, 1964: *Полак А.Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.
- Похлебкин, 1999: *Похлебкин В.В.* Все ханы Золотой Орды. Хронологическая таблица. История исследования. М.

- Приселков, 1950: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.; Л.
- ПСРЛ, 1841: *Новгородская первая летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. III. СПб.
- ПСРЛ, 1843: *Густавская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. II. СПб.
- ПСРЛ, 1843б: *Ипатьевская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. II. СПб.
- ПСРЛ, 1848: *Новгородская IV летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. IV. СПб.
- ПСРЛ, 1851: *Софийская первая летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. V. СПб.
- ПСРЛ, 1856: *Воскресенская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. VII. СПб.
- ПСРЛ, 1885: *Патриаршая или Никоновская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. X. СПб.
- ПСРЛ, 1908: *Книга степенная царского родословия* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XXI, ч. 1. СПб.
- ПСРЛ, 1910а: *Львовская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XX, ч. 1. СПб.
- ПСРЛ, 1910б: *Ермолицкая летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XXIII. СПб.
- ПСРЛ, 1913: *Симоновская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XVIII. СПб.
- ПСРЛ, 1922: *Рогожский летописец* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XV, вып. 1. Пг.
- ПСРЛ, 1927: *Лаврентьевская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. I, вып. 2. Л.
- ПСРЛ, 1928: *Лаврентьевская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. I, вып. 3. Л.
- ПСРЛ, 1949: *Московский летописный свод конца XV в.* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XXV. Л.
- ПСРЛ, 1963: *Летописный свод 1497 г.* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XXVIII. М.; Л.
- ПСРЛ, 1965: *Владимирский летописец* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XXX. М.
- ПСРЛ, 1980: *Никифоровская летопись* // Полн. собр. рус. летописей. Т. XXXV. М.
- Путешествия, 1957: *Путешествия в восточные страны* Пяно Карпини и Рубрука. М.

- Рямм, 1959: *Рямм Б.Я.* Папство и Русь в X—XV вв. М.; Л.
- Рассказы, 1973: *Рассказы русских летописей.* М.
- Рашид ад-Дин, 1960: *Рашид ад-Дин.* Сб. летописей. Т. II. М.; Л.
- Розанов, 1916: *Розанов С.П.* Повесть об убийстве Батая // Изв. олд.-ннурск. яз. и словесности. Т. XXI. Пг.
- Рун Гонсалес де Клавихо, 1990: *Рун Гонсалес де Клавихо.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406).
- Рыков, 1936: *Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов.
- Сафаргалиев, 1996: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.
- Свиштунова, 1977: *Свиштунова Н.И.* Гибель Южноусунского государства // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Смирнов, 1887: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб.
- Сокровенное сказание, 1990: *Сокровенное сказание монголов.* Улан-Удэ.
- Сочнев, 1993: *Сочнев Ю.В.* Христианство в Золотой Орде в XIII в. // Из истории Золотой Орды. Казань.
- Татищев, 1996: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. V. М.
- Тизенгаузен, 1884: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб.
- Тизенгаузен, 1941: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.
- Тимофеев, 1983: *Тимофеев И.В.* Ибн Баттута. М.
- Тихвинский, 1977: *Тихвинский С.Л.* Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Трепавлов, 1993: *Трепавлов В.В.* Государственный строй монгольской империи XIII в. М.
- Успенский, 1926: *Успенский Ф.И.,* Византийские истории о монголах и египетских мамлюках // Византийский вестник. Т. XXXIV. М.; Л.
- Утешаш-хаджи, 1992: *Утешаш-хаджи.* Чингиз-наме. Азма-Аза. Феннел, 1989: *Феннел Д.* Кризис средневековой Руси 1200—1304. М.
- Федоров-Давыдов, 1965: *Федоров-Давыдов Г.А.* Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. № 6.

Федоров-Давыдов, 1966а: *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы в X—XIV веках. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.

Федоров-Давыдов, 1966б: *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Федоров-Давыдов, 1973: *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.

Федоров-Давыдов, 1974: *Федоров-Давыдов Г.А.* Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М.

Федоров-Давыдов, 1978: *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотая Орда и монгольский Иран // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. № 6.

Федоров-Давыдов, 1987: *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело и денежное обращение. Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.

Федоров-Давыдов, 1992: *Федоров-Давыдов Г.А.* Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола.

Федоров-Давыдов, 1994: *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.

Черепнин, 1977: *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Чернышевский, 1989: *Чернышевский Л.В.* «Придоша бесчислени, яко друзи» // Вопр. ист. № 2.

Шилов, 1959: *Шилов В.П.* Калининский курганный могильник // Материалы и исслед. по археол. СССР. № 60. Т. 1. М.

Экземплярский, 1998: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 г. по 1505 г. М.

Эренжен Хара-Даван, 1991: *Эренжен Хара-Даван.* Чингисхан как полководец и его наследие. Эписта.

Янина, 1954: *Янина С.А.* Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. // Материалы и исслед. по археол. СССР. № 42. М.

Allsen, 1983: *Allsen Th.* Prelude to the western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region, 1217—1237 // *Archivum Eurasian Media Aevi*, Wiesbaden.

Chambers, 1988: *Chambers J.* The devil's horsemen: The Mongol invasion of Europe. Cassell.

Georgii Pachymeris, 1835: *Georgii Pachymeris.* De Michaelis et Andronico Palaeologis. Bonnae.

Jackson, 1978: *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal*. Vol. 22.

Juvaini, 1958: The history of the world-conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Vol. II. Manchester.

Labuda, 1959: *Labuda G.* Wojna z Tatarami w roku 1241 // *Przegląd Historyczny*. Warszawa.

Muir, 1896: *Muir W.* The Mameluke or Slave Dynasty of Egypt. 1260—1517 A. D. London.

Spuler, 1943: *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223—1502. Leipzig.

Spuler, 1955: *Spuler B.* Die Mongolen in Iran: Politic, Verwaltung undue Kultur der Ilchanenzeit, 1220—1350. Berlin.

Содержание

Введение	3
Глава 1 Завоевательные походы Бату и образование государства Золотая Орда	23
Глава 2 Золотая Орда при Сартаке и Улагчи	48
Глава 3 Золотая Орда в годы правления Берке и Менгу-Тимура	74
Глава 4 Эпоха Ногая	112
Глава 5 Золотая Орда в начале XIV в.	141
Заключение	161
Список литературы	167

Для заметок